

Роберт Говард Конан, варвар из Киммерии

Пролог Гиборийская эра

Об эпохе, названной немедийскими летописцами Допотопной Эрой, мы знаем слишком мало; пожалуй, можно говорить лишь о ее последнем периоде, да и то эти сведения окутаны туманом легенд.

Самые ранние исторические свидетельства рассказывают об упадке допотопной цивилизации. Наиболее влиятельными в этот период были монархи Комелии, Валюзии, Верулии, Грондара, Туле и Коммории. Народы этих государств говорили на одном языке, что свидетельствует об их общем происхождении.

Существовали тогда и иные держава в сходной степени развития, населенные другими народами, скорее всего, более древними.

Варварами же этой эпохи были пикты, жившие на островах, расположенных в Западном океане далеко от материка, атланты, населявшие небольшой континент между островами пиктов и Главным, или Туранским, материком, а также лемурийцы, заселявшие архипелаг больших островов в Южном полушарии.

И существовали также бескрайние просторы неизведанных земель. Цивилизованные государства, при всей их обширности, занимали весьма скромную часть земной суши.

Самым западным царством Туранского континента была Валюзия, самым восточным королевство Грондар. Жители Грондара были менее цивилизованы, чем их сородичи в других государствах. К востоку от Грондара простиралась бесконечная пустыня, безлюдная и дикая.

Там, где земля была более щедрой, в джунглях и отрогах гор, жили примитивные первобытные племена. Далеко на юге существовала таинственная цивилизация, не имеющая ничего общего с туранской – скорее всего, дочеловеческая. Восточные побережья континента населяла другая раса, также не туранская по происхождению. Время от времени с ней вступали в контакты лемурийцы; раса эта происходила, по-видимому, с загадочной, вечно покрытой туманом земли, лежащей к югу от островов Лемурии.

Туранская культура клонилась к упадку. Армии Турана состояли по большей части из варваров-наемников. Полководцами, политиками, а не редко и правителями туранских государств были пикты, атланты и лемурийцы.

В междоусобицах и стычках, о войнах между Валюзией и Комморией, о том, наконец, как атланты покорили часть старого материка и основали там державу – легенд обо всем этом для потомков осталось куда больше, чем достоверных исторических свидетельств.

А потом Катастрофа опустошила землю. Ушли на дно Лемурия и Атлантия; острова же пиктов, напротив, поднялись и стали горными вершинами нового материка. Исчезли в волнах целые регионы Турана, затонули и некоторые области в глубине континента – на их месте образовались огромные внутренние моря и озера. Повсюду заклокотали вулканы и чудовищные землетрясения обратили богатые города в груды развалин. Целые народы исчезли с лица земли.

Варварским племенам повезло больше, чем цивилизованным людям. Острова пиктов погибли, но большая колония пиктов, поселенная на южном границе Валюзии для защиты рубежей, не пострадала. Пощадил катаклизм и континентальную державу атлантов: тысячи их соплеменников прибывали туда на кораблях, покинув погружающуюся в океан отчизну. Многие лемурийцы спаслись на мало потревоженном катастрофой восточном побережье Туранского континента. Там Они попали под иго загадочного древнего народа. Их история на многие тысячелетия стала историей жестокого угнетения и рабского труда.

Изменившиеся природные условия в западной части континента привели к расцвету

причудливых форм животных и растений. Густые джунгли покрывали равнины, бурные реки, в своем стремлении к морю, пробили глубокие ущелья, до небес поднялись горные массивы, а развалины расположенных в цветущих долинах древних городов очутились на дне озер.

Со всех сторон стекались к континентальной державе атлантов стаи зверей и первобытных людей, обезьян и человекообразных, спасавшихся из затонувших областей. В постоянной борьбе за существование атланты сумели, однако, сохранить остатки своей варварской культуры. Лишенные металла и металлических руд, они, подобно предкам, вернулись к обработке камня и преуспели в этом, но столкнулись с сильным народом пиктов. Пикты также занялись выделкой кремневых орудий, но их военное искусство развивалось быстрее, чем у атлантов. Пикты были расой многочисленной, хоть и примитивной – не осталось от них ни рисунков, ни резьбы по кости – только горы отличного каменного оружия.

Сшиблись в схватке эти державы каменного века и, после ряда кровопролитных войн, пикты отбросили атлантов на уровень убогого варварства, но и сами остановились в развитии.

Спустя пять сотен лет после Катастрофы королевства варваров исчезли с лица земли. От них остались вышесказанные племена – дикие и непрестанно враждующие. И числом, и организацией пикты превосходили атлантов, распавшихся на роды, слабо соединенные племенными связями.

Таков был Запад в эту эпоху.

На Дальнем же Востоке лемурийцы, отрезанные от остального мира гигантскими горными хребтами и цепями великих озер, продолжают влачить рабское существование под пятой древних аборигенов.

Отдаленные области Юга покрыты мглой тайн. Катастрофа их не коснулась, но еще не скоро эта земля сыграет свою роль в истории человечества.

Среди невысоких холмов Юго-Запада сумели выжить остатки народа невалузийского происхождения; люди эти называют себя «земри».

Тут и там разбросаны по свету племена обезьяноподобных дикарей. Они и знать не знают о рассвете и гибели великих цивилизаций. Но далеко на Севере уже приближается понемногу к барьеру, разделяющему зверя и человека, иная первобытная раса.

Во время Катастрофы небольшая группа дикарей, по уровню не далеко ушедших от неандертальцев, в поисках спасения бежала на Север. Там они нашли заснеженную страну, населенную лишь воинственными обезьянами – сильными, обросшими белой шерстью зверями, вполне приспособившимися к здешнему климату. Пришельцы вступили в борьбу с ними и вытеснили обезьян за Полярный Круг – на верную, как им думалось, гибель. Но обезьяны и там приспособились и выжили.

После того, как войны пиктов и атлантов уничтожили то, что могло стать зачатков новой цивилизации, следующая, так называемая Малая Катастрофа еще больше преобразила материк. Великие озера слились в одно континентальное море, отделившее Восток от Запада. Землетрясения, наводнения и извержение вулканов довершили гибель варваров – гибель, которую они сами уготовили себе во взаимных войнах.

Через тысячу лет после Малой Катастрофы Запад представлял собой дикую страну джунглей, озер и бурных рек. На Юго-Западе между лесистых холмов бродят кочевые племена человекообразных, не знающих ни речи, ни огня, ни орудий – это потомки атлантов, погрузившиеся в бездну дикости, из которой с таким трудом выбрались их предки. Там же на Юго-Западе, живут рассеянные племена выродившихся пещерных людей, говорящих на убогом языке. Они по-прежнему зовут себя пиктами, но сейчас это слово означает просто «человек» – чтобы отделить себя от зверей. Только это имя связывает пиктов с древней историей их племени. Ни выродившиеся пикты, ни обезьяноподобные атланты не вступают в контакты с другими народами.

На Дальнем Востоке лемурийцы, доведенные почти до животного состояния почти

рабским трудом, подняли восстание, перебили своих угнетателей и ведут первобытный образ жизни среди развалин загадочной цивилизации. Остатки их поработителей, спасшихся от возмездия, двинулись на Запад, напали на необычное древнее королевство и установили там свою власть. Культура победителей под влиянием культуры побежденных подверглась переменам. Так возникло государство, именуемое «Стигия». Известно также, что исконных жителей этой страны осталось немного и завоеватели относились к ним с почтением.

О диких племенах, разбросанных по свету, ведомо лишь, что они все больше приближаются к людям. Но это и все.

Зато возрастает могущество народов Севера. Они называют себя гиборийцами или гиборами. Богом их считается Бори – некий великий вождь, который, согласно легендам, правил ими еще до короля, приведшего их на Север в дни Катастрофы – в дни, что остались только в преданиях и сказках.

Гиборийцы распространились по северным областям и неторопливо двигаются к югу. До сих пор они не сталкивались с другими народами и воюют лишь между собой. Спустя полторы тысячи лет, проведенных в снежной стране, эта светловолосые высокие люди, вспыльчивые и воинственные. Уже на этой стадии развития их культуру отличает своеобразная природная поэтика и умение хорошо рисовать. Живут они главным образом охотой, но южные племена уже сотни лет занимаются скотоводством.

Только один случай нарушил полную отъединенность гиборийцев от других народов – когда вернулся с Дальнего Севера странник и принес известие, что ледяные пустыни вовсе не безлюдны – их населяют многочисленные племена человекообразных, происходящих, по его словам, от тех самых обезьян, которых прогнали предки гиборийцев. Странник утверждал, что следует послать за Полярный Круг вооруженные отряды и перебить этих бестий, пока они не превратились в настоящих людей. Над ним посмеялись. Только небольшая группа молодых воинов в поисках приключений двинулась за ним на север и пропала: ни один не вернулся. Гиборийцы же по мере увеличения своей численности, продвигались на юг.

Следующее столетие было эпохой путешествий и завоеваний. По исторической карте мира текут реки племен, постоянно изменяя ее.

Поглядим на эту карту пятьсот лет спустя.

Отряды русоволосых гиборийцев продвинулись к югу и западу, покорив или уничтожив множество малых неизвестных народов. Потомки первых волн переселенцев, смешиваясь с побежденными, приобрели иной расовый облик. На них напирало племена чистопородных гиборийцев, гоня перед собой все народы, словно щетка мусор – в результате этого племена еще больше перемешиваются между собой.

До сих пор победители не столкнулись с более древними расами.

Тем временем на Юго-Западе потомки народа шемри, усиленные свежей кровью некоего таинственного племени, стараются хотя бы отчасти возродить свою древнюю культуру.

На Западе начинают свое долгое и трудное восхождение обезьяноподобные атланты. Цикл развития для них замкнулся, давно уже забыли они, что их предки были людьми и движутся сейчас без путеводной звезды – памяти о прошлом.

Живущие к югу от них пикты остаются дикарями. Нарушая все законы эволюции, они не развиваются и не деградируют.

Еще дальше на юг дремлет таинственное, древнее уже государство Стигия. На ее восточных рубежах живут кочевники-номады, уже тогда известные как Сыны Шем, или шемиты.

Под самым боком у пиктов в цветущей долине Зингг под защитой высоких гор безымянное примитивное племя, родственное шемитам, сумело наладить развитое сельское хозяйство.

К мощному натиску гиборийцев прибавился еще один фактор: одно из племен овладело искусством возводить каменные постройки и вскоре миру предстала первая гиборийская

держава – дикое варварское королевство Гиперборея, взявшее свое начало от неуклюжей каменной крепости для защиты от межплеменных розней. Люди этого племени быстро отказались от шатров из конских шкур и переселились в нескладные, но крепкие каменные дома. Обезопасившись таким образом, они стали немалой силой в тогдашнем мире.

Немного было в истории переломных моментов, равных по значению созданию этого сильного и воинственного государства, жители которого внезапно отказались от кочевой жизни и возвели дома из неотесанных глыб, окружив их циклопическими стенами.

И совершил это народ, только что вышедший из каменного века, по чистой случайности открыв основные принципы строительного искусства.

Рождение королевства Гипербореи подтолкнуло многие гиборийские племена. Одни были побеждены в бою, другие просто отказались от оседлости своих собратьев – и все они двинулись по дальним дорогам, протянувшимся через полмира. И уже тогда выдвинувшиеся на юг племена гиборийцев стали все сильнее ощущать удары светловолосых дикарей, недалеко ушедших по сравнению с человекообразными.

Рассказ о следующем тысячелетии – это сага о рождении мощи гиборийцев, воинственные племена которых подчинили себе весь Запад. Именно тогда начинают возникать первые примитивные королевства. Русоволосые захватчики столкнулись с пиктами и вытеснили их на бесплодные западные земли. Осевшие на северо-западе потомки атлантов медленно превращаются из обезьян в первобытных людей и не видели еще ни одного гиборийца.

На Дальнем Востоке лемурийцы развивают свою собственную странную цивилизацию. Гиборийцы основывают на юге королевство Кот, граничащее с пастушеской страной, именуемой Земля Шем. Полудикое местное население постепенно отказывается от варварских обычаев – отчасти благодаря контактам с гиборийцами, отчасти под влиянием Стигии, которая в течение столетий донимала пастушеские племена грабительскими набегами.

Светловолосый народ дикарей с Дальнего Севера так укрепился числом и силой, что северные гиборийские племена бросились на юг, сметая поселения своих сородичей. Одна из северных орд покорила древнюю Гиперборею, но название державы осталось неизменным.

На юго-востоке от Гипербореи из королевства Земри возникает государство по имени Замора. На юго-западе пикты вторгаются в плодородную долину Зингг, покоряют ее жителей и оседают там. Таким образом возникает смешанная раса. Ее, в свою очередь, подчиняет гиборийское племя, и, соединившись в единое целое, они дают начало королевству Зингар.

Пять веков спустя границы государств уже четко определены. В западной части мира преобладают гиборийские державы – Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Кот, Офир, Аргос, Коринтия и Пограничное Королевство. К востоку от них лежит Замора, на юго-востоке – Зингар. Их народы не родня между собой – схожи они только смуглой кожей да причудливыми обычаями.

Далеко на юге притаилась Стигия, еще не тронутая иноземными захватчиками, но уже в других пределах, ибо шемитские народы сбросили стигийское ярмо, предпочли ему менее тягостную зависимость от королевства Кот. Смуглолицые угнетатели отброшены за великую реку, именуемую Стикс, а также Нилус или Нил.

Река эта течет на север из неведомых юных земель, потом поворачивает почти под прямым углом и несет свои воды на запад через щедрое пастбище Земли Шем, чтобы впасть в великий Океан.

Самое западное гиборийское государство – лежащая к северу от Аквилонии Киммерия. Дикие его обитатели не отказались от кочевой жизни. Это потомки атлантов. Благодаря связям с гиборийской культурой они развиваются куда быстрее своих извечных врагов – пиктов, населяющих джунгли на западе Аквилонии.

Спустя следующие пятьсот лет гиборийская цивилизация развита уже настолько, что контакты с ней диких племен дают им возможность вырваться из бездны варварства. Самым могущественным государством становится Аквилония, а другие стараются сравняться с ней

в богатстве и силе.

Гиборийская раса сильно изменилась из-за притока чужой крови. Наибольшей близостью к общим северным предкам могут похвалиться только обитатели Гандерланда – северной аквилонской провинции. Но чужая кровь не ослабила гиборийцев – они все еще решающая сила на Западе, хотя в степях растут и множатся новые племена и народы.

На Севере потомки арктической расы – русоволосые голубоглазые варвары – вытеснили племена гиборийцев, им Противостоит только древняя Гиперборея. Родина этого северного племени зовется Нордхейм, обитатели ее делятся на рыжих ванов из Ванахейма и белобрых асов из Асгарда.

Тут на карте истории снова появляются лемурийцы – на этот раз под именем гирканцев. В течение веков продвигались они на запад, чтобы осесть на южном побережье огромного континентального моря Вилайт и заложить там королевство Туран. Между морем и восточными границами местных княжеств лежит дикая степь, а к югу и северу – пустыня. Разбросанные в степи пастушеские племена – иного, не гирканского происхождения. О северной их ветви неизвестно ничего, южная же произошла от местных шемитов с небольшой примесью гиборийской крови.

В конце этого периода другие кланы гирканцев, продвигаясь на запад, заселяют северное побережье и сталкиваются с пришедшими на восток передовыми отрядами гиборийцев.

Теперь посмотрим на людей этого века.

Господствующие в мире гиборийцы, как уже говорилось, не сплошь светловолосы и сероглазы. У жителей королевства Кот мы обнаружим ярко выраженные шемитские и даже стигийские черты, как и у обитателей Аргоса, где еще сохранилась и зингарская кровь. Восточные бритунцы породнились со смуглыми жителями Заморы, а южные аквилонцы со стройными зингарцами до такой степени, что черные волосы и карие глаза преобладают в Пойтайне, самой южной провинции. Древнее королевство Гиперборея лежит на самом краю цивилизованного мира, нов жилах и его подданных течет много чужой крови из-за рабынь, которых привозят из Гиркании, Асгарда и Заморы.

Чистую гиборийскую кровь можно все еще найти в Гандерланде – не в обычаях тамошнего народа держать рабов.

Сохранили свою породу и варвары. Киммерийцы сильные и рослые, черноволосые, с голубыми или серыми глазами. Схожи с ними люди из Нордхейма, но кожа у них белая, глаза голубые а волосы рыжие либо золотистые. Пикты не изменились – низкорослые, крепкие, очень смуглые, черноглазые и темноволосые.

Темнокожие гирканцы – народ худощавый и рослый, хотя все чаще встречаются среди них люди широкоплечие и раскосые – это следствие похода в земли мудрецов, живущих в горах к востоку от моря Витайет.

Шемиты чаще всего, высоки, пропорционально сложены, черты их лиц просты и благородны – таков правящий класс, низшие же касты – сплошная смесь стигийцев с шемитами и даже гиборийцами.

К юге от Стигии лежат обширные государства чернокожих – амазонов, кушитов и атлайан, а также населенная разными народами империя Зембанте.

Между Аквилонией и лесами пиктов расположено Боссонское пограничье. Его жители ведут свой род от местного племени, покоренного гиборийцами. Эти люди среднего роста и сложения, глаза у них серые или карие. Живут крестьянским трудом за крепкими стенами, подчиняются аквилонским королям. Их земля защищает королевство от пиктов и киммерийцев. Боссонцы чрезвычайно стойки в бою. За столетия войн с варварами они так научились держать оборону, что прорвать их строй прямой атакой невозможно. Таков был мир, в который пришел Конан.

Дочь ледяного гиганта

Легенды гласят, что самый могучий воин Гиборийской эры, тот, кто, по выражению немедийского летописца, «ножищами, обутыми в грубые сандалии, попрал украшенные самоцветами престолы владык земных», появился на свет прямо на поле битвы, и этим определилась его дальнейшая судьба. Дело вполне возможное, ибо жены киммерийские владели оружием не хуже мужчин. Не исключено, что мать Конана, беременная им, устремилась вместе со всеми в бой, чтобы отразить нападение враждебных ванов. Так среди сражений, которые с небольшими передышками вели все киммерийские кланы, протекло все детство Конана. От отца, кузнеца и ювелира, он унаследовал богатырскую статью и принимал участие в битвах с той поры, как смог держать в руке меч.

Пятнадцать лет было ему, когда объединенные племена киммерийцев осадили, взяли и сожгли пограничный город Венариум, возведенный захватчиками-аквилонцами на исконно киммерийских землях. Он был среди тех, кто яростней всех сражался на стенах и меч его вволю напился вражеской крови. Имя его с уважением произносили на советах старейшин. Во время очередной войны с ванами он попал в плен, бежал в Замору, несколько лет был профессиональным грабителем, побывал в землях Коринтии и Немедии, дошел до самого Турана и вступил в наемную армию короля Юлдуза. Там он овладел многочисленными воинскими искусствами, научился держаться в седле и стрелять из лука. Побывал он и в таких диковинных странах, как Меру, Вендхия, Гиркания и Кхитай. Года через два он крепко повздорил с командирами и дезертировал из туранской армии в родные края. И вот с отрядом асов он пошел в Ванахейм, потревожить извечных врагов – ванов...

...И вот затих лязг мечей и топоров. Умолкли крики побоища. Тишина опустилась на окровавленный снег. Белое холодное солнце, ослепительно сверкавшее на поверхности ледников, вспыхивало теперь на погнутых доспехах и поломанных клинках там, где лежали убитые. Мертвые руки крепко держали оружие. Головы, увенчанные шлемами, в предсмертной агонии запрокинули к небу рыжие или золотистые бороды, как бы вызывая напоследок к Имиру Ледяному Гиганту, богу народа воинов.

Над кровавыми сугробами и закованными в доспехи телами стояли друг против друга двое. Только они и сохраняли жизнь в этом мертвом море. Над головами из висело морозное небо, вокруг расстилалась бескрайняя равнина, у ног лежали павшие соратники. Двое скользили между ними словно призраки, покуда не очутились лицом к лицу.

Были они высоки ростом и сложены как тигры. Щиты были потеряны, а латы помяты и посечены. На броне и клинках застывала кровь. Рогатые шлемы украшены были следами ударов. Один из бойцов был безбород и черноволос, борода и кудри другого на фоне залитого солнцем снега отсвечивали алым.

– Эй, приятель, – сказал рыжий. – Назови-ка свое имя, чтобы я мог рассказать своим братьям в Ванахейме о том, кто из шайки Вульфера пал последним от меча Хеймдала.

– Не в Ванахейме, – проворчал черноголовый воин, – а в Валгалле расскажешь ты своим братьям, что встретил Конана из Киммерии!

Хеймдал зарычал и прыгнул, его меч описал смертоносную дугу. Когда свистящая сталь ударила по шлему, высекая сотни голубых искр Конан зашатался и перед глазами его поплыли красные круги. Но и в таком состоянии он сумел из всех сил нанести прямой удар. Клинок пробил пластины панциря, ребра и сердце – рыжий боец пал мертвым к ногам Конана.

Киммериец выпрямился, освобождая меч, и почувствовал страшную слабость. Солнечный блеск на снегу резал глаза как нож, небо вокруг стало далеким и тусклым. Он отвернулся от побоища, где золотобородые бойцы вместе со своими рыжими убийцами покоились в объятиях смерти. Ему удалось сделать лишь несколько шагов, когда потемнело сияние снежных полей. Он внезапно ослеп, рухнул в снег и, опершись на закованное в броню плечо, попытался стряхнуть пелену глаз – так лев потрясает гривой.

... Серебристый снег пробил завесу мрака и зрение начало возвращаться к Конану. Он поглядел вверх. Что-то необычное, что-то такое, чему он не мог найти ни объяснения, ни

названия, произошло с миром. Земля и небо стали другого цвета. Но Конан и не думал об этом: перед ним, качаясь на ветру, словно молодая береза, стояла девушка. Она казалась выточенной из слоновой кости и была покрыта лишь муслиновой вуалью. Ее изящные ступни словно бы не чувствовали холода. Она смеялась прямо в лицо ошеломленному воину, и смех ее был бы слаще шума серебристого фонтана, когда бы не был отравлен ядом презрения.

– Кто ты? – спросил киммериец. – Откуда ты взялась?

– Разве это важно? – голос тонкострунной арфы был безжалостен.

– Ну, зови своих людей, – сказал он, хватаясь за меч. – Силы покинули меня, но моя жизнь вам дорого обойдется. Я вижу, ты из племени ванов.

– Разве я это сказала?

Взгляд Конана еще раз остановился на ее кудрях, которые сперва показались ему рыжими. Теперь он разглядел, что не были они ни рыжими, ни льняными, а подобными золоту эльфов – солнце горело на них так ярко, что глазам было больно. И глаза ее были ни голубые, ни серые, в них играли незнакомые ему цвета. Улыбались ее пухлые алые губы, и вся она, от точеных ступней до лучистого вихря волос была подобна мечте. Кровь бросилась в лицо воину.

– Не знаю, – сказал он, – кто ты – врагиня ли из Ванахейма или союзница из Асгарда. Я много странствовал, но не встречал равной тебе по красоте. Золото кос твоих ослепило меня... Таких волос я не видел и у прекраснейших из дочерей Асгарда, клянусь Имиром...

– Тебе ли поминать Имира, – с презрением сказала она. – Что ты знаешь о богах снега и льда, ты, ищущий приключений между чужих племен пришелец с юга?

– Клянусь грозными богами моего народа! – в гневе вскричал Конан. – Пусть я не золотоголовый ас, но нет равного мне на мечях! Восемь десятков мужей погибло сегодня на моих глазах. Лишь я один остался в живых на поле, где молодцы Вульфера повстречали волчью стаю Браги. Скажи, дева, видела ли ты блеск стали на снегу или воинов, бредущих среди льдов?

– Видела я иней, играющий на солнце, – отвечала она. – Слышала шепот ветра над вечными снегами.

Он вздохнул и горестно покачал головой.

– Ньорд был должен присоединиться к нам перед битвой. Боюсь, что он со своим отрядом попала в ловушку. Вульфер и его воины мертвы... Я думал, что на много миль вокруг нет ни одного селения – война загнала нас далеко. Но не могла же ты прийти издалека босяком. Так проводи меня к своему племени, если ты из Асгарда, ибо я слаб от ран и борьбы.

– Мое селение дальше, чем ты можешь себе представить, Конан из Киммерии, – рассмеялась дева.

Она раскинула руки и закружилась перед ним, склонив голову и сверкая очами из-под длинных шелковистых ресниц.

– Скажи, человек, разве я не прекрасна?

– Ты словно заря, освещающая снега первым лучом, – прошептал он и глаза его запылали, как у волка.

– Так что же ты не встаешь и не идешь ко мне? Чего стоит крепкий боец, лежащий у моих ног? – в речи ее он услышал безумие. – Тогда ложись и подыхай в снегу, как эти болваны, черноголовый Конан. Ты не дойдешь к моему жилищу.

С проклятием Конан вскочил на ноги. Его покрытое шрамами лицо исказила гримаса. Гнев опалил ему душу, но еще жарче было желание – кровь пульсировала в щеках и жилах. Страсть сильнейшая чем пытка охватила его, небо стало красным. Безумие обуяло воина, и он забыл об усталости и ранах.

Не говоря ни слова, он засунул окровавленный меч за пояс и бросился на нее, широко расставив руки.

Она захохотала, отскочила и бросилась бежать, оглядываясь через плечо и не

переставая смеяться. Конан помчался за ней, глухо рыча.

Он забыл о схватке, о латниках, залитых кровью, о Ньорде и его людях, не поспевших к сражению. Все мысли устремились к летящей белой фигурке. Они бежали по ослепительной снежной равнине. Кровавое поле осталось далеко позади, но Конан продолжал бег со свойственным его народу тихим упорством. Его обутое железом ноги глубоко проваливались в снег. А девушка танцевала по снежному насту как перышко и следов ее ступней нельзя было различить на инее. Холод проникал под доспехи разгоряченного воина и одежду, подбитую мехом, но беглянка в своей вуали чувствовала себя словно среди пальмовых рощ юга. Все дальше и дальше устремлялся за ней Конан, изрыгая чудовищные проклятия.

– Не уйдешь! – рычал он. – Попробуй заманить меня в засаду я поотрубаю головы твоим сородичам! Попробуй спрятаться – я горы расшибу и пойду за тобой даже в преисподнюю!

Издевательский смех был ему ответом.

Она увлекала его все дальше в снежную пустыню. Шло время, солнце стало клониться к земле и пейзаж на горизонте стал другим. Широкие равнины сменились невысокими холмами. Далеко на севере Конан увидел величественные горные вершины, отсвечивающие в лучах заходящего светила голубым и розовым. В небе горело полярное сияние. Да и сам снег отливал то холодной синевой, то ледяным пурпуром, то вновь становился по-зимнему серебряным. Конан продолжал бег в этом волшебном мире, где единственной реальностью был танцующий на снегу белый силуэт, все еще недостижимый.

Он уже ничему не удивлялся – даже когда двое великанов преградили ему дорогу. Пластины из панцирей заиндевели, на шлемах и топорах застыл лед. Снег покрывал их волосы, бороды смерзлись, а глаза были холодны, как звезды на небосклоне.

– Братья мои! – воскликнула девушка, пробегая между ними. – Смотрите – я привела к вам человека! Вырвите его сердце покуда оно бьется, и мы возложим его на жертвенник нашего отца!

Гиганты зарычали – словно айсберги столкнулись в океане. Они взметнули сверкающие топоры, когда киммериец бросился на них. Заиндевевшее лезвие блеснуло перед ним, на миг ослепив, но он ответил выпадом и клинок пробил ногу противника повыше колена. С криком упал он на снег, но удар другого великана поверг Конана. Воина спасла броня, хотя плечо и онемело. И увидел Конан, как над возвысилась на фоне холодного неба огромная, словно бы высеченная из льда фигура. Топор ударил – и вонзился в снег, потому что варвар откатился в сторону и вскочил на ноги. Великан зарычал и вновь поднял топор, но клинок Конана уже засвистел в воздухе. Колени великана подогнулись и он медленно опустился в снег, обгаренный кровью из рассеченной шеи.

Конан огляделся и увидел девушку, смотревшую на происходящее расширенными от ужаса глазами.

Капли крови стекали с его плеча, и грозно вскричал Конан:

– Зови остальных своих братьев! Их сердца я брошу на поживу полярным волкам! Тебе не уйти!

В страхе она бросилась вперед – без смеха, без оглядки, без памяти. Варвар мчался изо всех сил, но расстояние между ними все увеличивалось.

Конан стиснул зубы так, что кровь пошла из десен, и ускорил бег. И вот между ними осталось не более ста шагов.

Бежать ей было все трудней, и он уже слышал ее тяжелое дыхание. Чудовищная выносливость варвара победила.

Адский огонь, который она разожгла в дикой душе Конана, разгорелся в полную силу. С нелюдским ревом он настиг ее и она, защищаясь вытянула руки вперед. Он отшвырнул меч и сжал девушку в объятиях. Тело ее дугой изогнулось в его железных руках. Золотистые волосы ослепляли Конана, а плоть ее, гладкая и холодная, казалась выточенной из обжигающего льда.

– Да ты ледышка! – бормотал он. – Я согрею тебя огнем моей крови!

В отчаянном усилии она освободилась и отскочила назад, оставив в его кулаке обрывок вуали. Золотистые волосы ее растрепались, грудь тяжело вздымалась, и Конана еще раз поразила ее нечеловеческая красота.

Она воздела руки к звездам на небосклоне, и голос ее навсегда запечатлелся в памяти Конана:

– Имир, отец мой, спаси!

Воин протянул руки, чтобы схватить ее, и тут словно бы раскололась ледяная гора. Небо запылало холодным огнем, и был он так ослепителен, что киммериец зажмурился. Огонь этот охватил тело девушки. И она исчезла.

Высоко над его головой колдовские светила кружились в дьявольском танце. За дальними горами прокатился гром, словно проехала гигантская боевая колесница и огромные кони высекали своими подковами искры из ледяной дороги.

А потом зарево, белые вершины и сияющее небо закачались перед глазами Конана. Тысячи огненных шаров рассыпались каскадами брызг, а небосвод закружился, как гигантское колесо, сыплющее звездным дождем.

Волной поднялась земля из-под его ног, и киммериец рухнул в снег, ничего уже не видя и не слыша.

... Он почувствовал присутствие жизни в этой темной и холодной вселенной, где солнце давным-давно погасло. Кто-то безжалостно тряс его тело и сдирал кожу со ступней и ладоней. Конан зарычал от боли и попытался нашарить меч.

– Он приходит в себя, Хорса, – раздался голос. – Давай-ка поживей растирай ему руки и ноги – может, он еще сгодится в бою!

– Никак не разжать левую руку, – сказал другой. – Что-то он в ней держит.

Конан открыл глаза и увидел бородачей, склонившихся над ним. Его окружали высокие золотоволосые воины в латах и мехах.

– Конан! – воскликнул один из них. – Никак ты живой!

– Клянусь Кромом, Ньорд, – простонал Конан. – Или я живой, или вы все уже в Валгалле.

– Мы-то живые, – ответил ас, продолжая растирать ступни Конана. – Не смогли соединиться с вами потому, что пришлось прорубаться через засаду. Тела еще не успели остыть, когда мы пришли на поле. Тебя не было среди павших, и мы пошли по следу. Клянусь Имиром, Конан, почему тебя понесло в полярную пустыню? Долго шли мы за тобой, и, клянусь Имиром, найти не надеялись – поземка уже заметала следы...

– Не поминай Имира слишком часто, – сказал один из бойцов. – Это ведь его владения. Старики говорят, вон между теми вершинами.

– Я видел деву, – прошептал Конан. – Мы встретились с людьми Браги на равнине. Сколько времени дрались – не знаю. В живых остался только я. Я ослабел и замерз, и весь мир вокруг переменился – теперь-то я вижу, что все по-прежнему. Потом появилась дева и стала увлекать меня за собой. Она была прекрасна, словно холодные огни ада. Тут напало на меня какое-то безумие и забыл я все на свете, помчался за ней... Вы видели ее следы? Видели великанов в ледяной броне, сраженных мной?

Ньорд покачал головой.

– Только твои следы были на снегу, Конан.

– Значит, я рехнулся, – сказал киммериец. – Но я видел девушку, плясавшую нагишом на снегу так же ясно, как вижу вас. Она была уже в моих руках, но сгинула в ледяном пламени...

– Он бредит, – прошептал Ньорд.

– О нет! – воскликнул старик с горящими глазами. То была Атали – дочь Имира Ледяного Гиганта. Она приходит к тем, кто умирает на поле битвы. Когда я был юным, то видел ее, валяясь полумертвым на кровавом поле Вольфравен. Она кружилась среди трупов, тело ее было подобно слоновой кости, а волосы сияли золотом в лунном свете. Я лежал и

выл, как подышающий пес, потому что у меня не было сил поползти за ней. Она заманивает бойцов с поля сражения в ледяную пустыню, чтобы ее братья могли принести их неостывшие сердца в жертву Имиру. Точно говорю вам, Конан видел Атали, дочь Ледяного Гиганта!

– Ха! – воскликнул Хорса. – Старина Горм в молодые годы повредился умом, когда ему проломили башку в сражении. Конан просто бредил после жестокой сечи. Гляньте-ка, во что превратился его шлем! Любого из этих хватит, чтобы выбить из головы всякий ум. Он бежал по снегу за призраком. Ты ведь южанин, откуда тебе знать об Атали?

– Может, ты и прав, – сказал Конан. – Но струхнул изрядно.

Он умолк и уставился на свою левую ладонь. Он поднял ее вверх, и в наступившей тишине воины увидели обрывок материи, сотканной из таких тонких нитей, каких не прядут на земных веретенах.

«Раз в столетье рождается ведьма»

Потом Конан пиратствовал в южных морях, оттуда попал в землю Шем. Там, среди небольших пограничных городов-государств, его воинское умение высоко ценилось, и был он близок к королевской короне как спаситель принцессы Ясмелы из Корая. Но киммериец предпочел свободу и ринулся на поиски приключений в гиборийские державы. Вместе с другими безработными наемниками он основал Вольницу, которая тревожила границы королевства Кот, Заморы и Турана, потом подался на запад в степи и присоединился к мунганам, конным грабителям, жившим на казачий манер. И, наконец, спасаясь от разгневанных туранцев, он возглавил дворцовую гвардию королевы Тарамис в Кауране.

1

Тарамис, королева Каурана, пробудилась от тревожного сна. Окружающая ее могильная, звенящая в ушах тишина не походила на обычный покой ночного дворца – скорее на покой мрачных подземелий.

Она удивилась тому, что свечи в золотых подсвечниках гасли. Сквозь стекла в серебряных переплетах пробивался звездный свет, но он был слишком слаб, чтобы развеять мрак спальни.

В темноте Тарамис заметила светящуюся точку, и она приковала к себе все внимание королевы. Свет, исходящий из нее, становился все ярче и ярче и осветил обитые шелком стены. Тарамис приподнялась и увидела, что перед ней вырисовываются очертания человеческой головы. Пораженная королева хотела крикнуть людей, но ни одного звука не вырвалось из ее пересохшей гортани. Черты призрака становились все отчетливей: гордо запрокинутая голова, увенчанная копной черных волос. Королева замерла: перед ней было ее собственное лицо! Словно бы она гляделась в зеркало – правда, кривое. Таким жестоким и хищным было выражение этого лица.

– О Иштар! – прошептала Тарамис. – Я околдована!

К ее ужасу отражение ответило голосом, подобным сладкому яду:

Околдована? Нет, милая сестричка, это не колдовство!

– Сестричка? – сказала королева. – У меня нет сестры!

– И никогда не было? – поинтересовался голос. – Неужели у тебя никогда не было сестры-близняшки с таким же тонким телом, равно чувствительным и к пыткам, и к поцелуям?

– Да, когда-то у меня была сестра, – ответила Тарамис, все еще считая это кошмарным сном. – Но она умерла...

Прекрасное лицо во тьме исказилось гримасой столь ужасной, что королева отпрянула – ей показалось, что черные локоны со змеиным шипением поднимаются над мраморным челом призрака.

– Ты лжешь! – выдохнули алые искривленные губы. – Она не умерла! Ты дура! Но довольно маскарада – гляди на здоровье.

Свечи в золотых подсвечниках внезапно зажглись – словно светящаяся змейка проскользнула по стенам. Тарамис задрожала и съежилась в изголовье покрытого шелком ложа, глаза ее расширились и с ужасом глядели на фигуру, возникшую из мрака. Казалось, что стоит перед ней вторая Тарамис, сходная с королевой в каждой жилке тела, но как бы охваченная злым демоном. Ярость и мстительность горели в глазах дикой кошки, жестокость таилась в изгибе сочных пунцовых губ, каждое движение тела словно бы бросало вызов. И волосы были уложены так же, как у королевы, и на ногах такие же золоченные сандалии...

– Кто ты? – пересохшими губами прошептала Тарамис. – Объясни, как ты сюда попала, или я прикажу слугам позвать стражу!

– Кричи-кричи, пусть хоть стены рухнут, – отвечала незваная гостья. – Слуги твои не проснутся до утра, даже если весь дворец сгорит. И гвардейцы не услышат твоего визга – я отослала их из этого крыла дворца.

– Что ты сказала? – воскликнула оскорбленная Тарамис. – Кто кроме меня осмеливается приказывать моим гвардейцам?

– Я, милая сестричка! Как раз перед тем, как войти сюда. Они подумали, что это их любимая повелительница. Ха! Я удачно сыграла эту роль! С каким царственным величием, с какой неотразимой женственностью держалась я с этими бронированными болванами...

Тарамис почувствовала, что какие-то грозные и загадочные события сжимают кольцо вокруг нее.

– Кто ты? – крикнула она в отчаянии. – Зачем ты пришла? Что это за бред?

– Кто я? – в ласковом голосе сквозило шипение кобры. Незнакомка наклонилась к ложу, крепко схватила королеву за плечи и заглянула ей в глаза. Взгляд этот парализовал Тарамис.

– Дура! – взвизгнула гостья. – И ты еще спрашиваешь? И ты еще гадаешь? Я же Саломея!

– Саломея! – воскликнула Тарамис и волосы зашевелились у нее на голове, когда это имя обрело смысл. – Я думала, что ты умерла сразу же после рождения...

– Многие так думали, – сказала та, что назвалась Саломеей. – Меня унесли умирать в пустыню – будьте вы все прокляты! Беспомощного плачущего ребенка, еле живого! А знаешь, почему меня обрekli на смерть?

– Я слышала... Мне рассказывали...

Саломея захохотала и разорвала тунику на груди. Как раз между двумя тугими полушариями виднелось странное родимое пятно в виде красного, как кровь, полумесяца.

– Ведьмин знак! – Тарамис отпрянула.

– Он самый! – Полный ненависти хохот был острым, как лезвие кинжала. – Проклятие царствующего дома Каурана! До сих пор на торговых площадях наивные глупцы рассказывают эти байки о том, как первая в нашем роду королева сошлась с повелителем тьмы и понесла от него дочь, имя которой помнят и по сей день. И с тех пор каждые сто лет появляется в аскаурийской династии девочка с алым полумесяцем. «Раз в столетие да рождается ведьма» – так звучит древнее проклятие. И оно сбывается! Некоторых из нас убивали при рождении – так хотели поступить и со мной. Другие оставались жить ведьмами – гордые дочери Каурана, меченные адским полумесяцем на мраморном теле, и каждая из них звалась Саломеей! Всегда была и всегда будет появляться ведьма Саломея. Даже если сойдут с полюсов вечные льды, чтобы обратить мир в прах, даже если заново возродятся царства земные – все равно будут ходить по свету царственной походкой Саломея, и будут чары ее порабощать мужчин, и будут по ее капризу отрубать головы мудрейшим!

– Но ты... Ты...

– Что я? – глаза ведьмы загорелись зеленым огнем. – Меня вывезли далеко за город и бросили в горячий песок, на солнцепек, и уехали, оставив плачущее дитя на растерзание стервятникам и шакалам. Но жизнь не покинула меня, ибо источник ее таится в таких

безднах, которых и представить не может ум человеческий.

Шли часы, солнце палило нещадно – а я жила. И я помню, хоть и смутно, эти муки.

Потом появились верблюды и желтолицые люди, говорившие на странном наречии. Они сбились с караванной тропы. Их вожак увидел меня и знак на моей груди.

И он взял меня на руки и спас мне жизнь.

Это был чародей из далекого Кхитая, возвращавшийся из странствий по Стигии. Он взял меня с собой в город Пойкан, где пурпурные купола висят над зарослями бамбука. Там я выросла, постигая его науки. Годы не ослабили могущества моего наставника, и научил он меня многому...

Она прервалась, загадочно улыбнулась и продолжала:

– В конце концов он прогнал меня и сказал, что я заурядная колдунья, не способная управлять могучими силами. Он добавил, что собрался сделать меня владычицей мира, но я всего-навсего «проклятая вертихвостка». Ну и что? Мне вовсе не улыбалось сидеть одной в Золотой Башне, часами всматриваться в магический кристалл, бесконечно повторять заклинания, начертанные кровью девственницы на змеиной коже, а от замшелых книг меня просто тошнило. Учитель сказал, что я земная нежить и не сумею постичь космическую магию. Что ж – все, что я желаю, можно найти и на земле – власть, блеск, роскошь, красивых любовников и послушных рабынь. Заодно он рассказал мне и о моем детстве, и о проклятии. Вот я и вернулась, чтобы взять то, на что имею равное с тобой право.

– Что это значит? – оскорбленная Тарамис вскочила. – Неужели ты полагаешь, что, заморочив головы слугам и стражникам, получила права на корону Каурана? Помни, что королева здесь я! Конечно, ты будешь иметь все, что положено принцессе крови, но...

Саломея злобно засмеялась.

– Как ты щедра, милая сестричка! Но прежде чем облагодетельствовать меня, будь любезна, объясни, что это за войско стоит лагерем за городской стеной?

– Это шемиты-наемники. Ими командует Констанций, вельможа из королевства Кот.

– А что их привело в наши пределы?

Тарамис почувствовала в тоне сестры издевку, но отвечала с королевским достоинством:

– Констанций обратился к нам с просьбой пропустить его солдат через нашу землю в Туран. Он поручился за войско своей головой, и, покуда солдаты находятся в границах королевства, будет оставаться моим заложником.

– Неужели нынче утром этот витязь не просил твоей руки?

Тарамис гневно глянула на сестру:

– Откуда ты знаешь?

Ведьма пожала плечами и спросила:

– Можно ли поверить, что ты отказала такому красавцу?

– Разумеется! – ответила Тарамис. – Неужели ты, принцесса крови, могла подумать, что королева Каурана даст иной ответ? Чтобы я вышла за бродягу с руками по локоть в крови, которого с позором изгнали с родной земли, за главаря банды наемных убийц и грабителей? Мне не следовало вообще впускать этих чернобородых мясников в пределы Каурана. Но ведь он заточен в Южной башне, и мои гвардейцы зорко его стерегут. Завтра я прикажу, чтобы его орда покинула королевство, а он будет в заложниках до тех пор, пока не уйдет последний солдат. Наши воины сейчас не патрулируют по городу, но я предупредила Констанция, что он головой поплатится за любой вред, причиненный землепашцам и пастухам!

– И Констанций вправду томится в Южной башне? – допытывалась Саломея.

– Я же сказала! Почему ты спрашиваешь?

Саломея хлопнула в ладоши и воскликнула голосом, полным жестокого торжества:

– Королева приглашает тебя на прием, Сокол!

Открылись раззолоченные двери, и в покой шагнул рослый воин. При виде его Тарамис воскликнула с гневом и удивлением:

– Констанций, как посмел ты войти сюда?

– Да, это я и есть, ваше величество! – пришелец опустил голову в глумливом поклоне. Черты его лица и вправду напоминали хищную птицу. И красота его была хищной. Лицо его было опалено солнцем, черные, как воронье крыло, волосы зачесаны назад. Он был одет в черный камзол и высокие сапоги – обычный походный наряд, местами даже носивший следы ржавчины от панциря.

Подкрутив усы, наемник оглядел вжавшуюся в угол кровати королеву с такой бесцеремонностью, что она содрогнулась.

– Клянусь Иштар, Тарамис, – сказал он ласково. – Ночная рубашка тебе больше к лицу, чем королевский наряд. Да, черт возьми, эта ночь начинается совсем неплохо!

Ужас мелькнул в глазах Тарамис: она сразу поняла, что Констанций не отважился бы на такое оскорбление ни с того ни с сего.

– Безумец! – сказала она. – Пусть в этой комнате я в твоей власти, но тебе не уйти от мести моих слуг – они на клочки разорвут тебя, если посмеешь меня коснуться! Попробуй, если жизнь тебе не дорога!

Констанций расхохотался, но Саломея остановила его:

– Довольно шутить, перейдем к делу. Послушай, милая сестрица. Это я послала Констанция в твою землю, потому что решила занять престол. А для своих целей выбрала Сокола, потому что он начисто лишен качества, именуемого у людей добродетелью.

– Дивлюсь твоей доброте, госпожа! – иронически усмехнулся Констанций и поклонился.

– Я послала его в Кауран. А когда его люди встали лагерем под стенами и сам он направился во дворец, прошла в город через Западные ворота – стерегущие их болваны решили, что это ты возвращаешься с вечерней прогулки.

Щеки Тарамис вспыхнули, гнев возобладал над королевским достоинством.

– Ты змея! – крикнула она.

Саломея усмехнулась и продолжала:

– Они, конечно, удивились, но впустили меня без слова. Точно так же я прошла во дворец и приказала стражникам, стерегущим Констанция, удалиться. Потом пришла сюда, а по дороге успокоила твою служанку...

Тарамис побледнела и спросила дрожащим голосом:

– Слушай! – Саломея гордо откинула голову и показала на окно. Сквозь толстые стекла все же доносилась поступь отрядов, лязг оружия и доспехов. Приглушенные голоса отдавали команды на чужом языке, сигналы тревоги мешались с испуганными криками.

– Люди проснулись и немало удивились, – ядовито сказал Констанций. – Неплохо бы, Саломея, пойти успокоить их.

– Отныне зови меня Тарамис, – ответила ведьма. – Нам нужно привыкать к этому...

– Что вы сделали? – закричала королева. – Что вы еще сделали?

– Ах, я совсем забыла тебе сказать, что приказала страже отпереть ворота. Они удивились, но не ослушались. И вот армия Сокола входит в город!

– Дьявольское отродье! – воскликнула Тарамис. – Ты воспользовалась нашим сходством и обманула людей! О Иштар! Мой народ сочтет меня предательницей! О, я выйду сейчас к ним...

С ледяным смехом Саломея схватила ее за руки и толкнула назад. Молодое и крепкое тело королевы оказалось беспомощным против тоненьких рук Саломеи, наполненных нелюдской силой.

– Констанций, тебе знакома дорога из дворца в подземелье? – спросила ведьма и, видя, что Констанций согласно кивнул, продолжала:

– Вот и хорошо. Возьми эту самозванку и запрячь в самую глубокую темницу. Стража там усыплена зельем – я позаботилась об этом. Пока они не очнулись, пошли кого-нибудь перерезать им глотки. Никто не должен знать, что произошло нынче ночью. Отныне я Тарамис, а она – безымянная, забытая богами и людьми узница подземелья.

Констанций улыбнулся, открыв ряд крупных белых зубов.

– Дела наши идут неплохо. Надеюсь, ты не откажешь мне в небольшом развлечении, прежде чем эта шалунья попадет в камеру?

– Я тебе не запрещаю. Вразуми эту злочку, если охота.

Саломея толкнула сестру в объятия Констанция и с торжествующей улыбкой покинула спальню покои.

Она еще раз улыбнулась, когда услышала, проходя длинным коридором, высокий отчаянный крик.

2

Одежда молодого воина была покрыта засохшей кровью, потом и пылью. Кровь продолжала сочиться из глубокой раны в бедре, из порезов на груди и руках. Капли пота выступили на его искаженном яростью лице, пальцы терзали покрывало постели.

– Она, верно спятила! – снова и снова повторял он. – Все это как дурной сон! Тарамис, любимица народа, продает нас этому дьяволу! О Иштар, лучше бы меня убили! Лучше пасть в бою, чем знать, что королева предала свой народ!

– Лежи спокойно, Валерий, – умоляла девушка, перевязывавшая ему раны. – Ну, дорогой, успокойся! Ты разбередишь раны, а я не успела еще сбежать за лекарем...

– Не делай этого! – сказал раненый юноша. – Чернобородые дьяволы Констанция будут обыскивать все дома в поисках раненых кауранцев и прикончат всех, кто пытался дать им отпор. О Тарамис, как могла ты предать людей, обожествлявших тебя!

Валерий откинулся на ложе, содрогаясь от гнева, а испуганная девушка обхватила его голову руками и прижала к груди, умоляя успокоиться.

– Лучше смерть, чем позор, ставший уделом Каурана, – стонал Валерий. – Неужели ты все это видела, Игва?

– Нет, милый, – ее нежные чуткие руки снова принялись обихаживать раны. – Я проснулась от шума битвы на улице. Выглянула в окно и увидела, что шемиты убивают наших, а потом ты постучал в дверь – еле слышно...

– Я был уже на пределе, – пробормотал Валерий. – Упал в переулке возле дома и не могу подняться, хоть и знаю, что тут меня быстро разыщут. Клянусь Иштар, я уложил троих! Они уже не осквернят своими лапами мостовых Каурана – их сердца пожирает нечисть в преисподней!

Я не был на стенах, когда шемиты вошли в город. Я спал в казарме вместе с другими свободными от службы ребятами. На рассвете вбежал наш командир, бледный, при мече и в доспехах. «Шемиты в городе, – сказал он. – Королева вышла к Южным воротам и приказала их впустить. Я этого не понимаю, да и никто не понимает, но приказ я слышал своими ушами и мы, как водится, подчинились. У меня новое распоряжение – собраться на площади перед дворцом. Построиться у казарм в колонны и без амуниции двигаться на площадь. Только Иштар ведает, что все это означает, но таков приказ королевы».

Когда мы вышли на площадь, шемиты уже были наготове. Они выстроились в каре – десять тысяч вооруженных бронированных дьяволов, а горожане выглядывали из окон и дверей. Улицы, ведущие к площади, заполнялись ошарашенными людьми. Тарамис стояла на ступенях дворца на пару с Константином, а тот крутил усы, словно толстый котяра, слопавший птичку. Перед ступенями стояли шеренгой полсотни шемитских лучников, хотя это место королевской гвардии. Но гвардейцы стояли среди нас и тоже ничего не понимали. Зато они, вопреки приказу, пришли во всеоружии.

Тарамис обратилась к нам и сказала, что повторно обдумала предложение Констанция – хотя еще вчера при всем дворе отказала ему – и порешила объявить его королевским супругом. И ни слова о предательском вторжении шемитов. Сказала только, что у Констанция достаточно умелых воинов, так что кауранская армия отныне не нужна и будет распущена.

И повелела нам разойтись по домам с миром.

Послушание королям у нас в крови. Но ее слова так потрясли нас, что мы онемели и сломали строй. А когда повелели сложить оружие и гвардейцам, вперед неожиданно вышел их капитан, Конан. Люди говорят, что этой ночью он службы не нес и крепко набрался. Но сейчас он был в полном уме: приказал гвардейцам не двигаться без его команды, и они подчинились ему, а не королеве.

Потом он взошел на ступени, поглядел на Тарамис и воскликнул: «Да это не королева, не Тарамис перед вами, а демон в ее обличье!».

И начался настоящий ад. Не знаю, что послужило сигналом – кажется, кто-то из шемитов замахнулся на Конана и мертвым пал на ступени. Сейчас же площадь стала полем сражения – шемиты схватились с гвардией, но и их копья и стрелы поразили также немало безоружных кауранцев. Некоторые из нас, схватив, что под руку попало, дали отпор, сами не зная, за кого сражаясь. Нет, не против Тарамис, клянусь – против Констанция и его чертей!

Народ не знал, чью сторону принять. Толпа моталась туда-сюда, словно перепуганный лошадиный табун. Но на победу нам рассчитывать не приходилось – без брони, с парадными побрякушками вместо боевого оружия... Гвардейцы построились в каре, но их было всего пять сотен. Кровавый урожай собрала гвардия, прежде чем погибнуть, но исход был предрешен.

Что же делала Тарамис? Она спокойно стояла на ступенях и Констанций приобнял ее за талию. Она заливалась смехом, словно злая колдунья! О боги! Это безумие, безумие...

Никогда я не видел человека, равного в бою Конану. Он встал у дворцовой стены и вскоре перед ним была куча порубленных тел в половину его роста. В конце концов они одолели его – сотня против одного. Увидел, что он упал – и мир перевернулся перед моими глазами. Констанций приказал взять его живым, покручивал усы и улыбка у него была самая подлая...

...Именно такая улыбка была у Констанция и сейчас.

Предводитель шемитов возвышался на коне, окруженный скопищем своих людей – коренастых, закованных в броню, с иссиня-черными бородами и крючковатыми носами. Заходящее солнце играло на их остроконечных шлемах и серебристой чешуе панцирей. Примерно в миле отсюда, среди буйно зеленеющих лугов, виднелись башни и стены Каурана.

На обочине караванной дороги был вкопан массивный крест. К кресту был прибит железными гвоздями человек.

Всю одежду его составляла набедренная повязка, а сложение было воистину богатырским. Капли смертного пота выступили на лбу и могучем торсе распятого, из пробитых ступней и ладоней лениво сочилась кровь, но глаза под черной гривой волос горели диким голубым огнем.

Констанций глумливо поклонился и сказал:

– Весьма сожалею, капитан, что не смогу присутствовать при твоём издыхании – у меня есть дела в городе. Оставляю тебя твоей собственной судьбе. Не могу же я заставить ждать нашу прелестную королеву. Тобой займутся вон те красавцы, – он указал на небо, где черные силуэты неустанно выписывали широкие круги.

– Если бы не они, то такой крепкий дикарь мог бы прожить на кресте и несколько дней. Так что пусть оставит тебя всякая надежда, хотя я даже не поставлю охрану. Глашатаи объявили по городу, что всякий, кто попытается снять твое живое или мертвое тело с креста, будет заживо сожжен со всей родней. А слово мое в Кауране нынче надежнее всякой стражи. К тому же при солдатах стервятники не слетятся...

Констанций подкрутил усы и, глядя Конану прямо в глаза ехидно улыбнулся:

– Ну, капитан, желаю удачи! Я вспомню о тебе в ту минуту, когда Тарамис окажется в моих объятиях.

Кровь снова брызнула из пробитых ладоней жертвы. Кулаки, огромные, как ковриги хлеба, сомкнулись на шляпках гвоздей, заиграли мышцы на могучих плечах и Конан,

выгнувшись вперед, плюнул в лицо Констанцию. Тот рассмеялся, вытер слюны и поворотил коня.

– И ты вспомни обо мне, когда грифы начнут тебя терзать, – бросил он через плечо. – Стервятники в пустыне прожорливы. Случалось мне видеть, как человек висел на кресте часами – с выбитыми глазами, с оголенным черепом и без ушей, прежде чем кривые клювы обрывали нить его жизни.

И, не оглядываясь больше, погнал коня в сторону города – стройный, ловко сидящий в седле, в сверкающих доспехах. Рядом скакали его могучие бородачи, поднимая дорожную пыль.

Смеркалось. Вся округа, казалось, вымерла. На расстоянии, доступном взгляду, не было ни единой души. Для распрятого капитана Кауран, что был всего лишь в миле, мог с таким же успехом находиться в далеком Кхитае или существовать в другом столетии.

Конан стряхнул пот со лба и обвел мутнеющим взором такие знакомые места. По обе стороны от города и за ним тянулись пышные луга, стояли виноградники, мирно паслись стада. На горизонте виднелись селения. Ближе, на юго-западе, серебристый блеск обозначал русло реки, за которой сразу же начиналась пустыня и тянулась до бесконечности.

Конан оглядывал раскинувшиеся вокруг просторы, как ястреб, попавший в силос, смотрит в небо. Загорелое тело киммерийца блестело в лучах заходящего солнца. Гневная дрожь охватывала варвара, когда он бросал взгляд на башни Каурана. Этот город предал его, запутал в интригах – и вот он висит на деревянном кресте, словно заяц, прибитый к стволу дуба метким копьем.

Неуемная жажда мести затмевала все другие мысли. Проклятия лились из Конана сплошным потоком. Вся вселенная сейчас для него заключалась в четырех железках, ограничивших его свободу и жизнь. Вновь, как стальные канаты, напряглись могучие мышцы, и пот выступил на посеревшем теле киммерийца, когда он, используя плечи как рычаги, попробовал вытянуть из креста длинные гвозди. Тщетно – они забиты как следует. Тогда он попытался содрать ладони сквозь шляпки, и не дикая боль остановила его, но безнадежность. Шляпки были слишком толстые и широкие.

Впервые в жизни гигант почувствовал себя беспомощным. Голова его упала на грудь...

Когда раздалось хлопанье крыльев, он едва смог приподнять голову, чтобы увидеть падающую с неба тень. Он инстинктивно зажмурился и отвернулся, так что острый клюв, нацеленный в глаз, только разодрал щеку. Из рта Конана вырвался хриплый отчаянный крик, и напуганные стервятники разлетелись. Впрочем недалеко.

Он облизнулся и, почувствовав соленый привкус, сплюнул. Жестокая жажда мучила его: минувшей ночью он как следует выпил, а вот воды ни глотка не сделал с самого утра перед боем на площади. Он смотрел на дальнюю речную гладь словно грешник, выглянувший на миг из адской печи. Он вспоминал упругие речные потоки, которые ему приходилось преодолевать, роги, наполненные пенным пивом, кубки искристого вина, которые ему случалось по небрежности или с перепою выливать на полы трактиров. И крепко стиснул челюсти, чтобы не завывать от необоримого отчаяния.

Солнце спускалось за горизонт – мрачный бледный шар погружался в огненно-красное море. На алом поле неба, словно во сне, четко вырисовывались городские башни. Конан взглянул вверх – и небосвод отливал красным. Это усталость застила ему глаза багровой пеленой. Он облизнул почерневшие губы и снова глянул на реку. И река была алой.

Шум крыльев вновь коснулся слуха. Он поднял голову и горящими глазами смотрел на силуэты, кружившиеверху. Криком их уже не испугаешь. Одна из громадных птиц начала снижать круги. Конан изо всех сил запрокинул голову назад и ожидал с поразительным хладнокровием.

Гриф упал на него, оглушительно хлопая крыльями. Удар клюва разорвал кожу на щеке. Вдруг, прежде чем птица успела отскочить, голова Конана метнулась вперед, подчиняясь могучим мышцам шеи, а зубы его с треском сомкнулись на зобе стервятника. Гриф заметался, словно яростный вихрь из перьев. Бьющиеся крылья ослепляли человека,

длинные когти бороздили его грудь. Но Конан держался так, что мышцы челюстей задрожали – и голая шея грифа не выдержала. Птица трепыхнулась разок – и бессильно обвисла. Конан разжал челюсти, тело шлепнулось к подножию креста, он выплюнул кровь. Другие стервятники, потрясенные участием своего сородича, поспешно убрались в сторону отдаленного дерева и уселись на его ветвях, подобные черным демонам.

Торжество победы оживило Конана, кровь быстрее побежала в жилах. Он все еще мог убивать – следовательно, он жил. Весь его организм противился смерти.

– Клянусь Митрой!

Человеческий голос или галлюцинация?

– Никогда в жизни ничего подобного не видел!

Отряхнув с глаз пот и кровь, Конан увидел в полумраке четырех всадников, глядевших на него снизу.

Трое из них, тонкие, в белых одеждах, были, несомненно, зуагирами – кочевниками из-за реки. Четвертый был одет так же, но принадлежал к другому народу – Конан сумел разглядеть это в густеющих сумерках.

Ростом он, пожалуй, не уступал Конану, да и шириной плеч, хоть и не был так массивен. Короткая черная борода, волевая нижняя челюсть, серые глаза, холодные и пронизательные, как лезвие.

Всадник уверенной рукой осадил коня и сказал:

– Митра свидетель, этот человек мне знаком.

– Да, господин, – отозвался голос с гортанным выговором зуагиров. – Это киммериец, который был капитаном королевской гвардии!

– Вот, значит, как избавляются от фаворитов, – проворчал всадник. – Кто бы мог помыслить такое о королеве Тарамис. Я бы предпочел долгую кровавую войну – тогда бы и мы, люди пустыни, могли поживиться. А сейчас подошли к самым стенам города и нашли только эту клячу, – он кивнул на коня в поводу у одного зуагира, – да еще этого издыхающего пса!

Конан поднял залитое кровью лицо.

– Если бы я мог спуститься с этой палки, ты сам бы стал у меня издыхающим псом, мунганский ворюга! – прошептали почерневшие губы.

– О Митра, эта падаль меня знает! – удивился всадник.

– Ты же один такой в округе, – проворчал Конан. – Ты Гарет, атаман тех, кто объявлен вне закона.

– Точно! И родом я из мунганов, ты верно сказал. Хочешь жить, варвар?

– Дурацкий вопрос, – ответил Конан.

– Человек я тяжелый, – сказал Гарет, – и в людях ценю лишь мужество. Вот и посмотрим, истинный ли ты муж или взаправду издыхающий пес.

– Если мы начнем его снимать, нас увидят со стен, – предостерег один из кочевников.

Гарет властно сказал:

– Уже совсем стемнело. Бери-ка топор, Джебал, и руби крест у самого основания.

– Если крест упадет вперед, его раздавит, – возразил Джебал. – А если назад, у него башка расколется и все внутренности отобьет.

– Выдержит, если достоин ехать со мной, – нетерпеливо бросил Гарет. – А если нет, то и жить ему незачем. Руби!

Первый удар боевого топора в подножие креста отозвался в распухших ладонях и ступнях Конана пронзительной болью. Снова и снова бил топор, и каждый удар поражал измученные пыткой нервы. Конан закусил губу и не издал ни стоны. Наконец топор врубился глубоко в дерево, крест дрогнул и пошел назад. Конан собрал все тело в единый узел твердых как сталь мускулов, а голову крепко прижал к брусу. Длинный брус грохнулся о землю и подскочил на локоть. Адская боль на мгновение ошеломила Конана. С трудом он понял, что железные мышцы уберегли тело от серьезных повреждений.

Одобрительно хмыкнув, Джебал склонился над ним с клещами, которыми выдергивают

гвозди из подков, и ухватил шляпку гвоздя в правой ладони. Клещи были маловаты. Джебал сопел и пытался, пытаясь расшатать упрямый гвоздь, крутил его туда-сюда в древесине и в живой ране. Кровь текла между пальцами киммерийца, который лежал недвижно, как труп – только грудь тяжело вздымалась.

Наконец гвоздь поддался, Джебал торжествующе поднял вверх окровавленную железку и бросил ее в пыль, перейдя к другой руке. Все повторилось. Затем кочевник занялся ступнями Конана. Но варвар сел, вырвал клещи у Джебала, а его самого отшвырнул крепким толчком.

Кисти его опухли и стали чуть не вдвое больше обычных, сгибать пальцы было мучением. Но киммериец, хоть и неуклюже, сумел вытащить гвозди из ступней – они были забиты не так глубоко.

Он поднялся, качаясь на распухших, обезображенных ногах. Ледяной пот катился по его лицу и телу. Он стиснул зубы, чтобы перенести боль – начались судороги. Равнодушно смотревший на него Гарет указал на краденую лошадь. Конан, спотыкаясь, побрел к ней. Каждый шаг причинял страшную боль, на губах богатыря выступила пена. Изуродованная ладонь нащупала луку седла, окровавленная ступня с трудом нашла стремя. Сжав челюсти, киммериец оттолкнулся от земли, чуть не сомлев при этом – и очутился в седле. Гарет стегнул коня хлыстом, тот поднялся на дыбы и едва не сбросил изученного всадника на землю. Но Конан обернул поводья вокруг кистей рук и сумел осадить коня, да так, что чуть не сломал ему челюсти.

Один из номадов вопросительно поднял флягу с водой, но Гарет сказал:

– Пусть потерпит до лагеря. Здесь всего-то десять миль. Выдержит без воды еще столько же, если он вообще способен жить в пустыне.

Всадники помчались к реке. Конан глядел на мир налитыми кровью глазами и мена засыхала на его почерневших губах.

3

Странствуя по Востоку в неустанной погоне за знаниями написал мудрец Астрей письмо своему другу, философу Алкемиду, оставшемуся в родной Немедии. Все сведения народов Запада о полумифическом для них Востоке основаны были именно на этом послании.

Вот что писал Астрей:

«Ты даже представить себе не можешь, старина, что за порядки установились в этом маленьком царстве с тех пор, как королева Тарамис впустила в его пределы Констанция с его наемниками – об этом я уже упоминал в предыдущей весточке. С того дня минуло семь месяцев, и, похоже, этой несчастной землей завладел сам дьявол. Тарамис, по моему мнению, начисто лишилась рассудка. Славившаяся прежде доброжелательностью, справедливостью и милосердием, ныне она выказывает совершенно противоположные качества. Интимная ее жизнь – это сплошной скандал, да и можно ли назвать ее таковой, коли королева и не пытается даже скрыть распутства, царящего при дворе. Она дает волю любым своим желаниям, устраивает пользующиеся дурной славой застолья (правду сказать – оргии) и заставляет участвовать в них несчастных придворных дам – и девиц, и замужних. Сама она даже не потрудилась сочетаться браком со своим любовником Констанцием, который восседает рядом с ней на троне, словно законный владыка. Его офицеры, следуя примеру вождя, преследуют всякую понравившуюся им женщину, не глядя на ее происхождение и положение.

Бедное королевство стонет под тяжестью чудовищных налогов и податей. Ограбленные до нитки селяне питаются кореньями и капустой, купцы ходят в лохмотьях – это все, что осталось после сбора налогов от их богатств. Да они и тому рады, что голова уцелела.

Предвижу недоверие твое, почтенный Алкемид; знаю, что усомнишься в моем рассказе, предвзятым его сочтешь. Верно, такое было бы немыслимо ни в одной из стран Запада. Но

всегда помни об огромной разнице между Западом и Востоком, особенно этой его частью. Ты знаешь, что Кауран – небольшое королевство, находившееся некогда в составе империи Кот. Сравнительно недавно обрело оно желанную независимость. Ближайшее окружение Каурана составляют подобные ему маленькие державы, несравнимые с великими государствами Запада, или обширными султанатами Дальнего Востока, однако весьма влиятельные по причине необыкновенного богатства. К тому же в руках их все караванные пути. Среди этих держав Кауран расположен дальше всех на юго-восток и граничит с пустынными просторами земли Шем. Название государство получило по имени столицы – это самый большой город в стране. Кауран защищает плодородные земли и пастбища от набегов кочевников, словно сторожевая башня.

Земля здешняя столь обильна, что дает урожай трижды в год. Равнины к северу и западу от города густо населены. У того, кто привык к громадным поместьям Запада, эти крошечные поля и виноградники могут вызвать улыбку. Однако зерно и фрукты текут из них, словно из рога изобилия. Население занимается в основном крестьянским трудом. Люди это мирные и безоружные – тем более, что сейчас им вообще запрещено иметь оружие. С давних времен живут они под защитой столичного гарнизона и совершенно утратили боевой дух. Крестьянское восстание, которое непременно бы вспыхнуло в подобных условиях на Западе, здесь невозможно. Хлебопашец гнет горб под железной рукой Констанция, а чернобородые шемиты неустанно снуют по полям с батогами – точь-в-точь надсмотрщики черных рабов на плантациях южного Зингара.

Не слаще и горожанам. Все они ограблены, а прекраснейшие из их дочерей отданы на потеху Констанцию и его наемникам. Люди эти безжалостны. Вспомни, с какой яростью сражались наши солдаты с шемитскими союзниками Аргоса – столь отвратительны были немедийцам их нечеловеческая жестокость, ненасытная жадность и зверства.

Горожане принадлежат к правящему сословию Каурана и ведут свое происхождение от гиборийцев – отсюда их благородство и воинственность. Но измена королевы отдала горожан в руки угнетателей. Шемиты – единственная военная сила в городе, и горе тому обывателю, в доме которого найдут меч! С великим рвением истребляются молодые боеспособные мужи, их казнят или продают в неволю. Тысячи молодцов бежали из города – кто под знамена чужеземных владык, кто просто в банды грабителей.

Сейчас стала реальной опасность нападения со стороны пустыни, населенной племенами шемитских кочевников-номадов. Дело в том, что наемники Констанция набирались в западных городах земли Шем – Пелиштиме, Анакиме, Акхариме, а зуагиры и другие кочевые племена люто их ненавидят. Ты знаешь, добрый Алкемид, что сия варварская страна разделяется на плодородные западные земли, тянущиеся до океана, на берегу которого стоят вышесказанные города, и восточную пустыню, где бродят номады. Пламя войны между жителями городов и обитателями пустыни не гаснет столетиями. С незапамятных времен зуагиры нападали на Кауран, но ни сразу одержали победы. Так что теперь, когда город захватили ненавистные западные сородичи, гордость номадов уязвлена. Ходят слухи, что эту вражду всячески раздувает человек, служивший раньше капитаном королевской гвардии. Он, будучи распят на кресте, непостижимым образом сумел ускользнуть из рук Констанция. Человек сей зовется Конан и происходит он из варварского племени киммерийцев, чью дикую мощь не однажды испытали на собственной шкуре наши доблестные воины. В деревнях говорят, что человек этот стал правой рукой Гарета, мунганского кондотьера, что пришел из северных степей и своей волей возглавил зуагиров. Болтают также, что банда зуагиров в последнее время весьма усилилась. Гарет же, несомненно, наущаемый киммерийцем, готовится напасть на Кауран. Кончиться это может весьма плачевно, ибо, не имея опыта правильной осады и надлежащих машин, кочевники не устоят в открытом бою перед вымуштрованными и хорошо вооруженными шемитами. Обитатели города встретили бы номадов с радостью, поскольку ига худшего, чем нынешнее, быть не может. Но они настолько запуганы и беспомощны, что никакой поддержки кочевникам оказать не сумеют. Воистину, горька их доля!

Тарамис же, обуянная злым демоном, запретила поклонение Иштар и храм ее превратила в языческое капище, где поклоняются идолам и жертвуют демонам. Статую Иштар из слоновой кости наемники изрубили топорами прямо на ступенях храма. Хотя это и второстепенная богиня по сравнению с нашим Митрой, ее все же следует предпочесть Шайтану, которому поклоняются шемиты.

Здание же храма наполнила Тарамис непристойными изображениями божков обоего пола в сладострастных позах и с самыми отвратительными подробностями, кои может измыслить извращенный ум. Многие из этих идолов – нечистые божества шемитов, туранцев, жителей Вендхии и Кхитая. Другие же вообще похожи на злых духов, живьем явившихся из незапамятного прошлого, ибо ужасные признаки их сохранились только в самых туманных легендах, ведомых ныне лишь ученым да адептам тайного знания. Откуда Тарамис привела их – страшно даже подумать.

Королева ввела в обычай человеческие жертвоприношения, и со времен их позорного союза с Констанцием не менее шести сотен молодых мужчин, женщин и детей стали кровавой данью. Многие из них окончили жизнь на жертвеннике, возведенном королевой в храме (причем она сама умерщвляла их ритуальным кинжалом), большинству же была суждена участь ужаснейшая. Что оно такое и откуда взялось – неведомо. Но королева, едва был подавлен мятеж воинов против Констанция, провела ночь в оскверненном храме в обществе дюжины связанных пленников. Потрясенный народ видел тяжелый смрадный дым, что поднимался над храмовой крышей, а изнутри всю ночь слышались заклинания королевы и смертные стоны пленников. Перед зарей еще один звук добавился – жуткий нелюдской хохот, и кровь застыла в жилах у тех, кто его услышал. Утром Тарамис покинула храм – усталая, но с торжествующим сатанинским блеском в глазах. Пленников больше никто никогда не видел, и хохот этот не повторялся.

Но есть в храме зала, в которую не вхож никто, кроме королевы. Королева же, направляясь туда, гонит перед собой обреченного на жертву. Никого из этих людей уж более не видели, и все полагают, что в оной зале и угнездились чудовища, вызванные Тарамис из черной бездны веков и пожирающие людей.

Я уже не думаю о Тарамис, как о простой смертной – это какая-то злобная гарпия, что таится в пропахшей кровью норе среди костей своих жертв. То, что высшие силы позволяют такое безнаказанно, заставляет меня усомниться в божественной справедливости.

Сравнивая ее нынешнее поведение с тем, которое я запомнил в первые дни пребывания своего в Кауране, начинаю склоняться к мысли, что в тело Тарамис вселился некий демон.

Другое подозрение высказал мне один молодой воин по имени Валерий. Он утверждает, что некая колдунья приняла облик чтимой королевы, сама же Тарамис заключена в подземелье. Молодец этот поклялся отыскать подлинную королеву, если та еще жива, но, боюсь, сам пал жертвой жестокого Констанция. Он участвовал в мятеже дворцовой гвардии, сумел бежать и скрывался, упорно отказываясь покинуть город. В его укрытии я и беседовал с ним. Теперь же он исчез – так же, как и другие, о чьей судьбе здесь не принято спрашивать. Боюсь, что шпионы Констанция его выследили.

На этом я вынужден закончить свое письмо, чтобы нынче же ночью отправить его с почтовым голубем. Он принесет послание туда, где родился – на рубеж земли Кот. Оттуда будет отправлен верховой, а потом верблужья эстафета доставит письмо тебе. Я должен успеть до рассвета, а уже поздно, и звезды начинают бледнеть над висячими садами Каурана. Город погружен в тишину, и только глухой звук жертвенного барабана доходит со стороны храма. Не сомневаюсь, что это Тарамис в союзе с силами преисподней затевает новые злодейства».

Но мудрец был не прав. Женщина, известная миру под именем Тарамис, стояла в подземелье, озаренная зыбким светом факела. Блики метались по ее лицу, усугубляя дьявольскую жестокость этих прекрасных очертаний.

Перед ней на голой каменной лавке сжалась фигурка, едва прикрытая лохмотьями. Саломея тронула ее носком золотого башмачка и мстительно улыбнулась:

– Не соскучилась ли ты по мне, милая сестричка?

Несмотря на семимесячное заточение и гнусные лохмотья, Тарамис все еще была прекрасна. Она ничего не ответила и только ниже склонила голову.

Ее равнодушие задело Саломею, она закусил пунцовую губку и нахмурилась. Одета она была с варварским великолепием женщин Шушана. При свете факела драгоценные камни сверкали на ее обуви, на золотом нагруднике, золотых кольцах и браслетах. Прическа была высокой, как у шемиток, золотые серьги с «тигровым глазом» поблескивали при малейшем движении гордо поднятой головы. Украшенный геммами пояс поддерживал платье из прозрачного шелка. Небрежно наброшенная темно-алая накидка скрывала какой-то сверток в левой руке ведьмы.

Внезапно Саломея сделала шаг вперед, схватила сестру за волосы и откинула ее голову так, чтобы заглянуть в глаза.

Тарамис встретила этот страшный взгляд не дрогнув.

– Ты уже не рыдаешь, как бывало, милая сестричка? – прошипела ведьма сквозь зубы.

– Нет у меня больше слез, – ответила Тарамис. – Слишком часто ты тешилась видом королевы, на коленях просящей о милосердии. Знаю я, что живу лишь только для того, чтобы ты могла меня унижать. Потому и в пытках соблюдала ты меру, чтобы не убить меня и не покалечить. Но я уже не боюсь тебя – нет во мне ни страха, ни стыда, ни надежды. И хватит об этом, сатанинское отродье!

– Ты льстишь себе, дорогая сестра, – сказала Саломея. – Я по-прежнему забочусь о том, чтобы страдали и твоё прекрасное тело, и твоё гордыня. Ты забыла, что, в отличие от меня, подвержена и душевным мукам – вот я и развлекала тебя рассказами о том, какие забавы учиняю над твоими безмозглыми подданными. Но на этот раз я принесла более веское доказательство. Знаешь ли ты, что твой советник Краллид вернулся из Турана и был схвачен?

Тарамис побледнела.

– Что, что ты с ним сделала?

В ответ Саломея вытащила загадочный сверток и, сбросив шелковый покров, подняла вверх голову молодого мужчины. Лицо его застыло в страшной гримасе – смерть, видно, наступила после жестоких мук.

Тарамис застонала, как от удара ножом в сердце:

– О Иштар! Это Краллид!

– Да, это Краллид! Он пытался взбунтовать народ. Уверял, глупец, что Конан был прав насчет того, что я не настоящая королева. Дурень, неужели он полагал, что чернь с палками и мотыгами поднимется против солдат Сокола? Ну и поплатился за свою глупость. Собаки терзают его обезглавленное тело во дворе, а дурная голова полетит в помойную яму к червям. Что, сестричка, неужели ты все-все слезы выплакала? Прекрасно! Под конец я приготовила для тебя отличную пытку – ты увидишь еще много таких картинок! – и Саломея торжествующе потрясла головой Краллида.

В эту минуту она не походила на существо, произведенное на свет женщиной.

Тарамис не поднимала глаз. Она лежала ничком на грязном холодном полу и тонкое ее тело сотрясались рыданиями. Сжатыми кулачками она колотила по каменным плитам.

Саломея медленно пошла к двери под звон браслетов.

Через несколько минут ведьма была у выхода из подземелья. Ожидавший там человек повернулся к ней. Это был огромный шемит с мрачными глазами и широкими плечами. Длинная черная борода его свисала на могучую грудь, обтянутую серебристой кольчугой.

– Ну что, завываешь? – голос его был подобен реву буйвола – низкий, глубокий, как отдаленные гром. Это был командир наемников, один из немногих приближенных Констанция, посвященных в тайну судьбы королевы Каурана.

– Разумеется, Кумбанигаш. Есть в ее душе струны, которых я еще не касалась. Когда одно чувство притупляется, всегда можно найти другое, более отзывчивое на пытки.

К ним приблизилась согбенная фигура в лохмотьях – грязная, со спутанными волосами,

потешно прихрамывающая. Один из нищих, что ночуют в открытых садах и аллеях дворца.

– Лови, пес! – Саломея кинула ему голову Краллида. – Лови, немтырь. Брось ее в ближайшую выгребную яму... Кумбанигаш, он глухой – покажи ему, что нужно сделать!

Командир исполнил поручение, а растрепанный нищий закивал головой – дескать, понял, – и медленно стал бултыхать в сторону.

– Зачем затягивать этот фарс, – гремел Кумбанигаш. – Ты уже так прочно сидишь на троне, что никакие силы не снимут тебя оттуда. Что такого, если глупые кауранцы узнают правду? Все равно они ничего не смогут сделать. Так царствуй под своим собственным именем. Покажи им их бывшую повелительницу и повели отрубить ей голову на площади!

– Еще не время, достойный Кумбанигаш.

Тяжелая дверь закрылась и заглушила высокий голос Саломеи и громовую речь Кумбанигаша.

Нищий притаился в одном из уголков сада. Там не было никого, чтобы заметить: руки, крепко обхватившие отрубленную голову – тонкие, мускулистые, – никак не вяжутся с горбатой фигурой и грязными тряпками.

– Я узнал! – шепот был едва слышным. – Она жива! О, Краллид, твои муки не были напрасными! Они замкнули ее в подземелье! Иштар, богиня честных людей, помоги мне!

4

Гарет наполнил алым вином украшенный самоцветами кубок, а потоп пустил золоченый сосуд по черному дереву столешницы прямо в руки Конану-киммерийцу.

Одеяние Гарета могло бы стать предметом зависти как любого варварского вождя, обожающего пышность, так и князя Запада, обладающего хорошим вкусом.

Вождь разбойников пустыни был облачен в белую шелковую тунику, расшитую на груди жемчугом и перетянутую в талии поясом из золотой и серебряной канители, переплетенной причудливыми узорами. Стальной остроконечный шлем был обернут тюрбаном из зеленого атласа и инкрустирован золотом с черной эмалью. Пышные шальвары заправлены в сапоги из выделанной кожи. Единственным оружием Гарета был широкий кривой кинжал в ножнах из слоновой кости, по моде номадов заткнутый за пояс над левым бедром.

Удобно расположившись в резном кресле, Гарет вытянул скрещенные ноги и звучно прихлебывал благородный напиток из драгоценного кубка.

В противоположность утонченному облику мунгана, киммериец выглядел куда проще. Черные, гладко причесанные волосы, загорелое лицо в сетке шрамов, яркие голубые глаза. На нем была вороненая кольчуга, а единственным украшением служила золотая пряжка пояса, поддерживающего меч в истертых кожаных ножнах.

Они были вдвоем в шатре из тонкого шелка, освещаемом восточными светильниками. Пол был застлан трофейными коврами, шкурами зверей и бархатными подушками.

Извне в шатер доносился низкий шум большого военного лагеря. Время от времени ветер пустыни заставлял трепетать вершины пальмовых деревьев.

– Судьба изменчива! – воскликнул Гарет и, слегка распустив алый кушак, потянулся к сосуду с вином. – Некогда был я мунганским вельможей, ныне предводительствую народами пустыни. Семь месяцев назад ты висел на кресте в двух полетах стрелы от стен Каурана, а сейчас – доверенный человек самого удачливого грабителя между туранскими укреплениями и пастбищами Запада. Ты должен благодарить меня!

– За то, что пригодился тебе? – рассмеялся Конан и поднял кубок. – Если ты позволяешь человеку подняться вверх, так уж наверное, не без выгоды. А я добивался всего в жизни своей силой, потом и кровью. – Он поглядел на свои изуродованные ладони. Да и многих шрамов на теле еще не было семь месяцев назад.

– Верно, ты дерешься как целое полчище дьяволов, – согласился Гарет. – Но ты же не думаешь, что из-за твоих доблестей в орду приходят все новые и новые люди. Племенам

номадов всегда не доставало удачливого вождя. Наверное, поэтому они предпочитают доверять чужеземцам, а не соплеменникам. Отныне для нас нет невозможного. Сейчас под моей рукой одиннадцать тысяч воинов. Через год их будет втрое больше. До сих пор мы грабили только пограничные города Турана. С тридцатью тысячами мы оставим набеги и поведем правильную войну, покорим королевство Шем. Если будешь послушен, останешься моей правой рукой – министром, канцлером, вице-королем. Сейчас нужно ударить на восток, взять туранскую крепость Везек – там собирают пошлину с караванов и можно пожить.

Конан отрицательно покачал головой.

– Я так не думаю.

– Что значит – ты так не думаешь? Я возглавляю войско, мне и думать!

– Воинов и сейчас хватит для моих целей, – ответил киммериец. – Не оплаченный долг тяготит меня.

– Ах, вон как, – Гарет глянул исподлобья и отхлебнул вина. – Ты все никак не можешь забыть этот крест? Похвально, но с этим придется обождать.

– Когда-то ты обещал помочь взять Кауран, – сказал Конан.

– Верно, да ведь это когда было? Я в ту пору и не предполагал, что соберется такая армия. Кроме того, я собирался пограбить город, а не захватывать его. Я не хочу ослаблять своих воинов, а Кауран – крепкий орешек. Вот через год, тогда...

– Через неделю, – оборвал его Конан и твердость этих слов заставила мунгана изменить тон.

– Послушай, дружище, если бы я даже решился погубить своих ребят, ты что думаешь – неужели наши волки сумеют осадить и взять неприступный Кауран?

– Не будет ни осады, ни приступа. Я знаю, как выманить Констанция за стены.

– Ну и что? – в гневе воскликнул Гарет. – Пока мы будем осыпать друг друга стрелами, не их, а нашей коннице придется туго. Их отряды пройдут через нас, как нож сквозь масло.

– Такого не будет, если за нами встанут три тысячи отчаянных гиборийских всадников, привыкших сражаться в строю по моей науке.

– Где же ты возьмешь три тысячи гиборийцев? – рассмеялся Гарет. – Разве что из воздуха наколдуюшь?

– Они уже есть, – твердо сказал Конан. – Три тысячи кауранских воинов кочуют в оазисе Акель и ждут моего приказа.

– Что? – Гарет стал похож на загнанного волка.

– Что слышал. Эти люди бежали от власти Констанция. Большинство из них скитались по пустыне как изгнанники. Зато теперь это закаленные и готовые на все солдаты. Это тигры-людоеды. Каждый стоит троих наемников. Беда и неволя укрепляют истинных мужей и наполняют их мышцы адским пламенем. Они бродили мелкими группами и требовали вождя. Я связался с ними через моих посыльных. Они собрались в оазисе и ждут команды.

– И все это без моего ведома? – в глазах Гарета появился зловещий блеск, рука нашаривала кинжал.

– Они признали мою власть. А не твою.

– И что ты наобещал этим выродкам?

– Я сказал, что волки пустыни помогут им расплатить Констанция и вернуть Кауран его жителям.

– Дурак. Ты что, вождем себя вообразил?

Оба вскочили. Дьявольские огни плясали в серых зрачках Гарета, губы киммерийца тронула грозная усмешка.

– Я прикажу разодрать тебя четырьмя конями, – процедил сквозь зубы мунган.

– Кликни людей да прикажи, – сказал Конан. – Авось послушаются.

Хищно ослабившись, Гарет поднял руку и остановился – его удержала уверенность Конана.

– Выродок с западных гор, – прошипел он. – Как же ты осмелился на заговор?

– В это не было нужды, – ответил Конан. – Ты лгал, когда говорил, что люди идут к

нам не из-за меня. Как раз наоборот. Они, правда, выполняют твои приказы, но сражаются за меня. Короче, двум вождям здесь не бывать, а все знают, что я сильнее тебя. Мы с ними прекрасно понимаем друг друга – ведь я такой же варвар, как они.

– Но что скажет армия, когда ты прикажешь ей биться для пользы Каурана?

– Подчинится. Я обещал им караван золота из дворцовых сокровищниц. Кауран заплатит хороший выкуп за изгнание Констанция. А уж потом пойдем на Туран, как задумано. Народ подобрался жадный, им хоть с Констанцием биться, хоть с кем.

В глазах Гарета появилось осознание краха. За кровавыми мечтами о собственной империи от просмотра то, что творилось под боком. Мелочи вдруг обрели настоящее значение. Он понял, что слова Конана – не пустая угроза. В черной кольчуге перед ним стоял подлинный предводитель зуагиров.

– Так погибни, собака! – зарычал мунган и схватился за кинжал. Но рука Конана с кошачьей быстротой метнулась вперед и кисть ее сомкнулась не предплечье Гарета. Раздался треск костей и напряженная тишина повисла в шатре. Мужики стояли лицом к лицу, неподвижные, точно статуи. Капли пота выступили на лбу Гарета.

Конан засмеялся, но кулака не разжал.

– Неужели ты выдержишь это, Гарет?

Улыбка все еще бродила по лицу Конана. Мышцы его заиграли, сплетаясь в ременные узлы, а могучие пальцы вонзились в дрожащую руку мунгана. Послышался хруст трущихся друг об дружку костей и лицо Гарета стало серым как пепел. Из прикушенных губ брызнула кровь – но он не издал ни звука.

Смеясь, Конан освободил его и отступил на шаг. Мунган покачнулся и оперся здоровой рукой о стол.

– Я дарю тебе твою жизнь, Гарет, так, как ты подарил мне мою, – спокойно сказал Конан. – Хотя ты снял меня с креста исключительно для своей пользы. Тяжкое это было для меня испытание, ты бы его не выдержал. Это под силу только нам, варварам с Запада. Ступай, садись на своего коня – он привязан за шатром, вода и пища во выюках. Отъезда твоего не увидит никто, но поспеши – побежденному владыке не место в пустыне. Если воины увидят тебя, калеку, лишённого власти, то живым не отпустят.

Молча Гарет выслушал Конана и так же в молчании повернулся и вышел из шатра. Молча взобрался он в седло высокого белого жеребца, привязанного в тени раскидистой пальмы, молча вложил покалеченную руку за ворот туники, поворотил коня и отправился на восток, в пустыню, чтобы навсегда исчезнуть из жизни зуагиров.

Конан остался один. Он осушил кубок и вытер губы. Ему стало легко. Отшвырнул кубок в угол, поправил ремень и вышел вон. На минуту он остановился и оглядел море палаток из верблюжьей шерсти, расстилающееся перед ним. Между палаток бродили люди в белом. Они пели, ссорились, чинили конскую сбрую и точили сабли.

Голос Конана был подобен грому и раскаты его донеслись до самых дальних шатров:

– Эй вы, каналы, наострите уши и слушайте! Ступайте все сюда – я хочу вам кое-что поведать!

5

Люди, собравшиеся в башне при городской стене, внимательно прислушивались к речам одного из них. Все они были молоды, но крепки и ловки. Чувствовалась в них закалка, которую дают тяжкие испытания. Все они были в кольчугах, в кожаных кафтанах и при мечах.

– Я знал, что Конан прав – это не Тарамис! – толковал Валерий. – Целый месяц под видом глухого побирушки я слонялся возле дворца. И, наконец, убедился в своих давних подозрениях. Наша королева томится в дворцовом подземелье. Стал выжидать удобного случая. Тут мне и подвернулся стражник-шемит. Я его оглушил, затащил в ближайший погреб и допросил с пристрастием. Перед тем как сдохнуть, вот что он мне сказал: Каураном

правит ведьма по имени Саломея, а Тарамис заключена в самом глубоком подземелье. А этот набег зуагиров нам крепко поможет. Что намерен предпринять Конан – угадать трудно. Наверняка он посчитается с Констанцием, но, возможно, разграбит и разрушит город. Это ведь варвар, нам его не понять. Тогда у нас одна задача – в разгар битвы освободить Тарамис. Констанций выведет войско в поле, они уже оседлают коней. В городе нет припасов, чтобы выдержать осаду – слишком уж внезапно воины Конана появились под стенами. А киммериец как раз готовился к осаде: разведка доложила, что зуагиры тащат стенобитные машины и осадные башни. Все это придумал Конан, он ведь все военные науки Запада превзошел. Непременно выведет Констанций всех своих солдат, чтобы одним ударом покончить с врагом. В городе останется едва ли сотни три шемитов, да и те будут на стенах и у ворот. Тюрьма останется почти без охраны. А когда освободим Тарамис, посмотрим, как дело пойдет. Если победит Конан, покажем Тарамис людям и призовем к восстанию. И народ поднимется, сомнений нет! У нас хватит сил перебить шемитов хоть голыми руками. А потом мы закроем ворота и от наемников, и от кочевников. Ни те, ни другие не попадут в город. А уж тогда можно и с Конаном толковать. Он всегда был верен присяге. А когда узнает правду, да королева сама его попросит – может, и отступит. Но вероятнее всего, Констанций разгромит Конана. Тогда придется бежать из города и спасти королеву. Вы все поняли?

Собравшиеся разом кивнули.

– Доверим же мечи наши и души богине Иштар и пойдем к тюрьме – наемники выходят из города через Южные ворота!

Так оно и было. Солнце играло на остроконечных шлемах, непрерывным потоком льющихся через широкие ворота, на белых чепраках тяжелых боевых коней.

Битва должна была начаться с атаки тяжелой конницы, как принято на Востоке. Всадники выплывали из городских ворот стальной рекой – грозные мужи в вороненых и серебристых кольчугах в кирасах, в сплошных панцирях, бородатые, с хищными носами. Свиристые глаза их выражали решимость и ярость.

Люди высыпали на улицы, выглядывали из окон, молча провожали взорами чужеземных воинов, вышедших защитить чужой город. А горожанам было все равно.

На башне, возвышающейся над широкой улицей, что вела к Южным воротам, Саломея иронически разглядывала Констанция, который препоясался мечом и натянул рукавицы из стальных чешуек. Из окна доносился шум движущегося войска – поскрипывание сбруи и тяжелый конский топот по мостовой.

– Прежде чем стемнеет, – сказал Констанций и подкрутил усы, – у тебя будет множество пленников, чтобы насытить твоего дьявола в храме. Ему, поди, надоели мягкие тела горожан? Может, ему номады понравятся – они жилистые!

– Смотри сам не нарвись на тварь еще более дикую, чем мой Тауг, – ответила Саломея. – Помни, кто ведет врагов.

– Память у меня хорошая, потому и выхожу ему навстречу. Этот паршивый пес воевал на Западе и знает толк в штурме городов. Мои разведчики подобрались к их лагерю, а это нелегко, ведь у номадов орлиное зрение. Все же они разглядели, что верблюды волокли и катапульты, и тараны, и осадные башни. Клянусь Иштар! Чтобы все это соорудить, десять тысяч человек должны были трудиться не меньше месяца. А где он взял материалы – ума не приложу. Неужели договорился с туранцами? Впрочем, ему все это не понадобится. Я уже дрался с этими песчаными волками. Сперва перестрелка – тут моих воинов убережет броня, – потом атака. Мои полки прорвут слабый строй номадов, развернутся, ударят сзади и разгонят это воинство на все четыре стороны. Вечером я войду в Южные ворота и сотни пленников поплетутся за хвостом моего коня. Ночью мы устроим на дворцовой площади праздник – мои ребята любят сжигать пленных живьем и сдирать с них кожу. Что же касается Конана, то неплохо бы взять его живым и посадить на кол перед дворцом.

– Развлекайтесь сколько влезет, – равнодушно откликнулась Саломея. – Я давно мечтала о платье из человеческой кожи. Но уж сотню пленных отдай мне – и на жертвенник,

и для Тауга.

– Все будет по твоему слову, – ответил Констанций и бронированной ладонью зачесал волосы назад. – Итак, иду сразиться и победить во имя незапятнанной чести Тарамис! – он взял украшенный перьями шлем на изгиб левой руки, правой же отдал шутовской салют. Через минуту с улицы донесся его властный голос, отдававший команды.

Саломея лениво приподнялась, потянулась и позвала:

– Занг!

Бесшумный жрец с лицом из желтого пергамента скользнул в комнату.

Саломея указала на возвышение из слоновой кости, на котором лежали два хрустальных шара и велела жрецу взять тот, что поменьше.

– Поезжай за Констанцием. Будешь сообщать о ходе сражения. Ступай!

Человечек с пергаментным лицом низко поклонился, спрятал шар в складки черного плаща и поспешно вышел. В городе стало тихо. Через минуту послышался топот коня, затем – грохот закрываемых ворот.

По широкой мраморной лестнице Саломея поднялась на крышу, защищенную от солнца балдахином. Отсюда открывался вид на опустевшие улицы и безлюдную дворцовую площадь – народ Каурана предпочитал держаться подальше от опоганенного храма. Город словно вымер.

Только на южной стене и на крышах прилегающих к ней домов толпились горожане. Они не издавали обычных в таких случаях приветственных криков, ибо не знали – победы желать Констанцию или поражения. Победа – значит снова вернется иго ненавистных шемитов, поражение – значит, в городе будет грабеж и резня. Никаких вестей Конан не подавал, а то, что он варвар – помнили все.

Полки наемников выходили на равнину. Далеко – далеко, на этом берегу реки можно было разглядеть волну конницы. Противоположный берег был усеян темными точками – осадные машины оставались на месте. Должно быть, Конан опасался удара в момент переправы.

Отряды Констанция тронулись – сперва шагом, потом рысью. Низкий рев донесся до стоящих на стене.

Две встречные волны столкнулись и перемешались в сплошную клубящуюся массу. Нельзя было понять, кто ударил первым.

Тучи пыли, поднятой копытами, покрыли поле сражения, как туман. Изредка из этого тумана выныривали всадники и снова скрывались, временами сверкала оружие.

Саломея недовольно передернула плечами и спустилась вниз. Во дворце было тихо – все слуги и рабы вместе с горожанами таращились на сражение. Ведьма вошла в зал, где прощалась с Констанцием, и подошла к возвышению. Она увидела, что хрустальный шар помутнел и покрылся алыми пятнами. Саломея склонилась над ним и прошептала заклинание.

– Занг! – позвала она. – Занг!

Внутри шара поплыли туманные пятна, распадаясь в мелкую пыль. Мелькали неясные темные силуэты. Иногда, как молния в ночи, сверкала полированная сталь.

Затем появилось лицо Занга – такое четкое, словно он сам стоял перед Саломеей и глядел на нее выпученными глазами. По голому черепу текла кровь, желтая кожа была в пыли. Губы его дрогнули. Случись в зале посторонний, он бы ничего не услышал. Но для Саломеи голос жреца звучал отчетливо, словно и не было между ними нескольких миль. Только демоны тьмы ведали, что за магические нити связывали оба шара.

– Саломея! – сказал раненый.

– Я слышу! – крикнула ведьма. – Говори!

– Мы погибли! Кауран потерян. Клянусь Сетом! Подо мной убили коня, я не могу убежать! Вокруг падают люди... Эти, в серебристых кольчугах, гибнут как мухи...

– Перестань скулить и говори, что случилось! – фыркнула Саломея.

– Мы пошли навстречу этим псам пустыни, – начал жрец. – И они двинулись к нам.

Полетели тучи стрел и номады дрогнули. Констанций скомандовал атаку и мы двинулись сомкнутыми рядами. И тогда их орда расступилась вправо и влево и нам предстали несколько тысяч гиборийских всадников – их никто не ждал! Кауранские витязи, охваченные гневом! Огромные детины на могучих конях и в полном вооружении! Плотным железным клином они прошли сквозь нас. Мы и заметить не успели, как строй был разрезан пополам. И тогда с двух сторон ударили кочевники. Наши ряды смешались, нас сломали и перебили! Это хитрый дьявол Конан! Осадные машины были для виду – одни каркасы из пальмовых стволов да раскрашенные тряпки. Наши разведчики ошиблись. Коварством выманили нашу армию за городские стены на погибель! Шемиты Сокола бегут! Конан зарубил Кумбанигаша. Констанция я не вижу. Кауранцы терзают нас, словно львы-людоеды, кочевники расстреливают из луков... Я... ах-х...

В хрустале блеснула сталь, брызнула кровь – изображение исчезло, словно лопнул пузырь на воде. Саломея застыла, вглядываясь с опустевший кристалл. Потом хлопнула в ладоши, и в комнате появился жрец, точь-в-точь похожий на покойного Занга.

– Констанций разбит, – торопливо сказала она. – Мы погибли. Скоро Конан начнет ломиться в городские ворота. Не сомневаюсь, что со мной будет тогда. Но сперва я уверюсь, что моя проклятая сестричка никогда уже не взойдет на трон. Будь что будет, но мы угостим Тауга на славу! Ступай за мной!

Они уже спускались во двор, когда со стен донесся нарастающий рев – толпа, стоявшая там, поняла, что победил Конан. Из облаков пыли вырывались всадники и устремлялись к городу.

Дворец был соединен с тюрьмой длинной галереей под островерхой крышей. Потом Саломея и жрец вошли в широкий коридор, откуда круто вниз уходили ступени. Вдруг Саломея встала как вкопанная и проклятье застыло на ее губах. В полумраке возле стены лежал стражник-шемит, уставив короткую бороду в потолок. Голова его была почти отделена от тела.

Внизу раздавались приглушенные голоса и шаги нескольких человек, на стене появились отблески пламени.

Саломея отступила во тьму и притаилась за массивной колонной, туда же укрылся и жрец. Рука ведьмы потянулась к висящей на поясе позолоченной сумочке.

6

Яркое и дымное пламя факела пробудило королеву Каурана от сна. Она поднялась, опираясь на руки и открыла глаза. Наверное, Саломея что-то задумала! Но раздался взволнованный голос:

– Тарамис! О, моя королева!

Она сперва подумала, что продолжает спать, но глаза ее увидели за пламенем блеск оружия и человеческие фигуры. Пятеро людей склонились над ней – грозные чернобородые загорелые лица.

Королева завернулась в лохмотья и, сжавшись в комок, ожидала своей участи.

Один из пришельцев пал на колени и простер к ней руки.

– О Тарамис! Иштар помогла разыскать тебя! Помнишь ли ты меня? Я Валерий. Когда-то, после битвы при Корвеке ты удостоила меня поцелуем...

– Валерий... – простонала королева. – Я, должно быть, сплю... Это новая ворожба Саломеи...

– Нет! – голос его дрожал. – Твои верные слуги пришли спасти тебя. Но нужно торопиться. На равнине Констанций сражается с Конаном, который привел из-за реки зуагиров, но сотни три шемитов все еще в городе. Стражник убит, вот его ключи. Других часовых не видно. Уходим быстро!

Королева облегченно вздохнула и потеряла сознание. Не раздумывая, Валерий подхватил ее на руки и пошел вслед за тем, кто нес факел. Они стали подниматься по сырým

ступеням лестницы – казалось, им не будет конца – и очутились в коридоре. Вдруг возле портала факел погас, а тот, кто его нес, издал короткий предсмертный стон. Голубая вспышка выхватила на миг из темноты разъяренные лица Саломеи и ее спутника.

Вспышка была такой яркой, что кауранцы ослепли. Валерий с королевой на руках продолжал бежать, слыша за спиной звуки убийственных ударов, стоны и хищное сопение. Но тут сильный толчок поверг воина на пол, а королеву вырвали у него из рук. Он кое-как поднялся и затряс головой, чтобы прогнать ослепление. Он был один в коридоре, его спутники лежали в крови, покрытые глубокими ранами. Ослепленные адским пламенем, они, должно быть, и не защищались. Все были мертвы.

Королева исчезла.

Грубо выругавшись, Валерий вытащил меч, снял погнутый шлем и что было сил хватил им об пол. Из раны на голове по лицу потекла теплая струйка. Он несколько раз оборотился, прикидывая, в какую сторону унесли Тарамис, и услышал, что кто-то зовет его:

– Валерий! Валерий!

Спотыкаясь, он побежал на голос и через минуту в его руках оказалось знакомое стройное тело.

– Игва! Да ты с ума сошла!

– Я должна, должна была пойти сюда, – со слезами в голосе сказала девушка. – Я следила за вами и спряталась во дворе за аркой. Только что я видела ее и слугу, который тащил женщину. Я узнала Тарамис и поняла, что вам не повезло... Ты ранен!

– Царапина, – он оттолкнул ее руку. – Вперед, Игва! Показывай, куда они побежали!

– Через двор в сторону храма.

Молодой воин побледнел.

– Во имя Иштар! Вот ведьма! Она решила принести Тарамис в жертву своему демону! Скорее беги к людям на южной стене и скажи, что нашлась настоящая королева и ведьма тащит ее в храм. Беги!

Девушка, заливаясь слезами, пересекла площадь и скрылась в улице, что вела к стене. Валерий устремился к зданию, угрюмо возвышавшемуся напротив дворца. Ноги его едва касались каменных плит. Саломея и жрец в спешке не закрыли за собой тяжелую дверь. Воин вбежал в храм и увидел тех, кого преследовал. Королева очнулась и, чуя неминуемую гибель, сопротивлялась изо всех сил. Ей даже удалось вырваться из цепких рук жреца, но лишь на мгновение.

Они были уже в центре огромного зала, на другом конце которого находился страшный жертвенник, а за ним – высокие железные двери. Многие прошли через них, но возвращалась лишь одна Саломея.

Во время борьбы лохмотья слетели с королевы и она казалась лесной богиней в объятиях демона. Саломея шагала к дверям, нетерпеливо оглядываясь. В полумраке мелькали перекошенные физиономии идолов.

Подняв меч, Валерий в гнев бросился вперед. Раздался предостерегающий крик Саломеи и желтолицый жрец, отбросив Тарамис, достал из ножен окровавленный клинок.

Резать людей, ослепленных колдовским пламенем Саломеи, было, видно, легче, чем противостоять молодому и сильному гиборийцу, охваченному яростью и ненавистью.

Кровавый клинок взлетал вверх, но меч воина был более быстрым и просто-напросто отсек кисть жреца. Брызнула кровь. Опыленный боем, Валерий наносил все новые и новые удары, пока бездыханное тело не рухнуло на пол. Лысая голова при этом покатилась в сторону.

Валерий, похожий в эту минуту на лесного хищника, обернулся в поисках Саломеи. Та склонилась над Тарамис. Одной рукой ведьма держала сестру за волосы, другая, с кинжалом, выбирала место для удара. Снова свистнул меч Валерий и вонзился в грудь ведьмы с такой силой, что вышел между лопатками на добрый локоть.

Со страшным криком Саломея рухнула на колени, схватилась руками за лезвие меча и упала, содрогаясь в конвульсиях. Глаза ее уже не походили на человеческие и с нездешней

силой цеплялась она за жизнь, вытекавшую из нее через рану – она как раз рассекла алый полумесяц на груди. Ведьма извивалась в агонии, кусала и царапала каменные плиты.

Валерий с отвращением отвернулся и поднял королеву; та была в полубморочном состоянии. Оставив позади издыхающую тварь, он вынес Тарамис во двор к подножию лестницы.

Площадь была заполнена народом. Кто откликнулся на призыв Игвы, кто просто бежал со стены от страха перед ордой. Оступелость и равнодушие сменились подъемом, толпа волновалась и шумела, потрясала кулаками. Со стороны ворот раздавались глухие удары тарана.

Отряд разъяренных шемитов напирал на толпу – это была стража Северных ворот, спешившая на подмогу к Южным. Но все – и стражники, и народ – разинули рты от удивления, когда на ступенях храма появился юноша, державший на руках обнаженное тело.

– Вот наша королева! – провозгласил Валерий, стараясь перекричать толпу.

Люди ничего не поняли.

Верховые шемиты стали пробиваться к ступеням храма, избивая народ древками копий.

И тогда...

За спиной Валерия появилась тонкая фигурка в окровавленной белой одежде. И люди увидели, что на руках Валерия лежит их повелительница, а в дверях храма стоит другая – точная ее копия.

Увидев ведьму, Валерий почувствовал, что кровь стынет у него в жилах: ведь его меч пробил ей сердце. По всем законам природы ей полагалось быть мертвой. Но она была жива.

– Тауг! – закричала ведьма, оборотившись к дверям. – Тауг!

В ответ послышался громовой хохот, треск дерева и звон лопающегося металла.

– Это королева! – завопил сотник-шемит и сорвал с плеча лук. – Стреляйте в эту парочку на лестнице!

Но толпа уже рычала, как свора разъяренных собак. Люди, наконец, поняли смысл слов Валерия и догадались, кто их настоящая королева. С этим рычанием люди и набросились на шемитов, вооруженные лишь зубами, ногтями да кулаками.

Возвышавшаяся над этим месивом людских и лошадиных тел Саломея покачнулась и упала на мраморные ступени – на этот раз мертвая окончательно и бесповоротно.

Стрелы свистели вокруг Валерия, пытавшегося укрыться за колонной портика. Конные рубили и стреляли направо и налево, стремясь спастись от расправы толпы. Валерий добежал до двери храма и уже собирался переступить порог, но вдруг вернулся, закричав от ужаса.

Из мрака, царившего в храме, выкатилась огромная черная туша и устремилась к Валерию длинными лягушечьими прыжками. Юноша увидел, как сверкают огромные глазищи, увидел клыки и саблеподобные когти и отскочил от дверей. Стрела просвистела над ухом, напомнила ему, что за спиной тоже стоит смерть.

Четверо или пятеро шемитов пробились сквозь толпу, и теперь их кони были уже на ступенях. Стрелы с треском ударялись в колонну. Тарамис давно уже была без сознания и казалась мертвой.

Прежде чем шемиты успели еще раз выстрелить, ворота храма заполнило гигантское тело. Наемники в ужасе поворотили коней и влетели в толпу. Люди в панике побежали, топчя упавших.

Но чудовищу были нужны только Валерий и королева. Протиснув свое могучее колышущееся тело сквозь ворота, оно бросилось к юноше, который побежал вниз по лестнице. Валерий слышал, как *это* движется за спиной – огромная тварь, порожденная в сердце мрака, черная желеобразная масса, в которой можно было различить только горящие жаждой крови глаза и страшные клыки.

Тут раздался топот копыт и отряд окровавленных, изрубленных шемитов влетел на площадь и стал вслепую прорубаться сквозь толпу. Это были те, что охраняли Южные ворота. Их преследовала группа всадников, которые размахивали окровавленными мечами и кричали на родном языке – то жители Каурана, бежавшие в пустыню, вернулись в свой

город. Вместе с ними въехали полсотни чернобородых номадов во главе с богатырем в вороненой кольчуге.

– Конан! – воскликнул Валерий. – Это Конан!

Гигант увидел его, все понял и отдал приказ. Не останавливая коней, всадники из пустыни подняли луки, натянули тетивы и выстрелили. Смертоносная туча запела над человеческим морем и вонзилась в тушу чудовища. Тварь остановилась, издала ужасный рев и зашаталась – черная клякса на белом мраморе. Всадники сделали еще один залп, еще один... Мерзкое кваканье раздалось из поганой пасти. Тварь рухнула и покатилась по ступеням – мертвая, как и та, что вызвала ее из бездны минувших тысячелетий.

Конан остановил коня и спешился.

Валерий положил королеву на мраморные плиты и упал рядом с ней – силы оставили его. Толпа хотела приблизиться. Конан с проклятием отогнал ее и склонился над королевой.

– Клянусь Кромом, это Тарамис. А кто же та?

– Дьяволица, принявшая ее облик, – прохрипел Валерий.

Конан выругался и, сорвав с ближайшего воина плащ, накрыл им обнаженное тело королевы. Она открыла глаза и с изумлением посмотрела на покрытое шрамами лицо киммерийца.

– Конан! – ее нежные руки обхватили богатырское плечо. – Или я сплю? Ведь она сказала, что ты убит!

– Убит, да неудачно, – широко улыбнулся Конан. – Ты не спишь, ваше величество! Там, у реки, я разгромил Констанция в пух и прах. Они бежали, трусливые собаки, но до стен не дошел ни один – я приказал не брать пленных, кроме самого Констанция. Стража захлопнула ворота у нас перед носом, но мы вышибли их тараном. Своих волков, не считая этой полусотни, я оставил за воротами. Не могу поручиться, что они будут вежливо вести себя в городе.

– О Иштар! Какой ужасный сон! – вздохнула королева. – Несчастный мой народ! Конан, ты должен помочь нам – отныне ты и капитан гвардии, и самый главный советник!

Конан засмеялся и отрицательно покрутил головой. Он встал и помог подняться королеве, потом кивнул кауранцам, чтобы они спешились и ждали распоряжений своей повелительницы.

– Не стоит, ваше величество – капитаном я уже был. Отныне я вождь зуагиров и поведу их на Тауран, как обещал. Вот из Валерия получится добрый капитан, а мне надоела жизнь среди мраморных стен. Но сейчас я должен оставить тебя и закончить свои дела – в городе еще полно живых шемитов!

Сказав это, Конан жестом приказал подать ему коня, вскочил в седло и помчался, увлекая за собой своих лучников.

Тарамис, опираясь на плечо Валерия, обернулась ко дворцу и ликующая толпа расступилась, образовав коридор до самых дверей. Валерий услышал, как нежная ладонь коснулась его правой руки, онемевшей от тяжести меча, и не успел он опомниться, как оказался в объятиях Игвы. Наступило время мира и покоя.

Увы, не всем суждены мир и покой – некоторые для того и приходят на свет, чтобы неустанно сражаться и нет у них иной дороги...

... Входило солнце. По древнему караванному пути от стен Каурана до самой реки растянулись всадники в белых одеждах. Во главе кавалькады ехал Конан-киммериец на огромном белом жеребце. Неподалеку от него торчал из земли обрубок деревянного бруса. По соседству возвышался массивный деревянный крест. На нем висел человек, прибитый по рукам и ногам железными гвоздями.

– Семь месяцев назад, Констанций, ты стоял здесь, а я висел на кресте, – заметил Конан.

Констанций не ответил, только облизнул помертвевшие губы. Глаза его были полны болью и страхом.

– Пытать, конечно, ты горазд, а вот терпеть... – продолжал спокойно Конан. – Я висел

точно так же, но выжил – хвала счастливому случаю и варварскому здоровью. Где вам, цивилизованным людям, равняться с нами. Вы умеете только мучить, но не переносить муки. Да, слабо вы за жизнь боритесь! Солнце не успеет зайти, как ты умрешь. Я оставлю тебя, Сокол Пустыни, в обществе других здешних птичек, – он показал на стервятников, кружащихся в небе над головой распятого.

Констанций закричал от ужаса.

Конан тряхнул поводьями и жеребец послушно направился к реке, горевшей серебром в лучах утренней зари. Следом за своим вождем тронулись белые всадники. Жалость незнакома людям пустыни – на Констанция они взирали вполне равнодушно. Копыта коней отбивали в пыли ритм похоронного марша распятому, а крылья голодных стервятников рассекали воздух все ниже и ниже...

Гвозди с красными шляпками

Вернувшись в гиборийские земли, Конан снова подался в наемники, но армия, в которой он служил, была разгромлена в южной Стигии. Киммериец пересек саванну, вышел к побережью и присоединился к пиратам с островов Бараха. Еще раз имя Амра-Лев прогремело по всем портовым городам. Корабль его пошел на дно, и варвар вступил в Вольницу под начало некоего Заралло. Отряд этот располагался в пограничном городке Сукмет, и жизнь там была, надо сказать, невыносимо скучной...

1. Череп на скале

Всадница остановила измученного коня. Тот расставил ноги и низко опустил голову, словно сбруя из красного сафьяна с золотыми украшениями была для него непомерной тяжестью. Всадница привязала коня к ветви невысокого дерева, покинула седло и огляделась.

Местечко было довольно мрачное. Деревья-великаны гляделись в озерко, в котором она недавно напоила коня. Их вершины сливались в сплошную зеленую гущу. Всадница пожала плечами и в сердцах выругалась.

Это была молодая женщина, рослая, статная, с высокой грудью. Короткие штаны, подпоясанные шелковым кушаком, сапоги из тонко выделанной кожи, шелковая блуза с широким воротником и пышными рукавами составляли ее костюм. На одном боку висел прямой обоюдоострый меч, на другом – длинный кинжал. Ее золотистые волосы, остриженные до плеч, были перехвачены атласной лентой.

На фоне мрачного первобытного леса она казалась чужеродным явлением. Куда легче было бы представить ее возле корабельной мачты, следящей за полетом чаек среди перистых облаков. Недаром глаза ее были цвета морской волны – о подвигах Валерии из Красного Братства распевали песни и баллады в любой матросской компании.

Она попыталась разглядеть небо сквозь кроны деревьев, но поняла, что это бесполезно.

Оставив коня на привязи, она двинулась в восточном направлении, время от времени оглядываясь на озеро, чтобы не заблудиться. Тишина леса угнетала ее. Птицы не пели в вершинах, звери не шуршали в кустах. Долгий путь она проделала в этом всеобъемлющем безмолвии, нарушаемом лишь стуком копыт.

Жажду она утолила у озера, но чувствовала страшный голод и решила поискать те самые плоды, которые служили ей пищей с тех пор, как кончились запасы во вьюках.

Она увидела перед собой обломки черных камней, поднимающиеся вверх – нечто вроде разрушенного утеса. Вершина его терялась среди ветвей. Может быть, решила она, эта вершина поднимается над лесом и с нее можно будет осмотреться – если, конечно, в мире вообще есть что-нибудь кроме бесконечной чащи.

Узкий уступ образовывал естественную тропинку, ведущую вверх по крутому склону.

Поднявшись локтей на пятьдесят, она оказалась на уровне окруживших скалу верхушек деревьев. В просветах между ветвями голубело небо, потом хлынули солнечные лучи – и лес оказался у ее ног.

Широкая площадка, на которой она стояла, была увенчана каменным шпилем. Нога ее наткнулась на нечто, скрытое под ковром опавших листьев. Разбросав их, она увидела человеческий скелет. Опытным глазом пиратка заметила, что на костях нет никаких повреждений. Человек этот умер естественной смертью. Но почему ему для этого понадобилось забираться так высоко?

Она вскарабкалась на вершину шпиля и огляделась. Сквозь зеленую толщу нельзя было разглядеть земли, даже озерка, возле которого она оставила коня. Валерия обернулась на север, откуда лежал ее путь. И там колыхался зеленый океан, тянувшийся до узкой синей полосы. Эту горную цепь она пересекла много дней назад, чтобы углубиться в лесную бесконечность.

Такая же картина наблюдалась на востоке и западе, разве что гор не было. Но зато на юге... У нее захватило дух. Примерно в миле отсюда лес начал редеть и сменяться равниной, на которой росли кактусы. А в глубине этой равнины поднимались стены и башни города.

Черт побери, этого просто не могло быть! Не диво было бы увидеть другие постройки – например, хижины чернокожих, напоминающие ульи или выдолбленные в скалах поселки загадочной коричневой расы, которая, согласно легендам, населяла эти земли. Но найти в такой дали от цивилизации укрепленный город...

Вскоре пальцы ее устали цепляться за шпиль и она спустилась на площадку в полной растерянности. Долог был ее путь из лагеря наемников возле пограничного города Сукмет, затерявшегося среди травянистых саванн, где отчаянные бродяги, собравшиеся со всех земель, стерегли пределы Стигии от набегов со стороны Дарфара.

Наудачу она бежала в сторону, вовсе ей не знакомую. Вот и не могла теперь решить, что лучше – направиться прямо в этот город на равнине или, от греха, обойти его и продолжать свой одинокий путь.

Шум листьев внизу прервал ее раздумья. Она резко, по-кошачьи, обернулась и схватилась за меч, но вдруг застыла при виде стоящего перед ней человека.

Это был почти великан, и могучие мышцы перекачивались под его бронзовой от загара кожей. Он был одет в такой же костюм, что и она, только вместо кушака носил широкий кожаный пояс, отягощенный огромным мечом и тесаком.

– Конан-киммериец! – воскликнула молодая женщина. – Какого черта ты плетешься по моим следам?

Великан улыбнулся и его суровые голубые глаза приобрели выражение, понятное всякой женщине.

– А то ты не знаешь? – засмеялся он. – Разве не полюбил я тебя с первого взгляда?

– Мой жеребец не смог бы выразиться яснее, – сказала она с презрением. – Но не ожидала я встретить тебя в такой дали от винных бочек и кружек Сукмета. Ты что, поехал за мной из лагеря Заралло или тебя попросту выгнали за мелкие кражи?

– Ты же знаешь, что нет в отряде Заралло таких отчаянных ребят, чтобы выгнать меня. Понятно, я ехал за тобой. И скажу тебе, девочка – везучая ты. Пырнула этого стигийского офицера, потеряла защиту Заралло и бежала от мести стигийцев в эту глушь...

– Ну да, – печально сказала она. – А что мне было делать? Ты знаешь, почему я так поступила.

– Верно, – согласился он. – Я бы тоже на твоём месте выпустил ему кишки. Но коль скоро женщина желает жить в лагере среди вооруженных мужчин, ей следует ожидать чего-то такого.

Валерия топнула ногой.

– Но почему я не могу жить так, как они?

– Потому что! – он снова окинул ее жадным взглядом. – Но ты правильно сделала, что убежала. Стигийцы сняли бы с тебя кожу. Брат этого офицера поскакал следом за тобой, и,

наверное, настиг бы – конь у него получше. Еще несколько миль, и он перерезал бы тебе глотку.

– Ну и?.. – спросила она выжидательно.

– Что – ну и? – не понял он.

– Ну и что с этим стигийцем?

– А ты как думаешь? Ясное дело, я убил его и оставил на поживу стервятникам. Пришлось немножко задержаться, и я потерял твой след, а то бы давно догнал.

– И, верно, думаешь вернуть меня в лагерь?

– Не болтай ерунды, – сказал он. – Иди ко мне, девочка, не ершись. Я ведь не тот зарезанный стигиец.

– Ты нищий бродяга! – крикнула она.

– А сама-то? У тебя даже на новые заплатки нет. Твое презрение меня не обманет. Знаешь ведь, что командовал я большими кораблями и многочисленными дружинами. А что нищий – так любой корсар большую часть жизни в нищете проводит. Зато золота, которое я расшвырял по портовым городам, хватило бы нагрузить целый галеон, и ты это знаешь.

– Где же эти великолепные корабли и отважные парни, что шли за тобой?

– В основном на дне морском, – сказал он. – Последний мой корабль потопили зингарийцы у побережья земли Куш – вот и пришлось присоединиться к Вольнице Заралло. Но после похода к рубежам Дарфара я понял, что прогадал. Жалованье небольшое, вино кислое, чернокожих женщин я не люблю. Их полно в окрестностях Сукмета – в носу кольцо, зубы подпилены – ох! А ты-то что забыла у Заралло? Сукмет лежит далеко от соленой воды.

– Красный Орто хотел сделать меня своей любовницей, – хмуро сказала она. – И вот ночью, когда мы стояли на якоре у берегов Куш, я прыгнула за борт и доплыла до земли. Там купец-шемит сказал мне, что Заралло повел свою Вольницу на юг стеречь границу. Ничего лучшего не подворачивалось, вот я и добралась до Сукмета с попутным караваном.

– Вообще-то все твое бегство на юг – сплошное безумие, – заметил Конан. – Впрочем, не совсем – патрулям Заралло и в голову не пришло искать тебя в этой стороне. Только брат убитого парня напал на твой след.

– А что ты-то собираешься делать? – спросила она.

– Поверну на запад. Там, после многих дней пути, начнутся саванны, где чернокожие пасут свои стада. Там у меня есть приятели. Мы дойдем до побережья и приглядим какой-нибудь корабль. Хватит с меня этих джунглей!

– Тогда прощай, – сказала она. – У меня другие планы.

– Дура! – он впервые по-настоящему рассердился. – Одна ты недалеко уйдешь в этом лесу.

– Захочу, так уйду.

– И что будет потом?

– Не твое дело, – фыркнула она.

– Мое, мое, – тихо сказал он. Или ты думаешь, я так далеко забрался, чтобы повернуть ни с чем? Будь умницей, девочка, я ведь не причиню тебе вреда...

Он шагнул вперед, она отскочила назад, вытащив меч.

– Прочь, собака-варвар, или я разделаю тебя, как жареного кабана!

Он остановился и спросил:

– Хочешь, чтобы я отобрал у тебя эту игрушку да ею и отшлепал?

– Болтовня! – сказала она и в глазах ее засверкали искры, точно солнечные блики на море.

Так оно и было. Не родился еще человек, который голыми руками сумел бы обезоружить Валерию из Красного Братства. Он хмыкнул, ощущая в душе целый клубок противоречий. Злился, но в то же время не мог не дивиться ее решительности и уважать ее. Горел желанием, но не хотел нанести обиды. К тому же сделай он шаг вперед – и ее меч вонзится ему в сердце. Частенько приходилось ему видеть, как Валерия расправлялась с мужиками в пограничных стычках и кабацких драках. Она была быстрой и опасной, как

тигрица. Он, конечно, мог достать меч и выбить оружие у нее из рук, но сама мысль обратить клинок против женщины была ему отвратительна.

– Чтoб тебя демоны взяли, киска, – раздраженно сказал он. – Отберу-ка я у тебя...

Он шагнул к ней, но замер, как кот перед прыжком. Где-то в лесу раздались вопли, стоны, треск ломаемых костей.

– Львы напали на лошадей! – закричала Валерия.

– Львы? Ерунда! – фыркнул Конан и глаза его заблестели. – Ты слышала когда-нибудь львиный рев? Я, например, слышал. Ишь как кости трещат – даже лев не убивает коня с таким шумом.

Он побежал вниз по тропинке, Валерия за ним. Память о стычке мгновенно исчезла, уступив место чувству общей опасности, которое роднит вот таких искателей приключений. Когда они спустились ниже древесных крон, вопли затихли.

– Я нашел твоего коня у озера, – прошептал он на ходу. А ступал варвар столь бесшумно, что она поняла, почему он застиг ее врасплох. – И привязал рядом своего. Внимание! Кони должны быть там, за кустами. Слышишь?

Валерия слышала, и мороз пробежал по коже. Она ухватила за могучую руку спутника. Из-за деревьев слышался хруст костей, треск разрываемых мышц и целая гамма всяческих хрипов, причмокиваний и прочих звуков чудовищного пиршества.

– Это не львы, – шепнул Конан. – Кто-то жрет наших лошадок, но только не львы. Клянусь Кромом...

Звуки внезапно оборвались и Конан осекся. Порыв ветра с их стороны был направлен туда, где пировал невидимый хищник.

– Идет сюда, – сказал Конан и поднял меч.

Листва закачалась, и Валерия еще крепче вцепилась в руку Конана. Джунгли она знала плохо, но понимала, что не всякий зверь способен так раскачать стволы.

– Здоровый, должно быть, как слон, – пробормотал Конан, как бы угадав ее мысли. – Какая-то чертовщина...

Из гущи листьев появилась морда, какой не увидишь и в страшном сне. Разинутая пасть открывала ряд тяжелых пожелтевших клыков. Морщинистая морда принадлежала ящеру. Огромные бельма, точно увеличенные тысячекратно глаза удава, неподвижно уставились на людей, которые прижались к скале и сами словно окаменели. Кровь покрывала обвислые чешуйчатые губы и капала вниз.

Голова – крупнее, чем у самого большого крокодила – помещалась на длинной бронированной шее, вокруг которой воротником во все стороны торчали роговые шипы, а потом, ломая кусты и деревья, выплыло огромное бочкообразное тело на коротеньких ногах. Белесое брюхо волочилось почти по земле, а колючий хребет поднимался так высоко, что даже Конан, встав на кончики пальцев, не смог бы до него дотянуться. Длинный, венчающийся шипом хвост, как у огромного скорпиона, тащился далеко позади.

– Назад на скалу, быстро! – Конан подтолкнул девушку. – Не похоже, чтобы он мог лазать по скалам, но если поднимется на задние лапы, то достанет нас...

Чудовище пошло к ним, подминая кусты и молодые деревья, а они полетели к вершине, как листья по ветру. Валерия оглянулась и увидела, что страшный гигант точно стоит на задний столбоподобных лапах, как и предвидел Конан. Ее охватила паника. В вертикальном положении тварь казалась еще огромнее, а морда ящера достигала нижних ветвей гигантских деревьев.

Тогда железная рука Конан ухватила ее за плечо и со страшной силой втащила в зеленое переплетение ветвей как раз в тот момент, когда передние лапы чудовища грохнули о скалу, задрожавшую от удара.

Сразу же следом за беглецами из ветвей высунулась огромная голова и они с леденящим ужасом глядели на обрамленную зеленью страшную морду с разинутой пастью и горящими глазами. С треском захлопнулась пасть и голова открылась словно погрузившись в озеро. Сквозь поломанные ветви они разглядели, что чудовище уселось на задние лапы и

неотступно пялится вверх.

Валерия задрожала.

– Долго он будет тут сидеть?

Конан пнул череп, тот что валялся в листе.

– Этот бедняга забрался сюда, спасаясь от него или его сородичей. И помер с голоду. Кости целы. Ясно, это тот самый дракон, о котором чернокожие рассказывают легенды. А если так, то от живых от нас он не отвяжется.

Валерия жалобно глядела на него, позабыв о недавней ссоре. Она пыталась унять страх. Не раз показывала свою отвагу на море и на суше – на скользких от крови палубах боевых галер, на стенах, взятых с бою городов, на песчаных пляжа, где молодцы из Красного Братства резали друг дружку в борьбе за власть.

Но то, что их ожидало, было гораздо страшнее. Удар клинка и пламя битвы это еще ничего. Но беспомощно сидеть на голой скале в ожидании голодной смерти под охраной чудовища из древних веков – эта мысль наполняла ее ужасом.

– Он же должен время от времени ходить за жратвой и водой, – сказала она неуверенно.

– И то, и другое рядом, – ответил Конан. – Конским мясом он запаса, да к тому же, как всякий змей может долго обходиться без пищи и воды. Жаль только, что не спит, нажравшись, как змеи делают. Но так иль этак, на скалу ему не влезть.

Конан говорил спокойно. Он был варваром. Терпеливость лесов и их обитателей было же частью его натуры, как воздержание и неудержимая ярость. В отличие от цивилизованных людей, он сохранял хладнокровие и в худших обстоятельствах.

– А мы не можем забраться на дерево и убежать, прыгая с ветки на ветку, как обезьяны? – спросила она в отчаянии.

– Я уже думал об этом. Ближние ветви слишком тонки, они обломятся под нами. А потом мне сдается, что эта скотина может вырвать с корнем любое дерево.

– Значит, мы будем здесь торчать, пока не околеем с голоду? – в ярости заорала она и пнула череп так, что он со стуком покатился по скале. – Я не хочу! Я опущусь вниз и снесу эту чертову башку!

Конан сидел на каменном выступе у подножия шпиля. Он с восхищением смотрел на ее горящие глаза, но сейчас она была способна на любое безрассудство, так что восхищение пришлось оставить при себе.

– Сядь! – рявкнул он и, схватив Валерию за руку, усадил к себе на колени. Она так опешила, что даже не сопротивлялась, когда он отобрал у нее меч и вернул в ножны. – Сиди тихо и успокойся. Сталь сломается об его чешую. А ты ему на один зуб. Или он прихлопнет тебя хвостом. Как-нибудь да мы выберемся отсюда...

Она ничего не ответила и не попыталась отбросить его руку с талии. Страх давил ее, это чувство было незнакомо для Валерии из Красного Братства. Покорно сидела она на коленях у своего спутника. То-то удивился бы Заралло, окрестивший ее «дьяволицей из адского гарема»!

Конан лениво перебирал ее золотые локоны. Ни скелет у ног, ни чудовище под скалой, его сейчас не интересовали.

А ее беспокойные глаза заметили цветные пятна на зеленом фоне. Это были плоды – большие темно-пурпурные шары на ветвях дерева с широкими ярко-зелеными листьями. Тотчас она снова почувствовала голод, а заодно и жажду – ведь озеро было теперь недостижимым.

– Мы не умрем, – сказала она. – Вон плоды, только руку протяни!

Конан глянул в ту сторону.

– Если мы их съедим, – проворчал он, – то дракону будет делать нечего. Черные люди земли Куш называют их «яблоки Деркетто». А Деркетто – Царица мертвых. Проглоти каплю сока или даже окропи им кожу – и ты умрешь раньше, чем успеешь сбежать со скалы.

– О! – она замолкла бессильно. Видно от судьбы не уйдешь. Спасенья она уже не чаяла. А Конан был все еще занят ее талией и локонами. Если он и думал о спасении, то про себя.

– Если бы ты убрал свою лапу и залез на шпиль, – сказала она, – то увидел бы много интересного.

Он вопросительно глянул на нее, пожал плечами да так и сделал. Обхватил каменную вершину и внимательно оглядел окрестности. Потом слез и застыл как статуя.

– И правда, укрепленный город, – буркнул он. – Так ты собираешься туда, а меня хотела наладить на побережье?

– Я увидела его как раз перед тем, как ты появился. Когда я покидала Сукмет, то слыхом не слыхивала об этом городе.

– Кто бы мог подумать, здесь – город! Вряд ли стигийцы продвинулись так далеко. Уж не чернокожие ли возвели его? Но не видно ни пристроек, ни людей...

– Еще бы – с такого-то расстояния!

Он пожал плечами.

– Во всяком случае тамошние жители нам не помогут. Народы Черной Земли враждебных пришельцев. Они бы просто забросали нас копьями и...

Он замолчал, уставившись на пурпурные шары в листве.

– Копия! – сказал он. – Проклятый идиот, как я раньше не додумался! Вот как пагубно действует на мужика женская красота!

– Что ты несешь? – спросила она.

Не отвечая, он опустил к ветвям и посмотрел вниз. Чудовище продолжало сидеть, уставившись на скалу со змеиным упорством. Много тысяч лет назад его предки вот так же выслеживали пещерных людей.

Конан незлобливо выругался и начал рубить тесаком ветви, норовя выбрать потолще. Движение листвы потревожило тварь, она встала на четыре лапы и принялась колотить хвостом во все стороны. Конан внимательно следил за драконом и, когда тот вновь бросился на скалу успел вовремя отскочить с пучком отрубленных веток. Три штуки их было – длинную около семи локтей, толщиной с большой палец. Кроме того, киммериец заготовил несколько тонких, но крепких лиан.

– Слишком легкие для древка копья, – сказал он. – И нашего веса они бы, конечно, не выдержали. Но в единении сила – так учили нас, киммерийцев, аквилонские мятежники, что приходили нанимать наших воинов для разорения своей же земли. А мы предпочитали биться по-старому – родами да племенами...

– А причем тут эти чертовы палочки? – спросила она.

Конан вставил между ветвями рукоятку своего тесака и обмотал связку лианой. Получилось надежное копьё.

– А что толку? Ты же сам говорил, что чешую не пробить.

– Не весь же он в чешуе, – ответил Конан. – Есть много способов содрать шкуру с пантеры.

Он подошел к краю скалы выставил копьё и пронзил одно из яблок Деркетто, всячески оберегаясь от брызнувшего пурпурного сока. Голубоватая сталь лезвия покрылась алым матовым налетом.

– Не знаю, выйдет ли что из этой затеи, – сказал он, – но яду здесь хватило бы для слона. Посмотрим.

Валерия следовала за ним. По-прежнему осторожно держа копьё на отлете, он просунул голову между ветвей и обратился к чудовищу:

– Ну, чего ты ждешь, помесь крокодила со скорпионом? Высунь-ка свою поганую морду, червяк-переросток, а не то я спущусь вниз и забью тебя пинками, сучий ты потрох!

Он добавил еще несколько выразительных слов, да таких, что даже Валерия, выросшая среди моряков, удивилась. Но и на чудовище речь Конан произвела впечатление: голос человека приводит животных либо в страх, либо в бешенство. Внезапно, с неожиданной прыткостью дракон вскочил на задние лапы и вытянул шею в отчаянной попытке ухватить дерзкого карлика, осмеливающегося нарушать тишину в его владениях.

Но Конан точно определил расстояние. Голова гиганта пробила листву в пяти локтях

под ним. И когда открылась чудовищная пасть, он изо всех сил метнул копьё в алый зев. Челюсти судорожно захлопнулись, перекусив древко, а Конан чуть не полетел вниз, но Валерия крепко ухватила его за пояс. Он обрел равновесие и буркнул что-то похожее на благодарность.

Чудовище внизу заметалось, словно сторожевой пес, которому воры насыпали перцу в глаза. Оно мотало головой, било когтями по скале и разевало пасть изо всех сил. В конце концов ему удалось задней лапой ухватить обломок копья и выдернуть его. Потом оно подняло голову и глянуло на людей таким яростным, почти разумным взглядом, что Валерия задрожала и вытащила меч. Чешуя на горле и боках бестии из ржаво-коричневой сделалась ярко-красной. И, самое страшное, из окровавленной пасти извергались звуки, каких не услышишь от обычных тварей земных.

С глухим ревом дракон бросился на скалу, где укрылись его противники. Снова и снова поднималась над листвой его голова и челюсти хватили воздух. А потом, встав на задние лапы, он даже попытался вырвать скалу, словно дерево.

Этот взрыв первобытной мощи и ярости оледенил Валерию. Но Конан и сам был слишком первобытным, чтобы испытывать что-либо кроме любопытства и понимания. Для варвара пропасть между ним и другими людьми и животными была не столь велика, как для Валерии. Он переносил на дракона свои собственные качества и в рычании гада ему слышались те же проклятия, какими он сам его осыпал. Ощущая родство со всеми творениями дикой природы, он не испытывал ни страха, ни отвращения.

Так что варвар сидел и спокойно наблюдал, как меняется рев зверя и его поведение.

– Отрава начала действовать, – уверенно сказал он.

– Что-то не верится, – Валерии и в самом деле было непонятно, как яд, пусть даже такой смертоносный, может повредить этой горе взбесившегося мяса.

– В его реве слышится боль, – пояснил Конан. – Сперва он немножко рассерчал – укололи в десну! А теперь почуял действие яда. Видишь – он зашатался. Через пару минут ослепнет...

И верно, чудовище зашаталось и напролом двинулось в лес.

– Он убегает? – с надеждой спросила Валерия.

– Бежит к озеру! – Конан возбужденно вскочил. – Яд ждет его! Ослепнуть-то он ослепнет, но может по запаху воротиться к скале и останется тут, покуда не сдохнет. Но ведь и вся драконья родня того и гляди сбежится на его вопли!

– Значит, вниз?

– Конечно! Рванем до города! Там нам, правда, могут и глотки перерезать, но другого выхода нет. По дороге, может, еще тысяча таких тварей попадется, но здесь – верная смерть. Быстро за мной!

И он с обезьяньей ловкостью помчался вниз, время от времени останавливаясь, чтобы помочь своей менее проворной спутнице. А она-то считала, что ни в чем не уступит мужчине!

Они вступили в полумрак листьев и бесшумно спустились на землю. Все равно Валерии казалось, что ее сердце стучит на всю округу. Звуки из-за кустов означали, что дракон утоляет жажду.

– Нахлебается вволю и вернется, – проворчал Конан. – И пройдут часы, пока яд его свалит. Если вообще свалит...

Дальнее солнце начало склоняться к горизонту, и чаща стала еще мрачнее. В туманном полумраке заплесали черные тени. Конан ухватил Валерию за руку и они помчались прочь от скалы. Варвар несясь беззвучно, как ветер.

– По следам идти он, видно, не может, – рассуждал Конан на бегу. – А вот если ветер нанесет на него наш запах, то учует...

– О Митра! – умоляюще прошептала Валерия – Уйми ветер!

Лицо ее было бледным овалом в полумраке. В свободной руке она держала меч, но ощущение рукояти, обтянутой кожей, уверенности почему-то не прибавляло.

От опушки леса их все еще отделяло солидное расстояние, когда сзади послышались треск и топот. Валерия закусил губу, чтобы не разрыдаться.

– Он догоняет нас... – в ужасе шепнула она.

– Нет, – сказал Конан. – Он понял, что на скале нас нет и мотается теперь по лесу – пробует уловить запах. Скорее! теперь город или смерть! Да он любое дерево выворотит, если мы туда заберемся! Только бы ветер не переменялся!

Лес перед ними начал редеть, а позади оставалось море мрака, откуда доносился злобный треск – чудовище искало свои жертвы.

– Равнина, – сказала Валерия. – Еще немножко, и...

– Клянусь Кромом! – выругался Конан.

– О Митра! – крикнула Валерия.

Ветер прямо от них повеял в черную чащу. И тотчас ужасный рев потряс листву и беспорядочные стук и треск сменились непрерывным грохотом. Это дракон, подобно урагану, устремился в сторону своих врагов.

– Беги! – зарычал Конан и глаза его засверкали как у волка, угодившего в капкан. – Только это и осталось!

Морские сапоги не слишком удобны для бега, да и сами пираты неважные бегуны – таков уж их образ жизни. Шагов через сто Валерия начала задыхаться и спотыкаться. А сзади слышался уже не топот, а сплошной гром – чудовище выбежало из леса на открытое пространство.

Железная рука Конана обвила ее талию и приподняла над землей. Если бы им удалось сейчас избежать клыков, ветер, возможно, снова бы переменялся. Но пока он дул по-прежнему, и дракон мчался за ними, как военная галера, подхваченная тайфуном. Варвар оттолкнул Валерию с такой силой, что она пролетела несколько локтей и упала у подножия ближайшего дерева, а сам встал на пути разъяренного гиганта.

Уверенный, что смерть неизбежна, киммериец подчинился велениям инстинкта и со всей решимостью ринулся на чудовище. Он прыгнул, словно дикий кот и нанес мощный удар, почувствовав, что меч глубоко вонзился в чешуйчатый лоб. Потом нечеловеческая сила отшвырнула его в сторону, и он отлетел локтей на полсотни, теряя дух и сознание.

Он и сам бы не мог сказать, как сумел подняться на ноги. Все мысли его были только о спутнице, беспомощно лежащей на пути разъяренного дракона. Прежде чем дыхание снова вернулось к нему, он уже стоял над ней с мечом в руке.

Она лежала там же, куда он ее толкнул, но уже пробовала подняться. Ее не коснулись не саблевидные клыки, не лапы, что сметали все на пути. Самого же Конана дракон, как видно отшвырнул плечом когда, позабыв о жертвах, понесся вперед, почуяв смертные судороги. Он так и летел, пока не столкнулся с гигантским деревом на своем пути. Сила удара была так велика, что дерево вывернулось с корнем, а из черепа чудовища вылетели не бог весть какие мозги. Дерево рухнуло на дракона и пораженные люди увидели, как ветви и листья трясутся от конвульсий гада. Наконец все утихло.

Конан помог Валерии встать и они побежали дальше. Через минуту они были уже на равнине, покрытой спокойным полумраком.

Конан остановился на мгновение, чтобы оглянуться на лес. Там лист не шелохнулся, птица не пискнула. Там была тишина – такая же, как до сотворения человека.

– Бежим, – сказал Конан. – Жизнь наша все еще на волоске. Если из леса выползут другие драконы...

Дальнейшего говорить не требовалось.

Город был далеко – гораздо больше, чем казалось со скалы. Сердце болезненно колотилось в груди Валерии, лишая ее дыхания. Каждую секунду ей казалось, что сейчас из чащи вылетит новая тварь и устремится по их следу. Но ничто не нарушало тишины.

Когда от леса их отделяла уже примерно миля, Валерия вздохнула с облегчением. Уверенность начала возвращаться к ней. Солнце уже взошло и тьма сгущалась над равниной, перебиваемая светом первых звезд. Кактусы в полумраке напоминали сказочных карликов.

– Здесь нет ни скота, ни вспаханных полей, – рассуждал Конан. – Чем же этот народ живет?

– Скотину могли на ночь загнать за ворота, – предложила Валерия. – А поля и пастбища – по ту сторону города.

– Возможно, – согласился он. – Хотя со скалы я ничего подобного не видел.

Над городом взошла луна, башни и стены зачернели в желтом ее свете. Мрачным и тревожным казался этот черный город.

Наверное, так и подумал Конан, остановился, огляделся и сказал:

– Останемся тут. Что толку колотиться ночью в ворота – все равно не отопрут. Неизвестно, как нас встретят, так что лучше набраться сил. Поспим пару часов – и снова будем готовы биться или убегать – как придется.

Он подошел к зарослям кактуса, которые образовали как бы кольцо – обычное дело в южных пустынях. Он прорубил мечом проход и сказал Валерии:

– По крайней мере уберемся от змей.

Она со страхом обернулась в сторону леса, находящегося в каких-нибудь шести милях.

– А если из чащи вылезет дракон?

– Будем сторожить по очереди, – ответил он, хоть и не сказал, какой в этом толк.

– Ложись и спи. Первая стража моя.

Она заколебалась, глядя на него с сомнением, но он уже сидел у прохода, скрестив ноги и уставившись во мрак, с мечом на коленях. Тогда она молча улеглась на песок посередине колючего кольца.

– Разбудишь меня, когда луна будет в зените, – приказала она.

Он ничего не ответил и даже не взглянул на нее. Последнее, что она видела перед сном, был силуэт его могучей фигуры, недвижимой, как бронзовая статуя.

2. При свете огненных кристаллов

Валерия проснулась, дрожа от холода, и увидела, что равнина уже залита серым светом.

Она села, протирая глаза. Конан стоял возле кактуса, отрубая его мясистые листья и осторожно вытаскивая колючки.

– Ты меня не разбудил! – с упреком сказала она. – Позволил мне спать всю ночь!

– Ты устала, – сказал он. – Да, наверное, и зад весь отбила за дорогу. Вы, пираты, непривычны к лошадиному хребту.

– А как же ты сам-то? – огрызнулась она.

– Прежде чем стать пиратом, я был мунганом, – ответил он. – А они всю жизнь проводят в седле. Однако и я перехватил несколько минуток сна – знаешь, как пантера, что подстерегает серну на лесной тропе.

И в самом деле огромный варвар выглядел удивительно бодро, словно спал всю ночь на царском ложе. Вытащив колючки и очистив толстую кожу, он подал девушке толстый, сочный лист кактуса.

– Кусай, не бойся. Для людей пустыни это и еда, и питье. Когда-то я был вождем зуагиров, пустынного племени, которое живет тем, что грабит караваны.

– О боги, кем ты только не был! – со смесью недоверия и восхищения сказала она.

– Например, я никогда не был королем гиборийской державы, – он откусил здоровенный кусок кактуса. – Хоть и мечтаю об этом. И, возможно, когда-нибудь стану им – почему бы и нет?

Она покачала головой, дивясь его спокойной дерзости, и принялась за еду. Вкус не был неприятным, а влага вполне утоляла жажду. Покончив с завтраком, Конан вытер руки о песок, встал, расчесал пятерней свою черную гриву, нацепил пояс с мечом и сказал:

– Ну что ж, пойдем. Если горожане захотят перерезать нам глотки, они с таким же успехом могут сделать это и сейчас, пока солнышко не начало припекать.

Валерия подумала, что эта мрачная шутка может оказаться вещей. Она тоже встала и

подпоясалась. Ночные страхи миновали, и драконы из леса казались уже смутным воспоминанием. Она смело шагала рядом с Конаном. Какие бы опасности не ожидали их, враги будут всего лишь людьми. А Валерия из Красного Братства еще не встречала человека, способного испугать ее.

Конан смотрел на нее и удивлялся – она шла таким же, как у него, размашистым шагом и не отставала.

– Ходишь ты как горцы, а не как моряки, – заметил он. – Ты, должно быть, аквилонка. Солнце Дарфара не сделало твою белую кожу бронзовой. Многие принцессы могли бы тебе позавидовать.

– Да, я из Аквилонии, – ответила она. Его комплименты уже не раздражали ее, а явная влюбленность была даже приятна. Если бы другой мужчина позволил ей проспать ее стражу, она бы страшно разгневалась, потому что не позволяла, чтобы ей делали поблажки как женщине. Но втайне радовалась, что Конан поступил именно так. И не воспользоваться ее страхом или робостью. В конце концов, подумала она, это необыкновенный человек.

Солнце вставало за городом, и его башни засияли тревожным пурпуром.

– При луне они черные, – бормотал Конан, и в глазах его появилась варварская покорность судьбе. – А при ясном солнце они словно кровь, и кровь, должно быть, предвещают. Ох, не нравится мне этот город!

Тем не менее они продолжали идти, и Конан отметил, что ни одна дорога с севера не вела в город.

– Скот не истоптал пастбищ по эту сторону города, – сказал он. – И плуг не касался этой земли много лет, а может, веков. Но смотри – здесь все же когда-то крестьянствовали.

Валерия увидела древние оросительные каналы – местами засыпанные, местами поросшие кактусами.

Она с тревогой посмотрела на город. Солнце не блестело на шлемах и копьях по стенам, трубы не трубили тревогу, с башен не доносились приказы... Тишина, такая же, как в лесу. Солнце было уже высоко на востоке, когда они остановились перед огромными воротами в северной стене, в тени вынесенного парапета. Пятна ржавчины покрывали железную оковку бронзовых створок. Отовсюду свешивалась паутина.

– Их не открывали уже много лет! – сказала Валерия.

– Мертвый город, – согласился Конан. Вот почему засыпаны каналы и не тронуты поля.

– Кто же построил этот город? Кто жил в нем? Куда они все ушли?

– Не знаю. Может, какой-нибудь изгнанный стигийский род. Хотя нет. Стигийцы строят по-другому. Возможно, их прогнали враги или истребило моровое поветрие.

– Тогда там лежат сокровища, обрастая пылью и паутиной! – сказала Валерия, в которой проснулась свойственная ее ремеслу жадность, соединенная с женским любопытством. – Сумеем мы открыть эти ворота? Давай попробуем!

Конан с сомнением поглядел на тяжелые ворота, но все же уперся в них руками и толкнул что было сил.

Страшно закрипели заржавевшие петли, тяжкие створки подались, и Конан выпрямился, доставая меч из ножен. Валерия выглянула из-за его плеча и издала звук, свидетельствующий об удивлении.

Он глянул на Валерию и быстро опустил глаза.

– Эта женщина, – сказал он, – зовется Таскела, она княгиня народа Текультли. А теперь подайте нашим гостям еду и питье – без сомнения, они голодны после дальней дороги.

И он указал на стол из слоновой кости. Наши искатели приключений обменялись взглядами и сели за стол. Киммериец был полон подозрений: его суровые голубые глаза неустанно шныряли по залу, а меч был под рукой. Тем не менее от угощения и выпивки он редко отказывался.

И все сильнее притягивала его взгляд Таскела, хотя сама она упорно продолжала рассматривать белотелую спутницу Конана.

Техотль забинтовал свою рану куском шелка и тоже уселся за стол, чтобы ухаживать за своими новыми друзьями. Он внимательно рассматривал всякое блюдо или напиток и все пробовал сам, прежде чем подать гостям. Пока они подкреплялись, Ольмек в молчании глядел на них из-под густых черных бровей. Рядом, уперев подбородок в ладони, сидела Таскела. Ее черные загадочные глаза, наполненные странным светом, ни на минуту не отрывались от гибкой фигуры Валерии. Позади трона красивая, но мрачная девица медленно качала опахалом из страусиных перьев.

На закуску подали причудливые плоды, неизвестные путешественникам, но вкусные. Легкое красное вино также имело особый острый привкус.

– Вы пришли издалека, – сказал наконец Ольмек. – Я читал книги наших отцов. Аквилония лежит еще дальше, чем земли стигийцев и шемитов, за королевствами Аргос и Зингар, а Киммерия еще дальше, чем Аквилония.

– Уж такие мы с ней бродяги, – беспечно сказал Конан.

– Но вот как вам удалось пройти через лес – понять не могу, – продолжал Ольмек. – В давние времена несколько тысяч воинов едва сумели преодолеть все лесные опасности.

– Правду сказать, нам попалось одно коротконогое страшилище чуть побольше слона, – равнодушно сказал Конан, протягивая кубок, который Техотль наполнил с видимым удовольствием. – Но его убили, и больше никаких неприятностей не было.

Графин с вином выпал из рук Техотля и разбился об пол. Он снова побледнел. Ольмек вскочил, все остальные в испуге и удивлении глядели друг на друга. Некоторые опустили на колени. Только Таскела была равнодушна – Конан с удивлением отметил это.

– В чем дело? – спросил он. – Что вы на меня уставились?

– Ты... Ты убил бога-дракона?

– Бога? Дракона убил, конечно. А что, нельзя? Ведь он же собирался нас сожрать.

– Но драконы бессмертны! – воскликнул Ольмек. – Можно победить подобного себе, но никогда еще ни один человек не убивал дракона. Тысячи воинов, которых наши отцы вели в Ксухотль, не могли с ними справиться! Мечи ломались об их чешую, как щепки!

– Вот если бы ваши предки догадались вымочить копья в ядовитом соке яблок Деркетто, – набив рот, учил Конан, – а потом воткнули бы в драконий глаз или пасть, то быстро бы убедились, что драконы не более бессмертны, чем всякое другое ходячее мясо. Дохлятина эта лежит на самом краю леса. Если не верите – сходите и посмотрите.

Ольмек глядел на него с великим удивлением.

– Именно из-за драконов наши предки укрылись в Ксухотле, – сказал он. – Они не решились пересечь равнину и снова углубляться в джунгли. Но и без того десятки их погибли в пастях чудовищ, прежде чем дойти до города.

– Значит, это не ваши предки возвели Ксухотль? – спросила Валерия.

– Он был уже совсем древний, когда мы впервые пришли сюда. И даже его выродившиеся жители не знали, сколько лет он простоял.

– Твой народ пришел сюда с озера Зуад? – спросил Конан.

– Да. Больше полувека тому назад племя Тлацитлан восстало против стигийского короля и, потерпев поражение, бежало на юг. Долгие недели шли они через саванны, холмы и пустыни, пока не вступили в огромный лес. Шли тысячи воинов с женами и детьми.

И в этом лесу напали на них драконы, и многих разорвали на куски. И народ бежал в страхе перед ними до самой равнины, посередине которой стоял город Ксухотль.

Они встали лагерем под стенами, не решаясь покинуть равнину, ибо из леса доносились звуки междоусобной битвы чудовищ. Но на равнину они не выходили.

Обитатели города закрыли ворота и осыпали нас стрелами со стен. И эта равнина стала тюрьмой племени Тлацитлан, потому что возвращение через джунгли было бы безумием.

И в первую же ночь в лагерь тайком явился раб из города, человек здешней крови. В молодости он вместе со своим отрядом заблудился в лесу и всех, кроме него, сожрали драконы. В город его пустили, но сделали рабом. Звали его Толькемек.

Глаза его загорелись при звуках этого имени, а многие в зале принялись плевать и

бормотать проклятия.

– Он пообещал нашим воинам открыть ворота, а взамен подарить ему всех, кого возьмут в городе живьем.

Перед рассветом он открыл ворота. Воины хлынули внутрь, и залы Ксухотля залились кровью. В городе жило лишь несколько сотен людей, жалкие остатки великого народа. Толькемек говорил, что они пришли сюда давным-давно, из Старой Косалы, когда предки тех, что населяют Косалу ныне, вторглись с юга и прогнали тогдашних жителей. Они долго шли на запад, пока не нашли эту окруженную лесами равнину, населенную племенем черных.

Негров они обратили в рабство и стали возводить город. В восточных горах они добывали и яшму, и мрамор, и ляпис-лазурь, и серебро, и золото, и медь. Истребили слоновьи стада ради клыков. Когда строительство было закончено, всех рабов перебили. Их волшебники укрепили безопасность города с помощью своей чудовищной магии: они воскресили драконов, что некогда населяли эти места и чьи кости можно найти в джунглях. Они одели эти кости плотью и вдохнули в них жизнь, и чудовища снова пошли по земле, как во времена, когда мир был молод. Но заклятие магов держало их в лесу, не пуская на равнину.

Много столетий жил народ Ксухотля в своем городе, обрабатывая поля за стенами, покуда мудрецы не научились выращивать овощи, которые вовсе не требуют почвы и черпают все необходимое прямо из воздуха. Так высохли оросительные каналы, и так началось разложение общества. Они уже были вымирающей расой, когда наши предки прорубились сквозь джунгли на равнину. Великие волшебники к тому времени были уже мертвы, а их заклинания забыты. Они не смогли противопоставить нам ни магию, ни меч.

И наши предки перебили их, оставив около сотни для Толькемека, бывшего некогда рабом. Много дней и ночей разносились по городу их вопли и стоны...

Некоторое время племя Тлацитлан жило в мире и покое под началом двух братьев – Текультли и Ксоталанка совместно с Толькемекем. Он к тому времени женился на девушке из наших. Мы были благодарны ему за открытые ворота. Кроме того, он знал места, где спрятаны были сокровища. Потому и делил власть с братьями.

Так проходили мирные годы. Мы только ели, пили, любили друг друга и воспитывали детей. Обрабатывать поля было не нужно, ибо Толькемек научил нас искусству выращивать плоды и овощи без земли. Кроме того, падение города и гибель его прежних жителей уничтожили силу заклинания, которое удерживало драконов в лесу. По ночам эти твари бродили у самых ворот и страшно завывали.

Вся равнина была залита кровью после их схваток, и вот тогда...

Он прикусил язык на полуслове, но сразу же продолжил рассказ. Но Конан и Валерия поняли – он пропустил что-то, чего они не должны были знать.

– Пять лет продолжался мир. А потом... – взгляд Ольмека на какое-то мгновение коснулся сидящей рядом с ним женщины. – А потом Ксоталанк взял в жены женщину, о которой мечтали и Текультли, и старый Толькемек. И вот безумный Текультли похитил ее, а Толькемек помогал ему, желая досадить Ксоталанку. Тот потребовал, чтобы ему возвратили жену, но совет племени решил, что выбор остается за женщиной. Она решила остаться с Текультли. Разгневанный Ксоталанк попытался отбить ее силой, и телохранители обоих братьев схватились в Большом Зале.

Пролилась кровь с обеих сторон. Спор перешел во вражду, вражда – в открытую войну. На три части разделилось племя в дни этой смуты. Еще раньше, в мирные дни, город был поделен властителями между собой. Текультли занимал западную часть, Ксоталанк восточную, Толькемек – в районе южных ворот. Так образовались три военных лагеря.

Злоба, ненависть и ревность породили кровь, насилие и убийство. Раз извлеченный, меч не мог уже вернуться в ножны. Текультли враждовал с Ксоталанком, а Толькемек помогал то одному, то другому, передавая, когда ему было это выгодно. В конце концов Текультли и его народ отступили к западным воротам, где мы живем и теперь. Ксухотль

имеет форму овала. Текультли, территория, взявшая имя от своего князя, занимает западную часть этого овала. Мы замуровали все проходы, соединяющие этот квартал с остальным городом, оставив лишь по одной двери на каждом этаже. Потом народ Текультли спустился в подземелья и стеной отделил их западную часть. И стал жить, как в осажденной крепости, деля вылазки против врага.

И люди Ксоталанка в восточной части города поступили таким же образом, и люди Толькемека в южной. Центр города остался ничьим и не заселенным. И стали эти пустые залы и комнаты полем сражения и местом вечного страха.

Толькемек повел войну с обоими кланами. Он был куда страшней Ксоталанка – истинный демон в человеческом облики. Ему были ведомы многие тайны города и он никогда не открывал их пришельцам. Путешествуя по тайникам и подземельям, он украл у мертвых их страшные секреты, секреты древних повелителей и магов, о которых забыли даже перебитые нашими предками выродки. Но вся его магия оказалась бессильной в ту памятную ночь, когда мы взяли его укрепления и перебили всех его сторонников. А самого обрекли на долгую, долгую пытку.

Голос Ольмека перешел в нежный шепот, и в глазах засияла такая радость, точно он видел эту сцену перед собой и она доставляла ему неслыханное наслаждение.

– Ах, мы поддерживали в нем жизнь, так что он мечтал о смерти, как о любимой жене. А потом взяли еще одного живого из камеры пыток и бросили в подземелье – пусть-де крысы обгложут его кости. Но он умудрился сбежать из своей темницы в подземные коридоры. Без сомнения, он сгинул там, поскольку единственный выход оттуда ведет в Текультли, и оттуда с тех пор никто не выходил. Даже костей его не нашли, и поэтому самые темные и суеверные в нашем народе утверждают, что дух его все еще блуждает в подземельях, завывая среди скелетов. Люди Толькемека были вырезаны двенадцать лет тому назад, но продолжается и все более яростной становится война между Текультли и Ксоталанком, и кончится лишь тогда, когда падут последний мужчина и последняя женщина.

Полвека назад украл Текультли жену Ксоталанка. Полвека длится вражда. Я появился на свет в самый разгар войны, как и все прочие в этом зале, не считая Таскелы. И, думаю, умрем раньше, чем она закончится.

Мы погибающий народ – как и те несчастные жители Ксухотля. Когда началась война, нас были сотни с каждой стороны. А теперь весь народ Текультли перед тобой – кроме тех, что стерегут ворота. Сорок человек – вот и весь клан. Сколько ксоталанцев, мы не знаем. Вряд ли намного больше. За последние пятнадцать лет у нас не родилось ни одного ребенка, у наших врагов тоже.

Мы погибаем, но, прежде чем исчезнуть окончательно, зарежем столько ксоталанцев, сколько дозvoлят боги.

И долго еще рассказывал Ольмек с безумно блестящими глазами об этой ужасной войне, что велась в тихих комнатах и мрачных залах при свете зеленых кристаллов на плитах, плававших адским огнем, которые время от времени становились еще краснее. Целое поколение погибло в этих лужах крови. Давно был мертв Ксоталанк, зарубленный в жестокой битве на лестнице из слоновой кости. И Текультли не было в живых – разъяренные ксоталанцы поймали его и сняли с него кожу.

Без всякого волнения повествовал Ольмек о страшных сражениях в черных коридорах, о засадах на винтовых лестницах, о чудовищной резне. Все более яркий красный огонь разгорался в его темных бездонных глазах, когда он рассказывал о людях, с которых живьем снимали кожу, о разрубленных и разорванных на части, о пленниках, жутко воющих в камерах пыток. И так было это отвратительно, что даже выдавшему виды варвару-киммерийцу стало тошно. Неудивительно, что Техотль трясся от страха, что враги его поймут! Но все-таки решился на вылазку – значит, ненависть в них сильнее страха.

А Ольмек продолжал рассказ о делах страшных и таинственных, о чарах и заклинаниях, похищенных в черной бездне катакомб, о необыкновенных существах, вызванных врагами из темноты для ужасного союза. Здесь у ксоталанцев было

преимущество – именно под их владениями покоились останки самых могущественных чародеев древнего Ксукотля и вместе с ними – их бессмертные секреты.

Валерия слушала все это, и ее охватывал ужас. Вражда стала той руководящей и направляющей силой, которая неустанно толкала народ Ксукотля к окончательной гибели. Вражда была смыслом всей их жизни. Во вражде приходили они на свет, а, покидая его, верили, что она будет продолжаться и после их смерти. Они оставляли свою крепость и пробирались в Залы Молчания только для того, чтобы убивать и быть убитыми. Иногда они возвращались из похода, ведя обезумевших пленников или принося кровавые трофеи победителей. Иногда не возвращались вовсе, и тогда вражеские руки перебрасывали их рассеченные тела через бронзовые ворота.

Жуткую, неестественную, чудовищную жизнь вели эти люди, отрезанные от остального мира, заключенные в одну клетку, словно крысы, только и годные для того, чтобы нападать, калечить и убивать.

Во время речи Ольмека Валерия постоянно чувствовала на себе неотступный взгляд Таскелы. Казалось, она не слышит бородатого гиганта. Все эти победы и поражения ее словно бы и не касались, и это казалось Валерии еще более страшным, чем неприкрытая жестокость Ольмека.

– И мы не можем покинуть город, – говорил Ольмек. – Вот уже пятьдесят лет никто не покидал его, кроме... – он снова оборвал себя, и через минуту продолжил:

– Даже если бы и не было никаких драконов, мы, рожденные и выросшие в городе, не осмелимся его оставить. Никогда не было ноги нашей за стенами. Мы не привыкли к открытому пространству и солнечному свету. Нет – в Ксукотле мы родились, здесь и умрем!

– Ну что ж, – сказал Конан. – С вашего позволения, мы лучше поиграем в жмурки с драконами. Ваша война нас не касается. Когда вы покажете нам дорогу к западным воротам, мы отправимся в путь.

Таскела стиснула кулаки и начала что-то говорить, но Ольмек прервал ее:

– Приближается ночь. Если вы окажетесь на равнине ночью, то наверняка попадете в лапы драконов.

– Мы уже шли по равнине ночью и даже спали на вольном воздухе, но никого не встретили – заметил Конан.

Таскела мрачно улыбнулась:

– Вы не посмеете покинуть Ксукотль!

Конан посмотрел на нее с инстинктивной неприязнью: уж очень ему не понравилось внимание княгини к Валерии.

– Думаю, что посмеют, – сказал Ольмек. – Но, Конан и Валерия, вас же послали сами боги, чтобы последняя победа была за Текультли! Война – ваше ремесло, так почему вам не сражаться на нашей стороне? Богатств у нас накоплено сверх меры – драгоценные камни в Ксукотле такое же обычное дело, как булыжники в других городах. Некоторые привезены еще древними, а огненные кристаллы добыты в восточных горах. Поможете нам одолеть ксоталанцев – и берите, сколько унесете!

– А вы поможете нам уничтожить драконов? – спросила Валерия. – Тридцать воинов с луками и отравленными стрелами сумеют истребить всех гадов в лесу.

– Да! – не задумываясь согласился Ольмек. – Мы, правда, за годы рукопашных боев разучились стрелять из лука, но можем возродить это искусство.

– Что ты на это скажешь? – обратилась Валерия к Конану.

– Мы бродим без гроша за душой, – ухмыльнулся киммериец. – А по мне – что ксоталанцев резать, что кого другого...

– Так вы согласны? – вскричал Ольмек, а Техотль от радости захлопал в ладоши.

– Идет. А теперь не будете ли вы любезны показать нам комнаты, подходящие для отдыха, чтобы утром со свежими силами приняться за убийства?

Ольмек согласно кивнул и сделал знак рукой. Техотль и одна из женщин повели наемников по коридору, который начинался по левую сторону от яшмового постамента.

Валерия оглянулась и увидела, что Ольмек со своего трона провожает ее долгим и странным взглядом. Таскела шептала что-то своей угрюмой служанке, Ясале, которая приблизила ухо к самым губам княгини.

Коридор был неширокий, но длинный. В конце концов женщина остановилась, открыла дверь и жестом пригласила Валерию в ее комнату.

– Пойдите! – заворчал Конан. – А я где буду спать?

Техотль указал на комнату с другой стороны коридора, на одну дверь дальше. Конан некоторое время колебался, собираясь, видимо, что-то сказать – но Валерия опередила его: злорадно улыбнувшись, она захлопнула дверь у него перед носом. Он пробормотал что-то неодобрительное о прекрасной половине рода человеческого и пошел за Техотлем.

В разукрашенной комнате он огляделся и посмотрел вверх. Некоторые из светильников в потолке были так велики, что, если вышибить из них стекла, туда мог пролезть человек. Правда, только худенький.

– Почему же ксоталанцы не пройдут по крыше и не разобьют этих стекол?

– Разбить их невозможно, – ответил Техотль. – Кроме того, не так-то легко забраться на крышу. Там сплошные купола, башни и крутые скаты.

И, не дожидаясь дальнейших вопросов, объяснил Конану устройство «крепости» Текультли. Как и во всем городе, здесь было четыре этажа. Каждый имел свое название, словно улицы в обычном городе: этажи Орла, Обезьяны, Тигра и Змеи.

– Кто такая Таскела? – спросил Конан. – Супруга Ольмека?

Техотль задрожал и испуганно огляделся.

– Нет. Это... словом, это Таскела. Она была женой Ксоталанка – той самой, которую похитил Текультли. Из-за нее началась эта война.

– Что ты несешь? Она же молода и прекрасна. И ты хочешь сказать, что полвека назад она уже была за мужем?

– Именно так! Клянусь! Она была взрослой девушкой, когда племя Глацитлан ушло от озера Зуад. Король Стигии потребовал ее в свой гарем, поэтому Ксоталанк с братом и подняли мятеж! Она колдунья и знает секрет вечной молодости.

– Что за секрет? – спросил Конан.

Техотль снова задрожал.

– Об этом меня не спрашивай. Я не смею говорить. Это слишком страшно, даже для этого города!

И, держа палец на губах, выскользнул из комнаты.

4. Запах черного лотоса

Валерия отстегнула пояс с мечом и бросила его на постель. Она заметила двери, закрытые на засов и спросила проводницу, куда они ведут.

– Эти, – сказала женщина, указывая налево и направо, – ведут в соседние комнаты. А вон та, – она показала на дверь, обитую медью, – в зал, из которого лестница идет в катакомбы. Но ты не бойся, здесь тебе ничего не грозит.

– Кто говорит о страхе? – возмутилась Валерия. – Просто я хочу знать, в каком порту бросаю якорь. Нет, я вовсе не желаю, чтобы ты спала у меня в ногах. Я не привыкла к служанкам – во всяком случае, женского пола. Ты свободна.

Оставшись одна, Валерия задвинула все засовы, сбросила сапоги и удобно растянулась на ложе. Она знала, что по другую сторону коридора Конан сделал то же самое, но женское тщеславие рисовало перед ней другую картину – рассерженный киммериец, бормоча проклятия, бродит из угла в угол. Ехидная усмешка тронула ее губы, и она стала засыпать.

Вокруг царствовала ночь. Зеленые кристаллы в залах Ксукотля горели, как глаза древних котов. Ветер завывал между мрачных башен, словно душа грешника. По темным углам зашевелились таинственные бесшумные фигуры.

Внезапно Валерия очнулась от сна. В мглистом зеленом полусвете над ней маячила

неясная фигура. Валерия с удивлением поняла, что сон продолжается наяву. А снилось ей, что она лежит на ложе и над ней дрожит и пульсирует огромный черный цветок, такой огромный, что закрывает весь светильник. Его необыкновенный запах проникал во все клетки тела и вызывал томительное и блаженное оцепенение. Она купалась в душистых волнах бездумного счастья, когда что-то коснулось ее лица. Нервы ее были уже настолько одурманены наркотиком, что прикосновение это показалось ей грубым ударом, вернувшим ее к действительности. И тогда она увидела не гигантский цветок, а темнокожую женщину.

Прежде чем та успела убежать, Валерия поймала ее за руку. Пришлица дралась, как дикая кошка, но, чувствуя силу соперницы, внезапно сдалась. Это была угрюмая Ясала, служанка Таскалы.

– Ты что, сто чертей, собиралась со мной сделать? Что у тебя в руке?

Женщина не ответила, но попыталась отшвырнуть какой-то предмет. Валерия вывернула ей руку, и на пол упал причудливый черный цветок на стебле цвета яшмы, большой, как человеческая голова, но маленький по сравнению с тем, который Валерия видела во сне.

– Черный лотос! – процедила она сквозь зубы. – Цветок, который вызывает глубокий сон. Ты хотела лишиться меня сознания, и это удалось бы, не задень ты моей щеки лепестком. Почему ты это сделал? Что все это значит?

Женщина продолжала молчать.

– Говори, или я тебе руку вырву из сустава!

Ясала извивалась от боли, но отрицательно крutiла головой.

– Тварь! – Валерия швырнула ее на пол. Страх и воспоминание о разъяренном взгляде Таскелы пробудили в ней животный инстинкт самозащиты. Люди в этом городе были сущими выродками. Но Валерия чувствовала за всем этим тайну более страшную, чем обычное извращение. Волна ужаса и отвращения охватили ее при мысли об этом странном городе. Обитатели его не были нормальными людьми, да и принадлежали ли они к роду человеческому? У всякого во взгляде было безумие – кроме Таскелы. В ее жестоких и загадочных глазах таилось кое-что пострашнее.

Она подняла голову и прислушалась. Залы Ксукотля наполняла тишина воистину мертвого города. Глаза женщины, лежащей на полу, зловеще сверкали. Панический ужас изгнал из суровой души Валерии последние остатки жалости.

– Почему ты хотела отравить меня? – прошипела она, схватив служанку за волосы. – Это Таскела тебя подослала?

Ответа не было. Валерия выругалась и отвесила ей две пощечины. Ясала даже не пикнула.

– Почему ты не кричишь? – спросила разгневанная Валерия. – Боишься, что услышат? Кто услышит? Таскела? Ольмек? Конан?

Ясала не отвечала. Она сжалась в комок и глядела на свою мучительницу убийственным взглядом василиска. Валерия обернулась и сорвала горсть шнуров с ближайшей занавеси.

– Гадина! – процедила она. – Вот я сейчас сорву с тебя все тряпки, привяжу к постели и буду пороть до тех пор, пока не сознаешься, кто тебя послал и зачем!

Ясала даже не пробовала сопротивляться. Потом в комнате слышался только свист туго скрученных шелковых шнуров, врезающихся в нагое тело. Ясала не могла двинуться, тело ее извивалось и вздрагивало в такт ударам. Она только закусила губу, и оттуда потекла струйка крови. И снова – ни звука.

Все новые и новые красные полосы появлялись на смуглой коже Ясалы. Валерия хлестала изо всей мочи, а рука ее была закалена в сражениях. И Ясала не выдержала.

Она тихо застонала и Валерия остановила поднятую руку, сбросив со лба прядь золотых волос.

– Ну что, начнешь, наконец, говорить? – спросила она. – Или я должна потратить на тебя целую ночь?

– Пощади! – прошептала женщина. – Я все скажу!

Валерия разрезала держащие ее веревки и помогла встать, но служанка бессильно опустилась на ложе. Все тело ее дрожало.

– Дай вина! – попросила она умоляющим голосом и показала на золотой кубок. – Дай мне напиться. Я совсем обессилела от боли. Сейчас я все тебе расскажу.

Валерия взяла кубок. Ясала неуверенно встала, чтобы взять его, поднесла к губам и внезапно выплеснула его содержимое прямо в лицо аквилонке. Валерия потеряла равновесие и отшатнулась, тряся головой и протирая кулаками глаза от едкой жидкости. Как в тумане увидела она, что Ясала пробежала через комнату, подняла засов, открыла дверь, обитую медью, и скрылась в глубине коридора. Когда Валерия добежала до двери, то увидела только пустой зал, на другом конце которого зиял черный проход. Оттуда тянуло плесенью и Валерия вздрогнула – то были двери, ведущие в катакомбы.

Ясала нашла спасение среди мертвецов.

Валерия подошла к дверям и увидела каменную лестницу, исчезающую в полном мраке. Ход этот, вероятно, вел прямо в подземелье и не был связан с другими этажами. Дрожь охватила ее при мысли о тысячах мертвых тел в истлевших саваннах, что лежали там, внизу. Она вовсе не собиралась спускаться вслепую по каменным ступеням, а Ясала наверняка ориентировалась там свободно.

Она уже собиралась вернуться к себе, сбита с толку и разгневанная, когда из темноты донесся отчаянный крик. Голос был женский.

– О, помогите! На помощь! Во имя Сета! Аххх! – голос затих вдали, и Валерии почудилось, что она слышит смех.

Кровь застыла в жилах Валерии. Что случилось с Ясалой там, в непроглядной тьме? Несомненно, это был ее голос. Что за беда поджидала ее там? Внизу спрятался ксоталанец? Но Ольмек уверял, что катакомбы Текультли отделены от остальных крепкой каменной стеной. Да кроме того и смех не принадлежал человеческому существу.

Валерия так заторопилась назад, что даже не закрыла дверь, ведущую в подземелье. Она добралась до своей комнаты и задвинула засов. Потом обула сапоги, подпоясалась и решила пойти в комнату киммерийца, чтобы уговорить его (если он еще жив) бежать прочь из этого дьявольского города.

Она уже открыла дверь в коридор, когда услышала в зале предсмертные стоны. Потом раздался топот бегущих ног и звон оружия...

5. Двадцать красных гвоздей

В караульной на этаже Орла сидели двое воинов. Их небрежные позы вовсе не свидетельствовали о потере бдительности. Штурм бронзовых ворот мог начаться в любую минуту, но в течение многих лет ни одна из сторон не предприняла такой попытки.

– Чужеземцы – сильные союзники, – сказал один из воинов. – Думаю, что завтра Ольмек выступит на врага.

Он говорил, как солдат на настоящей большой войне. В маленьком мире Ксухотля любая горстка вооруженных людей считалась армией, которую предстояло завоевать.

Другой воин задумался.

– Допустим, с их помощью нам удастся покончить с ксоталанцами, – сказал он наконец. – А что потом, Ксатмек?

– Как это что – удивился Ксатмек. – За каждого из них мы вобьем по гвоздю. Пленников сожжем, обдерем заживо или четвертуем.

– А потом? – настаивал первый. – Потом, когда их не будет? Странно даже как-то – не будет с кем сражаться... Всю свою жизнь я рубился с ксоталанцами и ненавидел их. Чем я буду жить, когда вражда окончится?

Ксатмек пожал плечами. Его собственные мысли никогда не устремлялись так далеко.

Вдруг оба услышали за воротами какой-то шум.

– Ксатмек, к воротам! Я погляжу через Око...

Ксатмек с мечом в руках прильнул к воротам, напрягая слух, а его товарищ глянул в систему зеркал и увидел, что перед воротами полно людей! Мечи они держали в зубах, а уши заткнули пальцами. Один из них, с султаном из перьев, поднес к губам дудочку и, едва стражник закричал тревогу, начал играть.

Голос застыл в горле стражника, когда высокий, необыкновенный писк прошел сквозь металлические двери и коснулся его ушей. Ксатмек упал у ворот, словно парализованный и заслушался. Другой воин, находившийся подальше, почувствовал угрозу в этом дьявольском свисте. Высокие звуки, словно невидимые пальцы, вонзились в его мозг, наполняя его чем-то чужим и безумным. Страшным усилием воли ему удалось сбросить чары и отчаянным голосом прокричать сигнал тревоги.

И тогда музыка изменилась, невыносимый свист стал резать барабанные перепонки. Ксатмек застонал от нестерпимой муки и последние остатки разума покинули его. Не помня себя, он разомкнул цепь, открыл ворота и с мечом в руках бросился в зал прежде, чем товарищ успел его остановить. Тотчас же в него вонзилась дюжина клинков, и по его окровавленному телу с рычанием пронеслась ватага ксоталанцев. Их торжествующий вопль наполнил залы и комнаты Текультли.

Стражник, оставшийся в живых, выставил копье и только тут сообразил, что враг в крепости! Острие его копья вонзилось в чей-то живот, и больше он ничего не видел – удар сабли раскроил ему голову.

Крики и звон оружия разбудили Конан. Он вскочил с постели, схватил меч и, подбежав к двери, распахнул ее настежь. В коридор он вышел как раз в минуту, когда по нему мчался воин Текультли.

– Ксоталанцы! – рычал он. – Они в крепости!

Конан помчался по коридору и наткнулся на Валерию, которая выскочила из своей комнаты.

– Что творится, черт побери? – закричала она.

– Говорят, прорвались ксоталанцы, – сказал он. – И похоже, что это правда.

Втроем они ворвались в тронный зал и зрелище, которое открылось им, было самым кровавым из кошмаров. Около двадцати мужчин и женщин с изображениями белых черепов на груди схватились с людьми Текультли. Женщины обоих кланов бились наравне с мужчинами и пол в зале был усеян мертвыми телами.

Ольмек в одной набедренной повязке бился у подножия своего трона. Таскела прибежала из своих покоев с мечом в руке.

Ксатмек и его напарник были убиты, и поэтому никто не мог объяснить людям Текультли, каким образом враг ворвался в крепость. И тем более никто не мог объяснить причины этой безумной атаки.

Но потери ксоталанцев были большими, а положение более отчаянным, чем полагали их враги. Союзник, покрытый чешуей, был покалечен, Пылающий Череп убит, а один из четырех воинов перед смертью успел сообщить о двух белокожих рубаках, которые укрепили силы неприятеля. Этого было достаточно, чтобы привести их на грань отчаяния и бросить на врагов.

Люди Текультли оправились уже от первого шока, стоившего им нескольких жизней и яростно сражались, а стражники с нижних этажей изо все сил спешили, чтобы вступить в бой.

Это была битва диких собак, слепая, безжалостная, до последнего вздоха. Все больше ярко-красных пятен расцветало на пурпурном полу. Трещали столы и кресла из слоновой кости, падали бархатные шторы и тоже окрашивались красным. Это была кровавая кульминация кровавого полувека и все это понимали.

Но исход битвы был предreshен. Люди Текультли, и так вдвое превышающие противника числом, воспряли духом, когда в бой вступили их светлолицые союзники.

А они ворвались, словно ураган, ломающий молодой лес. Сила Конан превышала силу

троих тлацитланцев и ни один из них не мог сравниться с ним в быстроте. В этой людской гуще он двигался с быстротой молнии и сеял смерть, словно волк в овечьем стаде, оставляя за собой груды искалеченных тел.

Рядом с ним с улыбкой на губах сражалась Валерия. Она превосходила силой обычного мужчину, но была много опасней. Меч в ее руке казался живым. Если Конан повергал своих противников тяжестью и силой удара, разбивая головы и выпуская кишки, то Валерия сначала ошеломяла врага своим несравненным фехтовальным искусством. То один, то другой воин падал с пробитой грудью, не успев даже замахнуться. Конан шел по залу подобно буре, сметающей все на пути, Валерия же казалась призраком. Она постоянно меняла позицию, рубила и колола, а все мечи, направленные в нее, пробивали воздух. Враги умирали, слыша ее издевательский смех.

Ни пол, ни состояние участников не имели значения в этом сумасшедшем бою. Еще до того, как Конан и Валерия ворвались в зал, пятеро ксоталанок уже лежали на полу, с перерезанными глотками. Когда кто-нибудь опускался на пол, всегда наготове был кинжал для незащитной шеи или нога, способная раздробить голову об пол.

От стены к стене, от двери к двери перекатывались волны беспощадного сражения. В конце концов на ногах остались только люди Текультли и двое белых наемников. Тупо и мертво глядели друг на друга оставшиеся в живых – жалкие обломки целого мира.

Они стояли, широко расставив ноги, их клинки были окрашены и выщерблены, кровь текла по их рукам, когда они смотрели друг на друга над телами изрубленных друзей и врагов. Не было ни сил, ни воздуха в груди, чтобы издать победный клич, поэтому из уст их вырвался только безумный звериный вой, подобный волчьему.

Конан схватил Валерию за руку и прижал к себе.

– У тебя рана на ноге, – буркнул он.

Она глянула вниз и только сейчас почувствовала боль. Должно быть, какой-то умирающий воин успел вонзить кинжал.

– Ты сам в крови, как мясник, – засмеялась она.

– Со мной порядок. Ничего серьезного. А вот твою ногу надо перевязать.

Широкая грудь и борода Ольмека тоже были в крови. Глаза его горели, словно отблески пламени на черной воде.

– Мы победили! – самозабвенно кричал он. – Война окончена! Ксоталанские псы мертвы! О боги, хоть бы один выжил, чтобы содрать с него кожу! Но они и так хороши. Двадцать мертвых псов! Двадцать красных гвоздей в черном дереве колонны!

– Лучше займись ранеными, – отвернулся от него Конан. – Эй, девочка, дай-ка я погляжу твою ножку.

– Подожди! – она нетерпеливо оттолкнула его руку. Пламя борьбы все еще пылало в ее душе. – Вы уверены, что все лежат здесь? Что если на нас нападут с другой стороны?

– Они не стали бы разделять клан перед таким походом, – сказал Ольмек. Рассудок помаленьку возвращался к нему. Без своих пурпурных одежд он походил скорее на обезьяну-людоеда, чем на князя. – Клянусь головой, мы положили их всех. Их было меньше, чем я думал, и вело их отчаяние. Но каким образом они проникли в крепость?

К ним подошла Таскела, вытирая меч о бедро. В руке она держала предмет, найденный возле трупа вождя Ксоталанцев – того самого с султаном из перьев.

– Флейта безумия, – сказала она. – Один из воинов сказал мне, что Ксатмек открыл врагам ворота и бросился на них – воин сам это видел и даже слышал последние звуки этой мелодии, которая, как он сказал, Заледенила его душу. Толькомек много рассказывал об этой флейте. Жители Ксухотля поклонялись ей, потом она лежала в гробнице какого-то древнего мага. Каким-то образом эти псы нашли ее и сумели использовать.

– Кому-то нужно пойти в Ксоталанк и убедиться, что никто не остался в живых, – сказал Конан. – Я и сам пойду, если найдется проводник.

Ольмек посмотрел на остатки своего народа. Выжило лишь два десятка, да и большинство из них лежали на полу. Таскела была единственной, кто вышел из боя без

царапины, хотя она сражалась так же яростно, как все.

– Кто пойдет с Конаном в Ксоталанк? – спросил Ольмек.

Приковылял Техотль. Рана на его бедре снова открылась, а на груди зияла свежая.

– Я пойду!

– Ты не пойдешь, – возразил Конан. – И ты не пойдешь, Валерия, а то у тебя нога начнет отниматься.

– Тогда пойду я, – сказал воин, перевязывавший себе руку.

– Хорошо, Янат. Ступай с киммерийцем. И ты тоже, Топал, – Ольмек указал на еще одного воина, который был лишь слегка оглушен. – Но сперва помогите поднять раненых на постели. Там их обиходят.

Все было сделано быстро. Когда склонились над женщиной с разбитой головой, борода Ольмека коснулась уха Топала. Конан заметил это, но виду не подал. Через минуту все трое покинули зал.

Проводники со всеми предосторожностями провели Конан через зал за воротами и через анфиладу комнат, залитых зеленым светом. Никого не встретили они, не услышали ни малейшего шума. Когда они подошли к Большому Залу, что пересекал город с севера на юг, то стали еще более осторожными: ведь они находились на вражеской земле. Но и следующие залы были пусты – до самых бронзовых ворот, похожих на Ворота Орла в Текультли. Ворота отворились неожиданно легко.

Со страхом смотрели воины Текультли на зеленый зал. Вот уже пятьдесят лет никто из их племени не попадал сюда иначе как пленник, обреченный на мучительную смерть. Не было горшей участи для жителя западной крепости, чем попасть в Ксоталанк. Кошмар плена преследовал их с самого детства. Для Яната и Топала эти ворота были Вратами Ада.

Конан оттолкнул спутников и вступил в Ксоталанк.

С опаской они двинулись за ним, поминутно озираясь. Но тишину нарушало лишь их собственное дыхание.

За воротами была такая же караульная, и ход из нее вел в такой же тронный зал, как у Ольмека. Конан вошел туда, глянул на ковры, диваны и шторы и стал внимательно прислушиваться. Ни звука. Комната была пуста. Он уже не верил, что в Ксухотле остался хоть один живой ксоталанец.

– Пошли, – сказал он и вошел в тронный зал.

Но далеко не ушел, потому что понял, что за ним следует один Янат. Конан обернулся и увидел, что Топал застыл в ужасе и вытянул руки, словно защищаясь от неведомой опасности.

– В чем дело?

Тут он и сам увидел, в чем дело, и мурашки пробежали по его могучей спине.

Чудовищная голова поднималась над диваном, змеиная голова, большая, как у крокодила. Над нижней челюстью нависали огромные зубы, но было в этой голове что-то беспомощное. Конан глянул за диван. Там лежала змея – огромное ее он не встречал в своих странствиях... От нее пахло тлением и холодом земных глубин. На горле твари зияла огромная рана.

– Это Ползун! – прошептал Янат.

– Та самая скотина, которую я рубанул на лестнице, – сказал Конан. – Он гнал нас до Ворот Орла и у него еще хватило сил вернуться сюда, чтобы сдохнуть. Как ксоталанцы с ним управлялись?

– Они вызывали его из черных туннелей под катакомбами. Им ведомы были тайны, закрытые для нас.

– Ну, этот сдох, а если бы у них были другие, они непременно приволокли их с собой в Текультли. Вперед!

Они шли за ним по пятам.

– Если никого не найдем на этом этаже, спустимся вниз, – рассуждал Конан. – И перероем Ксоталанк от подвала до чердака. Черт, что это такое?

Они вошли в тронный зал. Там был такой же яшмовый постамент и трон из слоновой кости. Не было только черной колонны... Здесь признавали другой символ вражды.

На стене за постаментом возвышались ряды каменных полок, и с этих полок на пришельцев смотрели остекленевшими глазами сотни прекрасно сохранившихся человеческих голов.

Топал бормотал ругательства, Янат же стоял недвижно и в глазах его снова появилось безумие. Конан поморщился – он знал, что разум людей племени Тлацитлан постоянно висит на волоске.

Вдруг Янат вытянул в сторону страшных трофеев дрожащий палец.

– Это голова моего брата! – зарычал он. – А вот младший брат моего отца! А за ним старший сын моей сестры!

Внезапно он заплакал. Глаза его были сухи, но из груди вырывались хриплые рыдания. Потом плач перешел в тонкий пискливый смех и наконец в невыносимый визг. Янат сошел с ума.

Конан положил руку ему на плечо, и это прикосновение словно бы выпустило безумие на волю. Янат завыл и крутанулся на месте, пытаясь достать Конана мечом. Киммериец парировал удар, а Топал попытался схватить Яната за руку. Безумец выскользнул из его рук и вонзил меч в тело товарища. Топал со стоном опустился на пол. Янат закружился в сумасшедшем танце, потом бросился к полкам и стал рубить их, скрежеща зубами.

Конан подскочил к нему сзади, желая обезоружить, но безумец обернулся и с воем бросился на него. Видя, что с дураком не справиться, Конан уступил ему дорогу и сзади нанес воину удар, перерубивший ключицу и грудь. Несчастный пал мертвым возле своей умирающей жертвы.

Конан склонился над Топалом и увидел, что тот делает последние вздохи. Не стоило и пытаться остановить кровь, хлеставшую из страшной раны.

– Плохи твои дела, Топал, – буркнул Конан. – Не надо ли передать чего-нибудь твоим, а?

– Нагнись пониже, – просипел Топал, и Конан подчинился, но... секундой позже схватил его за руку: кинжал был направлен ему прямо в грудь.

– Клянусь Кромом! – сказал Конан. – И ты спятил?

– Так приказал Ольмек, – прошептал раненый. – Почему – не знаю. Когда мы укладывали раненых в постели, он шепнул мне, чтобы я убил тебя во время возвращения в Текультли...

И умер с именем своего клана на устах.

Конан глядел на него озадаченно. Или они все тут с ума посходили? Он пожал плечами и вышел за бронзовые ворота, оставив воинов Текультли под охраной сотен голов их сородичей.

На обратном пути ему не требовался проводник. Инстинкт вел его безошибочно. Но двигался он осторожно, внимательно осматривая любой темный угол. Не духов убитых ксоталанцев опасался варвар, а своих недавних союзников.

Он миновал Большой зал и перешел в комнаты на другой стороне, когда услышал что впереди кто-то ползет, тяжело дыша и постанывая. Потом он увидел человека – тот действительно полз по пурпурным плитам, оставляя за собой кровавый след. Это был Техотль, и глаза его уже застилала мгла.

– Конан! – окликнул раненый. – Конан! Ольмек похитил девушку с золотыми волосами!

– Вот почему он приказал Топалу заколоть меня, – сообразил Конан, становясь на колени возле умирающего. – Этот Ольмек не такой уж сумасшедший, как кажется с первого взгляда!

Блуждающие пальцы Техотля впились в руку Конан. Он прожил жизнь в холодном, неприветливом, страшном мире, и благодарное чувство к пришельцам разбудило в нем искру настоящей человечности, которой так не хватало его сородичам, жившим лишь ненавистью и

жестокостью.

– Я хотел воспрепятствовать этому... – пузырьки красной пены лопались на губах Техотля. – Но он ударил меня... Думал, что убил... Но я уполз... О Сет, я долго полз в собственной крови! Берегись, Конан! Ольмек может заманить тебя в ловушку! Убей его! Это зверь! Бери Валерию и беги! Леса не бойся. Ольмек и Таскела лгали, пугая драконами. Они давно истребили друг друга, остался только самый сильный. А если ты его убил, то больше бояться нечего. Ольмек почитал его за бога, приносил ему человеческие жертвы. Стариков и детей связывал и сбрасывал со стен. Торопись! Ольмек потащил Валерию...

Техотль умер прежде, чем голова его коснулась пола.

Забыв об осторожности, Конан быстро направился в Текультли. На ходу он пересчитывал бывших союзников. Двадцать один, считая Ольмека остался после боя в тронном зале. С тех пор умерли трое... Что ж, Конан был наготове сейчас в одиночку перебить весь клан.

Но инстинкт был сильнее и велел взять себя в руки. Он вспомнил предостережение Техотля насчет ловушки. Очень возможно, что князь позаботился об этом на случай, если Топал не выполнит приказа. А коль скоро так, то киммериец наверняка будет возвращаться той же дорогой...

Конан поглядел в окно, за которым мерцали звезды. Они еще не начали бледнеть. Сколько событий за одну ночь!

Он свернул с дороги и по винтовой лестнице спустился этажом ниже. Он не знал, где находятся нужные ему двери, но был уверен, что найдет. Зато он понятия не имел, как правится с засовами – наверняка ворота будут закрыты хотя бы в силу полувековой привычки.

Сжимая меч, он бесшумно двигался по темным и освещенным залам. Текультли был уже близко, когда варвара встревожил некий звук. Он без труда узнал его – так пробует кричать человек, у которого заткнут рот. Источник звука был где-то слева. В этой мертвой тишине любой писк разносился далеко.

Он пошел на повторяющиеся крики и увидел сквозь приоткрытую дверь поразительное зрелище. На полу комнаты была установлена железная конструкция, напоминающая пыточное колесо. На колесе был распят человек великанского сложения, голова его лежала на подставке, утыканной стальными шипами. Их острия были окрашены кровью из проколотой кожи. На голове было что-то вроде уздечки – впрочем, ее кожаные ремни не защищали от шипов. Эта уздечка была тонкой цепью соединена с устройством, поддерживающим огромный железный шар, висящий над волосатой грудью пленника. Пока несчастный лежал недвижно, шар висел на месте. Но стоило ему от нестерпимой боли приподнять голову, шар падал на несколько дюймов. В конце концов мышцы шеи откажутся поддерживать голову в таком неестественном положении, а боль от шипов станет окончательно невыносимой... Тогда шар раздавит его медленно и неотвратимо. Рот жертвы быт заткнут кляпом и большие черные глаза дико уставились на человека, стоящего в дверях в полном недоумении. Потому что на колесе был распят Ольмек, князь Текультли.

6. Глаза Таскелы

– Значит, для того, чтобы перевязать ногу, ты тащила меня в эту дальнюю комнату? – спросила Валерия. – Что, нельзя было это сделать в тронном зале?

Она сидела на ложе, вытянув перед собой раненую ногу, которую служанка только что перевязала полоской шелка. Возле Валерии лежал ее окровавленный меч.

Служанка выполняла свою работу чисто и тщательно, но аквилонке не нравились ни липкое прикосновение ее пальцев, ни выражение глаз.

– Других раненых также перенесли в другие комнаты, – выговор был мягкий, как у всех женщин Текультли. Но два часа назад Валерия видела, как эта же самая женщина пробила кинжалом сердце своей противницы и выцарапала глаза раненому ксоталанцу.

– Тела убитых будут снесены в катакомбы, – добавила она. – Иначе души умерших могут поселиться в комнатах.

– Ты веришь в это? – спросила Валерия.

– Я знаю, что дух Толькемека скитается по подземельям. Я сама видела его, когда молилась возле гробницы древней королевы. Это был старец с развевающейся белой бородой и глаза его светились в темноте. Я узнала его, это был Толькемек...

Голос ее снизился до шепота:

– Ольмек смеется над этим, но я-то знаю точно! Говорят, что кости покойников обглаживают крысы. Нет, не крысы – это делают духи...

Тень упала на ложе, и женщина замолчала. Валерия проследила за ее взглядом и увидела Ольмека, который глядел на нее. Он уже смыл кровь с рук, лица и бороды, но одежды не сменил. От всей его фигуры веяло звериной силой.

Князь выразительно глянул на служанку, и она тотчас бесшумно выскользнула из комнаты. На прощание она одарила Валерию циничной понимающей улыбкой.

– Девочка свое дело знает, – сказал князь, подходя к ложу и склоняясь над раненой ногой. – Дай-ка я посмотрю...

С необычайной для своей комплекции проворностью он схватил меч и забросил его на середину комнаты. Потом обхватил Валерию своими могучими руками.

Но, как ни быстр он был, Валерия успела вынуть кинжал и направить его в горло Ольмека. На свое счастье он сумел перехватить ее руку. Она отбивалась кулаками, коленями, зубами и ногтями, изо всех сил своего крепкого тела, со всем своим боевым искусством, постигнутым за годы войн и странствий на суше и на море. Но все это было бессильно против его грубой мощи. Кинжал она сразу же выронила и внезапно поняла, что совершенно беспомощна. В первый раз в жизни она испугалась мужчины. На боль он, казалось, не реагировал; лишь однажды, когда ее зубы вонзились ему в кисть, князь ударил Валерию по лицу открытой ладонью.

Минуту спустя он покинул комнату, неся девушку на руках. Она уже не сопротивлялась, но глаза ее горели жадной мести за оскорбление. Она и не кричала, потому что знала, что Конана поблизости нет и никто из Текультли не пойдет против своего владыки. Но и сам Ольмек, заметила она, постоянно озирался и прислушивался, словно бы опасаясь погони. И направлялся он не в тронный зал, а куда-то вдоль по коридору. Она поняла, что князь чего-то боится, и закричала во все горло.

Ольмек наградил ее пощечиной и ускорил шаг.

Но эхо далеко разнесло ее крик и Валерия сквозь слезы увидела, что вслед за ними ковыляет Техотль.

Ольмек с рычанием обернулся и обхватил девушку одной рукой, как ребенка.

– Ольмек! – закричал Техотль. – Неужели ты неблагодарный пес, коли решился на такое? Это женщина Конан! Она помогла нам победить ксоталанцев и...

Не говоря ни слова, Ольмек размахнулся свободной рукой и воин без памяти упал к его ногам. Князь нагнулся, поднял меч Техотля и вонзил бедняге в грудь, после чего продолжил свой путь. Он не видел, что из-за шторы за ним следят женские глаза, что Техотль поднялся на ноги, шепча имя Конана.

Зайдя за поворот коридора, Ольмек побежал по винтовой лестнице из слоновой кос и. Они миновали несколько комнат и очутились в конце концов возле бронзовых ворот, очень похожих на Ворота Орла на верхнем этаже.

– Это один из ворот, ведущих в Текультли. Впервые за пятьдесят лет их никто не охраняет, ибо Ксоталанк перестал существовать!

– Благодаря Конану и мне, скотина! – крикнула Валерия, содрогаясь от гнева и стыда. – Лживый пес! Конан оторвет тебе голову!

Ольмек даже не снизошел до того, чтобы сказать, что Конан зарезан по его приказу – настолько он был уверен в себе.

– Забудь о Конане, – грубо сказал он. – Ольмек – господин Ксухотля. Ксоталанка

больше нет. Война окончена. Теперь до конца жизни можно пить вино и наслаждаться любовью. Сначала выпьем!

Он опустился на сиденье из слоновой кости и силой усадил ее себе на колени. Не обращая внимания на ее проклятия, свободной рукой он потянулся к столу.

– Пей! – приказал он, поднося кубок к ее губам. Валерия мотала головой. Вино плескалось во все стороны, текло по ее обнаженной груди.

– Гостье не по вкусу твое вино, Ольмек, – раздался холодный саркастический голос.

Князь замер и в его глазах появился испуг. Он медленно обернулся и увидел Таскелу.

Гордая душа Валерии подверглась в эту ночь тяжкому испытанию. Совсем недавно она узнала страх перед мужчиной. Сейчас она поняла, что боится этой женщины еще сильнее.

Ольмек был неподвижен, только лицо его стало серым. Таскела вынула из-за спины руку – в ней был золотой флакон.

– Боюсь, что Валерии не понравится твое вино, Ольмек, – сказала княгиня. – Поэтому я принесла свое. То самое, что было со мной на озере Зуад – ты понял, Ольмек?

Лоб гиганта мгновенно вспотел. Мышцы его ослабли, и Валерия без труда освободилась. Разум приказывал ей бежать из комнаты, но некая сила заставила остаться и наблюдать за всем, что будет происходить.

Таскела подошла к князю, соблазнительно качая бедрами. Голос ее был певуч и нежен, но глаза горели прежним огнем. Тонкие пальцы гладили бороду мужчины.

– Ты любишь только себя, Ольмек, – нараспев сказала она. – Ты хотел оставить нашу прекрасную гостью только для себя, хотя знал, что она моя. И это еще не главная твоя вина, Ольмек.

Казалось, прекрасная маска спала с ее лица: глаза дико блеснули, лицо исказилось гримасой, пальцы, впившись в бороду, с силой вырвали добрую пригоршню волос. Но эта демонстрация нечеловеческой силы была еще не самым страшным.

Ольмек вскочил и зарычал как медведь, колотя кулаками по столу:

– Шлюха! Ведьма! Дьяволица! Текультли следовало убить тебя еще пятьдесят лет назад! Сгинь! Слишком долго я тебя терпел. Белая девушка моя! Убирайся отсюда, не то зарежу!

Княгиня расхохоталась и швырнула ему в лицо окровавленный клочок бороды. Смех ее был безжалостен, словно звон стали.

– Когда-то ты говорил по-другому, Ольмек. Когда ты был молод, я слышала от тебя признания в любви. Да, много лет назад ты был моим возлюбленным и спал в моих объятиях под цветком черного лотоса. И с тех пор в моих руках цепь, и на этой цепи – ты, раб! Ты знаешь, что не в состоянии противиться мне. Ты знаешь, что мне достаточно поглядеть тебе в глаза тем взглядом, которому меня обучил стигийский жрец, и вся твоя воля улетучится. Помнишь ту ночь под черным лотосом? Цветок раскачивался, хотя колыхал его не земной ветер. Чувствуешь снова тот аромат, что окутал тебя и сделал моим рабом? Бороться со мной бесполезно. Ты до сих пор в моей власти, как в ту ночь, Ольмек, князь Ксухотля, и пребудешь в моей власти до конца жизни!

Голос ее снизился до шепота и походил сейчас на журчание родника во мраке. Она склонилась над князем, развела пальцы и коснулась его могучей груди. Глаза Ольмека затуманились, руки бессильно обвисли.

С безжалостной улыбкой Таскела поднесла золотой флакон к губам князя.

– Пей!

Он, не раздумывая, подчинился. И сейчас же туман в его глазах сменился пониманием и ужасом. Он открыл рот, но не издал ни звука. Спустя минуту он упал.

Это вывело Валерию из оцепенения. Она бросилась к двери, но Таскела опередила ее воистину тигриным прыжком. Валерия ударила ее кулаком – такой удар свалил бы с ног любого мужчину. Но Таскела сумела плавно уклониться и схватила ее за руку. Потом она перехватила и левую руку аквилонки и легко связала ее запястья шелковым шнурком.

И тогда Валерия поняла, что ее стыд из-за поражения в схватке с Ольмеком ничто в

сравнении с теперешним. Женщин она презирала – и вот нашлась же такая, которая делает с ней, что хочет! Она не сопротивлялась, когда Таскела усадила ее на кресло и привязала к нему, протянув шнур между колен.

Равнодушно переступив через тело князя, Таскела подошла к бронзовым воротам и открыла их. За створками был коридор.

– Дорога эта, – в первый раз обратилась она к Валерии, – ведет в комнату, которая служила когда-то камерой пыток. Когда мы отступали в западную часть города, то большинство инструментов забрали с собой, но одно устройство пришлось оставить – оно было слишком тяжелым и громоздким. А сейчас, думаю, оно пригодится как нельзя лучше.

Ольмек все понял и в глазах его блеснул ужас. Таскела приблизилась и схватила его за волосы:

– Ты какое-то время будешь неподвижен. Но ты будешь слышать, думать и чувствовать – о да, ты все будешь чувствовать.

И пошла к дверям, легко увлекая за собой могучее тяжелое тело – у Валерии чуть глаза на лоб не вылезли. Княгиня скрылась в коридоре и через некоторое время послышался лязг железа.

Валерия пробормотала проклятье и попыталась освободиться. Тщетно – шнур был слишком прочным.

Таскела вернулась одна, а из камеры пыток донесся придушенный стон. Двери она притворила, а засов не задвинула – привычки были не свойственны ей, как и другие человеческие черты.

Валерия в оцепенении глядела на женщину, в чьих руках – она прекрасно это понимала – была ее судьба.

Таскела поглядела ей в глаза.

– Великая честь ожидает тебя, – сказала она. – Ты избрана, чтобы вернуть Таскеле юность. Ты удивлена? Да, я знаю, что выгляжу молодо, но по жилам моим распространяется леденящий холод старости – я пережила это уже тысячу раз. Я стара, я так стара, что не помню своего детства. Но некогда я была юной девушкой и меня любил жрец из Стигии. Он подарил мне секрет вечной молодости и бессмертия. Потом он умер – должно быть, от яда. Я жила в своем дворце над озером Зуад, и годы пролетали мимо меня. Потом меня возжелал король Стигии и народ поднял бунт – вот мы и попали в эти края. Ольмек называет меня княгиней, но во мне нет царственной крови. Я выше, чем королева – я Таскела, и твоя цветущая молодость вернет мне мою!

У Валерии язык отнялся. За всем этим таилась какая-то жуткая загадка – самая страшная из всех, с которыми она сталкивалась до сих пор.

Колдунья развязала аквилонку и подняла ее на ноги. Но не страх перед силой, заключенной в руках княгини, превратил Валерию в безвольную куклу.

Это сделали горящие, колдовские, зловещие глаза Таскелы.

7. Тот, кто приходит из тьмы

– Чтоб я кушита вот так увидел!

Конан с любопытством глядел на человека, привязанного к железному колесу.

– Какого черта ты делаешь на этой штуке?

Мычание было ему ответом. Тогда Конан вырвал кляп изо рта узника и тот закричал от страха, потому что железный шар упал вниз и почти коснулся его широкой груди.

– Осторожней, во имя Сета! – простонал Ольмек.

– С чего бы это? – спросил Конан. – Или ты думаешь, что твоя судьба меня интересует? Было бы у меня время, я бы посидел и посмотрел, как этот кусок железа выдавит из тебя кишки. Но я тороплюсь. Где Валерия?

– Освободи меня! – просил Ольмек. – Я все скажу!

– Сперва скажи.

– Ни за что! – князь стиснул массивные челюсти.

– Хорошо, – сказал Конан и уселся на ближайшую скамью. – Я сам ее найду после того, как тебя придавит. Думаю, что дело пойдет быстрее, если я мечом прочищу тебе ухо, – добавил он и протянул оружие к голове Ольмека.

– Подожди! – слова посыпались из князя как зерно из мешка. – Таскела похитила ее у меня. Я всегда был только игрушкой в ее руках...

– Таскела? – Конан сплюнул. – Эта жалкая...

– Нет-нет! – прохрипел Ольмек. – Дело хуже, чем ты думаешь. Таскела очень старая – ей много сотен лет. Она продлевает свою жизнь и возвращает молодость, принося в жертву красивых молодых женщин. Вот почему их так мало в нашем роду. Она вытянет из Валерии жизненную силу и вновь расцветает...

– Ворота заперты? – спросил Конан, пробуя большим пальцем остроту меча.

– Да! Но я знаю, как пройти в Текультли. Эта дорога известна лишь мне и Таскеле, но она думает, что я беспомощен, а тебя нет в живых. Освободи меня, и, клянусь, я помогу тебе освободить Валерию. Без моей помощи тебе не справиться, даже если бы ты пыткой вырвал у меня все секреты, то не сумел бы ими воспользоваться. Освободи меня! Мы подберемся к Таскеле и убьем ее раньше, чем она успеет напустить свои чары. Довольно будет и ножа в спину. Я бы сам давно это сделал, но боялся, что без ее помощи ксоталанцы нас одолеют. И ей нужна была моя помощь, потому что она и позволила мне жить. Теперь один из нас должен умереть. Клянусь, расправимся с ведьмой, и вы с Валерией уйдете от нас с миром. Народ подчинится мне, когда не станет Таскелы.

Конан нагнулся и перерезал путы, удерживающие князя. Тот осторожно выскользнул из-под огромного шара и встал на ноги, мотая головой, словно бык и осыпая всех проклятиями. Оба они, встав плечом к плечу, были олицетворенной мужественностью. Ольмек был так же высок, как Конан, и даже более массивен, но было в нем все же что-то звериное, отталкивающее и киммериец рядом с ним выглядел куда как благородно.

Конана можно было причислить к цвету человечества, Ольмека – к цвету его первобытной побочной ветви.

– Веди! – приказал Конан. – И все время держись впереди меня: веры тебе не больше чем быку, которого тянут за хвост.

И Ольмек пошел, расчесывая пятерней свою спутанную бороду. Он был уверен, что Таскела закрыла ворота, поэтому и направился в одну из комнат на границе Текультли.

– Тайне этой полвека, – говорил он на ходу. – Наш клан не знал ее, а ксоталанцы тем более. Этот тайный ход сделал сам Текультли, а рабов, помогавших ему, убил. Он опасался, что любовь Таскелы легко может перейти в ненависть и она однажды закроет перед ним ворота. Но Таскела открыла тайный ход и заперла его, когда вождь бежал после неудачной вылазки. Ксоталанцы схватили его и казнили. А я узнал об этом, потому что следил за ней.

Он надавил золотое украшение на стене и одна из плит упала, открыв идущие вверх ступени.

– Лестница эта устроена прямо в стене, – говорил Ольмек. – Она ведет в башню на крыше, а оттуда винтовые лестницы спускаются в разные залы. Поспешим!

– Только после тебя, дружище! – ответил Конан весело и взмахнул мечом. Ольмек пожал плечами и стал подниматься, Конан отстал на полшага.

Они все поднимались, и киммериец понял – уровень верхнего этажа пройден. Оба оказались в цилиндрической башне. Через большие окна были видны другие купола и башенки Ксухотля.

Ольмек не тратил время на пейзаж за окнами, начал спускаться по одной из лестниц, которая через несколько шагов пересекалась узким длинным коридором. Коридор тоже кончался идущими вниз ступенями. Князь остановился.

Откуда-то слышался приглушенный женский стон, полный страха, гнева и стыда. Конан узнал голос Валерии.

Как же велика должна была быть опасность, если даже отважная Валерия заголосила?

Конан позабыл про Ольмека, обогнал его и помчался вниз. Но инстинкт приказал ему обернуться как раз в тот момент, когда Ольмек поднял свой громадный кулак. Удар должен был прийти в основание черепа, но задел только шею. У обычного человека наверняка переломился бы позвоночник, но Конан только крикнул. Он уронил меч, бесполезный на таком расстоянии, схватил Ольмека за руку и дернул на себя. Они покатались по лестнице и еще не остановились, когда железные пальцы киммерийца нашли бычью шею врага и сомкнулись на ней.

Шея и плечо варвара онемели от удара, но это не сказалось на его боевых качествах. Он вцепился в шею Ольмека, как лев в загривок носорога и не обращал внимания на удары о ступеньки. Они с маху врезались в дверь из слоновой кости и разнесли ее на кусочки. Ольмек уже был к этому времени мертв – Конан свернул ему шею.

Киммериец поднялся, стряхнул с себя обломки двери и протер глаза.

Он находился в тронном зале. Кроме него, там было десятка полтора людей, но первой он увидел Валерию. Причудливый черный жертвенник стоял перед яшмовым постаментом, вокруг него были расставлены семь свечей черного воска в золотых подсвечниках. Кольца густого зеленого дыма поднимались к потолку.

На черном камне жертвенника белело обнаженное тело Валерии. Она не была связана и лежала, запрокинув руки за голову. Сильный молодой воин держал ее руки в изголовье жертвенника. С противоположной стороны за ноги жертвы ухватила женщина. Валерия не могла даже пошевелиться.

Одиннадцать остальных из клана Текультли стояли на коленях, образовав полукруг и жадными глазами глядели на происходящее. На троне из слоновой кости развалилась Таскела. Из ваз, наполненных курящимися благовониями, струился дым.

На грохот развалившейся двери никто не обратил внимания. Коленопреклоненные мужчины и женщины посмотрели без всякого выражения на останки своего князя и на его убийцу, и снова уставились на жертвенник.

Таскела испытующе глянула на киммерийца и снова раскинулась на троне, издевательски хохоча.

– Ведунья! – в глазах Конана появилась жажда убийства. Он двинулся к ней и кулаки его превратились в кувалды. При первом же шаге в его ногу вонзились стальные зубья. Только крепкие мышцы икр спасли кость. И он увидел углубления в полу где поджидали его другие капканы.

– Глупец! – фыркнула Таскела. – Неужели же я не предусмотрела бы твоего возвращения? Возле всякой двери тебя ждала такая же ловушка. Стой и смотри, какая судьба предназначена твоей прекрасной подруге. Потом займемся тобой.

Конан машинально потянулся к мечу, но нашел лишь пустые ножны. Меч он обронил там, на лестнице, тесак еще раньше, в пасти дракона. Боль от стальных зубьев была и вполнину не так сильна, как сознание беспомощности. Мечом он бы отрубил себе ногу и дополз до Таскелы. Валерия глядела на него с безмолвной мольбой, и гнев заполнил душу варвара.

Он опустился на колено и попытался разжать страшные челюсти. Кровь брызнула из-под ногтей, но пружина не уступала ни на йоту.

Таскела не обращала внимания на старания киммерийца. Обведя взглядом своих подданных, она спросила:

– Где Ксатмек, Цланат и Тахик?

– Они не вернулись из катакомб, княгиня, – ответил один из воинов. – Они вместе со всеми переносили тела и не вернулись. Наверное, их похитил дух Толькемека.

– Замолчи, болван! Это всего лишь легенды!

Она сошла с возвышения, поигрывая узким стилетом с золотой рукоятью. Глаза ее горели пламенем, неведомым и преисподней.

– Твоя жизнь вернет мне молодость, о дева с белой кожей. Я коснусь своими губами твоих и медленно – о, как медленно! – буду вонзать острое в твое сердце. И жизнь твоя,

покидая холодеющее тело, перейдет в меня и сделает меня юной и бессмертной!

Не торопясь, как удав перед кроликом, она стала склоняться над жертвой. Недвижная девушка с ужасом смотрела, как приближаются к ней окутанные клубами дыма глаза, подобные двум черным лунам.

Коленопреклоненные люди взяли за руки и затаили дыхание, ожидая кровавой развязки. Единственным звуком был хрип Конана, все еще боровшегося с капканом.

Все глаза были устремлены на жертвенник и тело, распростертое на нем. Казалось, даже гром не властен был нарушить этот обряд. А нарушил его негромкий голос – негромкий, но такой, от которого волосы встают дыбом.

Все обернулись... Обернулись и увидели.

Кошмарная фигура стояла в двери слева от постамента. Это был старик со спутанными белыми волосами и косматой седой бородой. Лохмотья едва прикрывали его тощее тело, оставляя открытыми руки иного неестественной формы. Да и кожа его не походила на человеческую – она была чешуйчатой, словно ее обладатель долгое время жил в условиях, противоположных тем, в которых существуют люди. И совсем уже не было ничего человеческого в глазах – то были большие фосфоресцирующие круги, не выражавшие никаких чувств.

Вместо членораздельных слов из высохшего рта раздавался только пронзительный писк.

– Толькемек! – прошептала Таскела, а остальные замерли в суеверном страхе. – Значит, это не сказка! Клянусь Сетом, он двенадцать лет прожил во мраке! Двенадцать лет среди скелетов! Представляю, чем он питался, сумасшедший калека, погруженный в вечную ночь! Теперь понятно, почему трое наших не вернулись из катакомб и не вернутся никогда. Но почему он так долго выжидал? Что он искал в подземельях? Какое-нибудь таинственное оружие? Нашел ли он его?

Единственным ответом Толькемека был все тот же отвратительный писк. Одним длинным прыжком он миновал все капканы и очутился в зале. Было ли это случайностью или он помнил обо всех ловушках Ксухотля? Он не был безумным в обычном человеческом смысле. Он слишком долго жил один, чтобы остаться человеком. И только одно соединяло его с людьми – ненависть. Она помогла ему выжить в черных коридорах.

– Да, он искал и нашел! – Таскела отступила на шаг. – А, ты все помнишь? После стольких лет во тьме?

В тощей руке Толькемека дрожала причудливая палка яшмового оттенка, заканчивающаяся светящейся шишкой вроде плода граната. Он вытянул палку перед собой, словно копье, и княгиня отскочила в сторону, а из шишки вырвался алый луч. Он не коснулся Таскелы, зато угодил между лопаток той, что держала за ноги Валерию.

Раздался громкий щелчок, огненный луч вышел из груди несчастной и рассыпался голубыми искрами на камне жертвенника. Женщина упала в бок и стала корчиться и усыхать, как мумия.

Воин, удерживающий руки Валерии, погиб вторым. Она сползла с жертвенника и на четвереньках побежала к стене. Воин тоже пытался убежать, но Толькемек с необыкновенным для его возраста проворством переменил позицию и бедняга оказался между ним и жертвенником. Снова брызнул огненный луч, и человек рухнул на пол, и голубые искры посыпались из камня.

Потом началась бойня. Крича от ужаса, люди метались по залу, натыкались друг на друга, спотыкались и падали. А посреди этого хаоса плясал и кружился Толькемек, сеющий смерть. Никому не удалось бежать через двери, потому что они были окованы металлом и это, видимо, было необходимым условием действия дьявольской силы, вылетающей из «волшебной палочки», которой размахивал старик.

Те, кто оказывался между ним, дверями или жертвенником, гибли тотчас же. Толькемек не выбирал себе жертв, махал своей палкой туда и сюда и его писк был громче всех воплей. Один из воинов в отчаянии замахнулся на старика кинжалом, но так и не успел

нанести удар. Остальные даже не помышляли о бегстве или обороне.

И вот пали все люди Текультли, кроме Таскелы. Княгиня подбежала к Конану и Валерии, которая спряталась за его широкую спину, и, наклонившись, коснулась пола в известной ей точке. Стальные челюсти тотчас же разжались, освободив окровавленную ногу, и скрылись в углублении.

– Убей его, если сможешь! – она вложила в руку варвара тяжелый кинжал. – Моя магия здесь бессильна!

Конан не чувствовал боли. Толькемек старался подгадать, чтобы киммериец оказался между ним и дверью или жертвенником, но варвар всякий раз ускользал, выбирая время для удара. Женщины смотрели, затаив дыхание.

Толькемек уже не прыгал, понимая, что перед ним противник более грозный, чем те, что умирали с воплями. Первобытный блеск варварских глаз был не менее страшен, чем фосфорическое свечение старца. Они кружили и кружили; один менял позицию, и другой немедленно делал то же самое, словно их соединяла невидимая нить. Но с каждым разом Конан подходил все ближе к противнику. Он уже приготовился к прыжку, но тут раздался предостерегающий крик Валерии. На какое-то мгновение киммериец оказался между старцем и дверью. Огненный луч обжег бок Конана, который успел отскочить в сторону и метнуть нож. Старый Толькемек упал на плиты, рукоятка ножа дрожала в его груди.

Таскела прыгнула – но не к варвару, а к Палке, что валялась на полу и пульсировала, как живое сердце. И Валерия прыгнула, вооруженная отнятым у мертвеца кинжалом. Лезвие, направленное крепкой рукой аквилонки, вонзилось в спину княгини Текультли и вышло из груди. Таскела вскрикнула и умерла.

Конан и Валерия стояли над безжизненным телом и смотрели друг на друга.

– Вот теперь война действительно кончилась! – заметил Конан. – Ну и ночь выдалась. Где эти ребята хранят жратву? Я голоден, как волк.

– Нужно тебе ногу перевязать, – Валерия оторвала кусок шелковой шторы, обернула его вокруг пояса и нащипала корпии; потом тщательно обработала рану Конана и крепко забинтовала.

– Ладно, поголодаем, – сказал он. – Идем отсюда. За стенами этого дьявольского города начинается настоящий мир. Хватит с нас Ксухотля. Эти выродки перебили друг друга – ну и прекрасно. Не нужны мне их проклятые сокровища. Они еще, чего доброго, заколдованные.

– Да, в мире еще много честной добычи для тебя и для меня, – сказала Валерия и потянулась всем своим прекрасным телом.

Давешний блеск снова появился в глазах Конана, и на этот раз аквилонка уже не хваталась за меч.

– Далека дорога до побережья, – ласково сказала она, прервав поцелуй.

– Неужели? – рассмеялся он. – Разве есть для нас с тобой преграды? Да в стигийских портах еще не откроется торговый сезон, как мы уже будем стоять на палубе. И тогда мы покажем всему миру, что такое настоящий грабеж!

По ту сторону черной реки

Валерия осталась лишь эпизодом в жизни Конана, как и все остальные женщины, кроме той, которой он сделал королевой Аквилонии. Одиноким варвар странствовал по свету и вернулся, наконец, в родную Киммерию. Там дошла до него весть, что аквилонцы, которых горький урок крепости Венариум ничему не научил, опять расширяет свои владения к западу, вторгаясь в леса, населенные племенами пиктов, или, как их называли, Пиктийские Дебри. Значит, впереди снова было кровопролитие и много работы для таких искусных воинов, как Конан.

1. Конан теряет топор

На лесной тропе стояла такая тишина, что даже мягкие сапоги, казалось, поднимают немислимый шум. Именно так думал одинокий странник и двигался с осторожностью, которая необходима всякому, кто переправился через Громову Реку.

Был этот юноша среднего роста с открытым лицом и коротко остриженными каштановыми волосами – на голове не было ни шляпы, ни, тем более, шлема. Одет он был по обычаю здешних мест в шерстяную тунику, перетянутую поясом, короткие кожаные штаны и сапоги до колен. Из правого голенища торчала рукоять ножа, на широком поясе висели короткий тяжелый меч и кожаная сумка. Без всякого страха углублялся он в зеленую чащу. Сложен он был, несмотря на высокий рост, крепко.

Он шагал беззаботно, хотя последние хижины поселенцев остались далеко позади и каждый шаг приближал его к той чудовищной опасности, которая тенью нависла над древними дебрями. Шума он поднимал немного, но был уверен, что наверняка засекут любой треск чуткие уши в предательской зелени. Так что беззаботность его была показной, он внимательно приглядывался и прислушивался ко всему, особенно прислушивался, так как видимость вокруг была не более чем на два шага.

Какое-то чутье приказало ему остановиться и положить руку на рукоятку меча. Он встал как вкопанный посреди тропы и стал соображать, что за звук он уловил да и был ли этот звук. Тишина была полной – не верещали белки, не пели птицы. Потом взгляд его упал на густые заросли в нескольких шагах перед ним. Никакого ветра не было в помине, а одна из веток явственно колыхалась. Волосы поднялись на голове путника и он не мог ни на что решиться – ведь любое движение притянет к нему летящую из зелени смерть.

В чаще послышался звук тяжелого удара, заросли закачались и оттуда вертикально вверх взлетела стрела. Прыгая в укрытие, путник видел ее полет.

Притаившись за толстым стволом дерева с мечом в дрожащей руке, он увидел, что на дорожку, раздвигая кусты, выходит высокий человек.

На чужаке были такие же высокие сапоги и короткие штаны, только не кожаные, а шелковые. Вместо туники на нем была кольчуга из вороненой стали, голову защищал шлем. Не рыцарский шлем с султаном – его украшали бычьи рога. Таких вещей не куют кузнецы в цивилизованных странах.

Да хозяин шлема и не походил на цивилизованного человека. Его темное, иссеченное шрамами лицо с горящими голубыми глазами вполне соответствовало этим первобытным лесам.

Огромный меч в руке человека был в крови.

– Вылезай! – крикнул он, и выговор показался путнику незнакомым. – Опасность миновала. Этот лес был один. Вылезай!

Опасливо покинул путник укрытие и поглядел на незнакомца. По сравнению с ним он чувствовал себя слабым и ничтожным.

Двигался незнакомец скользящей походкой пантеры – да, не к миру горожан или поселенцев принадлежал он, и даже в этих диких краях казался чужим.

Великан пошел назад и снова раздвинул кусты. Путник сделал несколько шагов за ним и заглянул в заросли. Там лежал человек – коренастый, смуглый, сильный. Всю одежду его составляли набедренная повязка, ожерелье из человеческих зубов и массивный наплечник. За поясом убитого был короткий меч, а правая рука все еще сжимала тяжелый черный лук. Волосы у него были длинные и кучерявые, о лице же нельзя было судить – это было сплошное месиво из крови и мозга. Голова была прорублена до зубов.

– Клянусь богами, это пикт! – воскликнул юноша.

– Тебя это удивляет?

– Ну, в Велитриуме и у поселенцев мне говорил, что эти дьяволы время от времени пробираются через границу, но никак я не ожидал его увидеть в этих местах.

– Черная река всего в четырех милях к востоку, – наставительно сказал незнакомец. – А мне случалось убивать их и всего в миле от Велитриума. Ни один поселенец между

Громовой Рекой и фортом Тускелан не может чувствовать себя в безопасности. На след этого пса я напал поутру в трех милях от форта и с тех пор шел за ним. А догнал уже тогда, когда он целился в тебя. Еще немного, и в преисподней появился бы новый посетитель. Но я испортил ему выстрел.

Путник глядел на него широко открытыми глазами: этот человек выследил лесного дьявола, незаметно подкрался к нему и убил! Такое искусство было невероятным даже для Конайохары, славной своими следопытами.

– Ты из гарнизона форта? – спросил он.

– Я не служу в солдатах. Жалованье и права у меня как у пограничного офицера, но я занимаюсь в дебрях своим делом. Валанн знает, что здесь от меня больше толку.

Ногой он затолкал тело поглубже в кусты и пошел по тропинке. Путник поспешил за ним.

– Зовут меня Бальт, – представился он. – Ночь я ночевал в Велитриуме. Я еще не решил – то ли взять земельный надел, то ли пойти в солдаты.

– Лучшие земли у Громовой Реки уже разобрали, – сказал огромный воин. – Много хорошей земли между ручьем Скальпов, который ты уже прошел, и фортом, но чертовски близко к реке. Пикты переплывают через нее, чтобы поджигать и убивать – вот как наш. И всегда ходят поодиночке. Но в один прекрасный день они попытаются изгнать из Конайохары всех поселенцев. И, боюсь, это им удастся. Даже наверняка. Потому что все эти поселения – безумная затея. К востоку от Боссонского пограничья тоже полно доброй земли. Если бы аквилонцы урезали владения тамошних баронов да засеяли их охотничьи угодья пшеницей, то не надо было бы ни границу переходить, ни с пиктами связываться.

– Странные речи для человека на службе губернатора Конайохары, – заметил Бальт.

– Это для меня звук пустой. Я наемник и продаю свой меч тому, кто больше платит. Я сроду хлеба не сеял и сеять не собираюсь, покуда существует тот урожай, который пожинают мечом. Но вы, гиборийцы, забрались так далеко, что дальше некуда. Вы перешли границу, спалили несколько деревень, выбили отсюда пару племен и провели рубеж по Черной Реке. Но я сомневаюсь, что вы и это сохраните, а не то что продвинетесь на запад. Глупый ваш король не понимает здешней жизни. Нет подкреплений – не хватит и поселенцев, чтобы отбить многочисленный набег из-за реки.

– Но пикты разделены на небольшие кланы, – сказал Бальт. – Они никогда не объединятся. А любой клан мы уничтожим.

– И даже три или целых четыре, – согласился великан. – Но рано или поздно появится человек, который объединит тридцать или сорок кланов, так было в Киммерии, когда жители Гандера вздумали передвинуть границу на север. Они хотели заселить южные области Киммерии. Уничтожили несколько деревень и построили крепость Венариум. Остальное тебе известно.

– Известно, – с горечью сказал Бальт. Воспоминание об этом сокрушительном поражении было черным пятном в истории гордого и воинственного народа. – Мой дядя был там, когда киммерийцы прорвали оборону. Считанные единицы из наших остались в живых. Я не раз слушал его рассказы. Варвары хлынули с гор и штурмовали Венариум с неудержимой яростью. Вырезали всех – мужчин, женщин, детей. И до сих пор на том месте лишь груда камней. Больше аквилонцы не пытались захватить Киммерию. Но ты говорил о Венариуме со знанием дела – ты что, был там?

– Был, – проворчал воин. – Был одним из тех, кто первым взобрался на стены. Я еще пятнадцатого снега не увидел, а имя мое звучало на советах стариков.

Бальт отшатнулся от него и смотрел в изумлении. Рядом с ним спокойно шел один из тех самых визжащих кровожадных дьяволов, что в давние дни падали со стен Венариума, чтобы залить его потоками крови...

– Так ты варвар... – вырвалось у Бальта.

Великан не обиделся и кивнул.

– Меня называют Конан-киммериец.

– Я слышал о тебе! – взволнованно воскликнул Бальт. Ничего удивительного, что пикт проиграл в этой игре, ибо киммерийцы были такими же варварами, только еще более опасными. Конан, несомненно, провел много лет среди цивилизованных людей, но это не повредило его древним инстинктам. Бальт надивиться не мог его кошачьей походке и умению двигаться бесшумно. Даже звенья кольчуги не звенели, потому что были смазаны маслом. В самой густой и запутанной чащобе Конан сумел бы пройти так же беззвучно, как давешний пикт.

– Ты не из Гандера? – это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Я из Таурана.

– Встречал воинов из Таурана, они неплохие в лесу. Но боссонцы слишком долго прикрывали вас, аквилонцев, от диких людей леса. Закалка вам нужна.

И действительно, боссонское пограничье с его укрепленными селениями, где жили отчаянной храбрости стрелки, долго было для Аквилонии надежной крепостной стеной от варваров. Сейчас в поселениях за Громовой Рекой, росло поколение лесных людей, способных противостоять варварам, но таких пока было немного. Большинство жителей границы составляли такие, как Бальт – земледельцы, а не следопыты.

Солнце уже скрылось за вершинами деревьев. Тени на тропе становились все длиннее.

– Не успеем мы в форт до темноты, – спокойно сказал Конан. И вдруг добавил: – Слушай!

Он стоял с мечом в руке, пригнувшийся, готовый в любую минуту прыгнуть и нанести удар. Бальт услышал дикий визг, оборвавшийся на самой высокой ноте – крик человека либо смертельно испуганного, либо умирающего.

Конан сорвался с места и помчался по тропе, с каждым шагом отдаляясь от своего спутника, хотя тот также бежал изо всех сил. В Тауране Бальт слыл неплохим бегуном, но варвар опередил его без всяких усилий. Но юноша забыл об этом, потому что уши ему пронзил самый страшный крик, который ему пришлось слышать в жизни. Но на этот раз кричал не человек: то было какое-то ликующее сатанинское мяуканье, торжество нелюди, убившей человека, и эхо этого крика прокатилось где-то в мрачных безднах за пределами людского понимания.

В ужасе Бальт чуть не споткнулся, но Конан продолжал все также бежать и скрылся за поворотом тропы; Бальт, чтобы не остаться один на один с этим кошмарным воплем, в панике помчался за ним.

И... едва не налетел на киммерийца, который стоял над безжизненным телом. Но Конан глядел вовсе не на мертвеца, лежащего в кровавой грязи – он внимательно осматривал заросли по обе стороны тропы.

Убитый – невысокий полный человек – был в дорогах узорных сапогах и, несмотря на жару, в подбитой горностаем тунике. Его широкое бледное лицо сохраняло выражение ужаса, а толстая шея словно бритвой была перерезана от уха до уха. Короткий меч находился в ножнах – значит, нападение было внезапным.

– Пикты? – прошептал Бальт и тоже начал смотреть по сторонам.

– Нет, лесной черт. Это уже пятый, клянусь Кромом!

– Что ты имеешь в виду?

– Ты слышал когда-нибудь о пиктийском колдуне по имени Зогар Заг?

– Никогда не слышал.

– Он живет в Ггавели, ближайшей деревне за рекой. Месяца три назад он похитил несколько навьюченных мулов из каравана, что направлялся в форт как раз по этой тропе. Наверное, одурманил чем-нибудь погонщиков. Мулы принадлежали, – Конан тронул тело носком сапога, – вот этому Тиберию, купцу из Велитриума. Везли мулы бочонки с пивом, и старый Зогар, вместо того, чтобы скорее перебраться через реку, решил угоститься. Следопыт по имени Сократ выследил его и привел Валанна с тремя солдатами в чащу, где наш колдун спал пьянешенек. По настоянию Тиберия Валанн посадил Зогара Зага в тюрьму, а это для пикта самое страшное оскорбление. Старик сумел убить стражника и бежать, да

еще передал, что собирается прикончить Тиберия и тех пятерых, что его поймали, да так прикончить, что аквилонцы два века будут помнить и дрожать от страха.

И следопыт, и солдаты уже мертвы. Сократа убили у реки, воинов – возле самого форта. А теперь и Тиберий тоже. Но никто из них не пал от руки пикта. Каждый труп, кроме этого, был обезглавлен. Головы эти, конечно, украшают сейчас алтарь того божества, которому служит Зогар Заг.

– С чего ты взял, что убивали не пикты? – спросил Бальт.

Конан показал на тело купца.

– Ты думаешь, это мечом или ножом сделано? Посмотри внимательнее и сообразишь, что такую рану может оставить только коготь. Мышцы разорваны, а не перерублены.

– А если пантера... – неуверенно предположил Бальт.

– Человек из Таурана должен отличать следы когтей пантеры. Нет, это лесной дьявол, которого Зогар Заг вызвал, чтобы отомстить. Болван Тиберий, пошел в Велитриум один да еще под вечер. Но каждый из убитых перед смертью словно бы с ума сходил. Гляди – следы сами говорят. Тиберий ехал по тропе на своем муле – видно, вез шкурки выдры на продажу в Велитриум. И что-то прыгнуло на него сзади, из тех кустов. Видишь, там ветки поломаны? Тиберий успел только раз крикнуть – и уже стал торговать шкурками в преисподней. Мул убежал в заросли. Слышишь, он шуршит кустами в той стороне? Демон не успел унести голову Тиберия – испугался, когда мы прибежали.

– Когда ты прибежал, – поправил Бальт. – Значит, не так и страшна эта тварь, если убегает от одного вооруженного человека. А может, это все-таки был пикт с каким-нибудь крюком? Ты сам видел э т о?

– Тиберий был тоже при оружии, – проворчал Конан. – Но Зогар Заг уж наверное предупредил демона, кого убивать, а кого оставить в покое. Нет, я его не видел. Видел только, как дрожали кусты. Но если хочешь еще доказательств, то гляди.

Убийца наступил в лужу крови. Под кустами на обочине тропы остался кровавый след на засохшей глине.

– Это, по-твоему, человек оставил?

Мурашки побежали по стриженной голове Бальта. Ни человек, ни один из известных ему зверей не мог оставить такого странного, страшного, трехпалого следа. Осторожно, не касаясь земли, Бальт попробовал измерить его пядью. Но расстояние между кончиками мизинца и большого пальца оказалось недостаточным.

– Что это – прошептал юноша. – Никогда не видел такого.

– И ни один человек из находящихся в здравом уме не видел, – мрачно ответил Конан. – Это болотный демон. В трясинах по ту сторону Черной Реки их словно летучих мышей в пещере. Когда с юга дует сильный ветер в жаркие ночи, слышно, как они там завывают.

– Что же нам делать? – спросил аквилонец, опасливо глядя на черные тени. ОН никак не мог забыть выражения лица убитого.

– Не стоит и пытаться выследить демона, – сказал Конан и вытащил из-за пояса лесной топор. – Когда он убил Сократа, я хотел это сделать. И потерял след через несколько шагов. То ли у него крылья выросли, то ли он в землю ушел. И за мулом тоже пойдем. Сам выйдет к форту или чьей-нибудь усадьбе.

Говоря это, он срубил два дерева на краю тропы и очистил стволы от веток. Потом отрезал кусок толстой лианы и переплел стволы так, что вышли простые, но надежные носилки.

– По крайней мере демон остался без головы Тиберия, – проворчал Конан. – А мы отнесем тело в форт. До него не больше трех миль. Этот толстый болван никогда мне не нравился, но нельзя же допустить, чтобы пикты вытворяли над головами белых людей все, что им вздумается.

Вообще-то пикты тоже относились к белой расе, хоть и были смуглыми, но жители пограничья не считали их за белых.

Бальт взялся за задние ручки носилок, Конан без всякого уважения положил на них несчастного торговца и они тронулись быстрым шагом. Даже с таким грузом Конан продолжал двигаться бесшумно. Он захлестнул оба своих конца носилок ремнем купца и держал их одной рукой, чтобы оставить правую свободной для меча. Тени сгущались. Чаща погружалась в сумерки, в серо-голубой таинственный полумрак, в котором скрывалось непредсказуемое.

Они одолели уже больше мили и крепкие мышцы Бальта стали уже побаливать, когда из перелеска, который окрасился алым цветом заходящего солнца, раздался пронзительный вопль.

Конан резко остановился, и Бальт чуть не уронил носилки.

– Женщина! – крикнул он. – Великий Митра, там женщина зовет на помощь!

– Жена колониста заблудилась, – проворчал Конан, опуская носилки. – Корову, поди, искала... Оставайся тут!

И, как волк за зайцем, нырнул в зелень. У Бальта волосы стали дыбом.

– Оставаться с покойником и с этим дьяволом? – взвыл он. – Я иду с тобой!

Конан обернулся и не возразил, хотя и не стал поджидать менее проворного спутника. Дыхание Бальта стало тяжелым, киммериец впереди то пропадал, то вновь возникал из сумерек, пока не остановился на поляне, где начал уже подниматься туман.

– Почему стоим? – поинтересовался Бальт, вытер вспотевший лоб и достал свой короткий меч.

– Кричали здесь или где-то поблизости, – ответил Конан. – Я в таких случаях не ошибаюсь, даже в чаще. Но где же...

Снова послышался крик – у них за спиной, у тропы. Крик был тонкий и жалобный, вопль женщины, охваченной безумным страхом, – и вдруг он внезапно, разом перешел в издевательский хохот.

– Что это, во имя Митры... – лицо Бальта белело в сумерках.

Конан ахнул, выругался и помчался назад, ошарашенный аквилонец – за ним. И на этот раз налетел-таки на внезапно остановившегося киммерийца – словно в каменную статую врезался. А Конан словно и не заметил этого...

Выглянув из-за богатырского плеча, юноша почувствовал леденящий ужас. Что-то двигалось в кустах вдоль тропы. Не шло, не летело, а вроде бы ползло. Но это была не змея. Очертания существа были размыты, оно было ростом повыше человека, но казалось менее массивным. К тому же оно испускало странное свечение – словно болотный огонек, словно ожившее пламя.

Конан выкрикнул проклятие и с дикой силой швырнул вслед существу свой топор. Но тварь не спеша двигалась дальше, не меняя направления. Они еще некоторое время видели туманный силуэт, потом он бесшумно сгинул в дебрях.

С рычанием Конан продрался сквозь заросли и вышел на тропу. Бальт не успевал запоминать все новые и новые цветистые проклятия, в которых богатырь отводил душу. Конан замер над носилками с телом Тиберия. Труп был обезглавлен.

– Он надул нас своим поганым мяуканьем! – стервенел Конан и в гневе рассекал воздух над головой своим огромным мечом. – Я должен был это предвидеть! Должен был ждать какой-нибудь пакости! Значит, алтарь Зогара украсят все пять голов.

– Что же это за тварь – причитает как женщина, хохочет как демон, ползет и светится? – спросил Бальт, вытирая вспотевшее лицо.

– Болотный демон, – угрюмо сказал Конан. – Берись за носилки. Так или иначе, унесем труп. Тем более ноша стала легче.

И с этой мрачной шуткой взялся за кожаную петлю.

2. Колдун из Гжавели

Форт Тускелан поднимался на западном берегу Черной Реки, и ее волны плескались у

основания частокола. Частокол был из толстых бревен, как и все остальные постройки, в том числе и башня (так с гордостью именовалось это строение), в которой жил губернатор.

За рекой раскинулись бесконечные леса, вдоль берега они были густыми, как джунгли. День и ночь патрули на стенах форта внимательно всматривались в эту зеленую стену. Изредка оттуда выходила какая-нибудь опасная тварь, и стражники знали, что за ними тоже следят не менее внимательно голодным, диким и безжалостным взором. Постороннему глазу дебри за рекой могли показаться безлюдными и мертвыми, но они кишели жизнью – не только птицы, звери и пресмыкающиеся обитали там, но и люди, которые были страшнее любого хищника.

Здесь, в укреплении, кончался цивилизованный мир. Форт Тускелан был самым последним поселением на северо-западе. Дальше гиборийские народы не продвинулись. Мир за рекой был таким же, как тысячелетия назад. В тенистых лесах стояли хижины, крытые хворостом и украшенные оскаленными человеческими черепами, глинобитные селения, где горели костры и где точили наконечники копий худощавые неразговорчивые люди с курчавыми черными волосами и змеиными глазами. Когда-то хижины смуглого народа стояли на этом месте, где нынче раскинулись цветущие поля и деревянные дома русоволосых поселенцев, до самого Велитриума, беспокойного пограничного города на берегу Громовой Реки и дальше – до боссонского пограничья. Сюда пришли торговцы и жрецы Митры – эти по обычаю ходили босиком и без оружия, отчего и погибали часто страшной смертью, за ними двигались солдаты и лесорубы, их жены и дети на повозках, запряженных волами. Огнем и мечом аборигены были отброшены и за Громову Реку, и за Черную. Но смуглолицый народ никогда не забывал, что этот край, называемый Конойохара, принадлежал ему.

Стражник у ворот потребовал назвать пароль. Сквозь зарешеченное окошко пробивался свет факела, отражаясь на стальном шлеме и в настороженных глазах.

– Открывай ворота! – рявкнул Конан. – Это же я!

Он терпеть не мог армейской дисциплины.

Ворота отворились во двор и Конан с товарищем прошли в форт. Бальт заметил, что с двух сторон возвышались башенки с бойницами.

Стражник удивленно вскрикнул, увидев груз, доставленный пришельцами. Остальные тоже собрались посмотреть, но Конан сердито сказал:

– Вы что, безголовых покойников не видали?

– Это Тиберий, – прошептал один из солдат. – Я узнаю его по одежде. Стало быть, Валерий должен мне пять монет. Я же говорил ему, что Тиберий пошел на зов смерти – я сам видел, как он со стеклянными глазами проезжал верхом на муле через ворота. Тогда я и поспорил, что не сносить ему головы.

Конан жестом приказал Бальту опустить носилки, и оба направились в дом губернатора. Аквилонец с любопытством озирался, рассматривая конюшни, солдатские казармы, лавчонки, надежный блокгауз и прочие строения. Навстречу им через площадь спешил народ – поглядеть на страшную ношу. Здесь были и аквилонские копейщики, и следопыты, и коренастые боссонские лучники.

Бальт не слишком удивился, что губернатор принял их лично. Аристократия с ее сословными предрассудками осталась к востоку от границы. Валанн был человек еще молодой, хорошо сложенный, с благородным, но несколько угрюмым лицом.

– Мне сказали, что ты вышел из форта перед рассветом, – обратился он к Конану. – Я уже начал опасаться, что пикты все-таки добрались до тебя.

– По всей реке будет известно, когда они начнут за мной охотиться, – сказал Конан. – Потому что завывания пиктийских женщин по своим покойникам услышат даже в Велитриуме. Я сам ходил в разведку. Не спалось – за рекой всю ночь били барабаны.

– Да они каждую ночь колотят, – сказал губернатор и внимательно поглядел на Конана. Он знал, что не стоит пренебрегать чутьем дикаря.

– Той ночью было по-другому, – сказал Конан. – И это с той поры, как Зогар Заг

вернулся за реку.

– Да, надо было либо одарить его и отпустить, либо повесить, – вздохнул губернатор. – Ты ведь так и советовал, но...

– Да, трудно вам, гиборийцам, понимать здешние обычаи, – сказал Конан. – Ну да теперь ничего не поделаешь, и не будет покоя на границе до тех пор, пока Зогар Заг жив и вспоминает здешнюю тюрьму. Я следил за их воином – он переплыл реку, чтобы сделать пару зарубок на своем луке. Я разmozжил ему голову и встретил этого молодца. Его зовут Бальт и он прибыл из Таурана помочь нам охранять границу.

Губернатор благосклонно посмотрел на открытое лицо Бальта и его крепкую фигуру.

– Рад приветствовать тебя, молодой человек. Хотелось бы, чтобы побольше приходило сюда твоих сородичей. Нам нужны люди, привычные к лесному житью. А то многие из наших солдат и колонистов родом из восточных провинций. Они не только что леса не знают, но и землю вспахать не умеют.

– Да, в Велитриуме полно таких, – согласился Конан. – Но послушай, Валанн, мы нашли на дороге мертвого Тиберия... – и вкратце пересказал всю мрачную историю.

Валанн побледнел.

– Я не знал, что он покинул форт. Он что, с ума спятил?

– Именно, – кивнул Конан, – спятил, как и четверо других. Каждый из них, когда приходил его час, терял рассудок и направлялся в лес навстречу собственной смерти, словно кролик, что лезет в пасть к удаву. Что-то потянуло его в чащу. Против чар Зогар Зага бессильна аквилонская цивилизация.

– Солдаты об этом знают?

– Мы оставили тело у восточных ворот.

– Лучше бы вы спрятали его в лесу. Солдаты и без того волнуются.

– Все равно бы узнали – не так, так Этак. Ну, оставил бы я труп в лесу, а он бы снова вернулся в форт. Как покойник Сократ – они привязали его тело к воротам, чтобы люди поутру нашли его.

Валанн вздрогнул. Отвернувшись, он подошел к парапету башни и молча глядел на черную воду реки, в которой отражались звезды. За рекой черной стеной стояли джунгли. Отдаленный рев пантеры нарушил тишину. Ночь наступала, заглушая голоса солдат внизу и задувая огни. Ветер шумел в черных ветвях, волновал речную гладь, доносил из-за реки низкий пульсирующий звук.

– А в сущности, – сказал Валанн, словно бы рассуждая вслух, – что мы знаем... Что кто-нибудь знает о том, что творится в дебрях? Слышали только неясные байки об огромных болотах и реках, и что леса покрывают необозримые равнины и горы и обрываются только на побережье Западного Океана. Но такие тайны скрывает эта земля между Черной Рекой и океаном, мы не осмеливаемся даже предположить. Ни один белый человек не вернулся из этой чащобы и не рассказал нам, что там творится. И вся наша наука и образованность – она только до западного берега этой древней реки. Кто знает, что за звери, земные и неземные, могут находиться за пределами того маленького светлого кружка, который мы называем знанием...

Кто знает, каким богам поклоняются во мраке этого языческого леса, что за демоны выползают из черной болотной грязи? Кто может с уверенностью сказать, что все обитатели этих темных краев принадлежат к этому свету? Зогар Заг... Мудрецы из восточных краев сочли бы его примитивное колдовство фокусами базарного факира, а он свел с ума и убил пятерых, причем совершенно необъяснимым образом. Я начинаю сомневаться – с человеком ли мы имеем дело?

– Если бы я подобрался к нему на бросок топора, все стало бы яснее ясного, – проворчал Конан. Не спросясь, он налил вина себе, а другой стакан подвинул Бальту. Тот взял стакан, но с сомнением поглядел на хозяина.

Губернатор повернулся к Конану.

– Солдаты, которые не верят в духов и демонов, – сказал он, – уже в панике от страха.

А ты, который верит в духов, призраков, гоблинов и прочую нежить, вовсе ее не боишься.

– Нет на свете ничего такого, что не разбудила бы холодная сталь, – ответил Конан. – Вот я метнул топор в демона и не поразил его. Но ведь я мог промахнуться в сумерках, топор мог налететь на ветку и отклониться. Словом, я не стану сходить с дороги, чтобы полюбоваться на демона, но и никакому демону дороги не уступлю.

Валанн поднял голову и поглядел киммерийцу в глаза.

– Конан, от тебя сейчас зависит больше, чем ты можешь предполагать. Ты знаешь все слабые места провинции – она как тонкое лезвие кинжала в огромной туше леса. Ты знаешь, что жизнь всего населения западного пограничья зависит от этого форта. Если он падет, красные топоры вонзятся в ворота Велитриума раньше, чем всадник успеет туда доскакать. Его Величество или советники Его Величества не обратили внимания на мою просьбу усилить пограничный гарнизон. Они знать ничего не хотят о здешней обстановке и не желают присылать подкрепления. Судьба пограничья в наших руках.

Ты знаешь, что большая часть армии, покорившей Конайохару, отозвана. Ты знаешь, что оставшихся сил недостаточно, особенно с того дня, как этот дьявол Зогар Заг отравил колодцы и в один день погибло четыреста человек. Среди оставшихся много больных, укушенных змеями или раненых хищниками, которых вокруг форта становится все больше. Люди верят в похвальбу Зогара, что он может вызывать лесных зверей для расправы над своими врагами.

У меня три сотни копейщиков, четыреста боссонских лучников и, может, полсотни вроде тебя. Хотя бы было и в десять раз больше – все равно мало. Я честно скажу тебе, Конан, положение мое аховое. Солдаты поговаривают о дезертирстве – они верят, что Зогар Заг насылает на нас демонов. Боятся черной заразы, которой он угрожал, черной смерти с болот. Когда я вижу заболевшего солдата, меня в пот бросает – вдруг он почернеет, высохнет и умрет на глазах!

Конан, если начнется мор, солдаты сбегут все до единого. Граница останется без охраны и ничто не удержит орду, которая примчится под стены Велитриума, а может, и дальше. Если мы не сумеем отстоять форт, то они и подавно не спасут город.

Словом, если мы хотим удержать Конайохару, Зогар Заг должен умереть. Ты уходил на тот берег дальше всех нас, ты знаешь, где находится деревня Ггавели, тебе знакомы лесные тропы за рекой. Возьми-ка нынешней ночью несколько человек и попробуй убить его или взять в плен. Да, я знаю, что это безумная затея и вряд ли вы вернетесь живыми. Но если этого не сделать, мы все погибли. Возьми столько людей, сколько сочтешь нужным.

– Дюжина справится с этой работой скорее, чем полк, – ответил Конан. – Пятьсот солдат не пробьются к Ггавели, а дюжина проскользнет. Позволь мне самому выбрать людей. Солдаты мне ни к чему.

– Позволь пойти с тобой! – волнуясь, крикнул Бальт. – У себя в Тауране я всю жизнь охотился на оленей!

– Согласен. Валанн, я пойду в таверну, где собираются следопыты и выберу тех, кто мне нужен. Выйдем через час. Спустимся на лодке пониже деревни и подберемся к ней лесом. Ну, если будем живы, вернемся утром!

3. Ползущие во тьме

Река была словно туманная дорога между двумя черными стенами. Весла погружались в воду бесшумно, как клюв цапли. Широкие плечи того, кто сидел перед Бальтом, отливали синим в темноте. Юноша знал, что даже опытный глаз следопыта на носу лодки видит сейчас не дальше, чем на несколько локтей. Конан выбирал направление чутьем, потому что прекрасно знал реку.

Бальт хорошо присмотрелся к своим спутникам еще в форте, когда они вышли за частокол и садились в лодку. Это были люди той самой новой породы, которая зарождалась в суровом пограничном краю, люди, поневоле овладевшие искусством жить и выживать в

лесах. Они даже внешне походили друг на друга, и наряд их был сходен – козловые сапоги, кожаные штаны и куртки, широкие пояса, и оружие – топоры и короткие мечи, и лица у всех были иссечены шрамами, а глаза смотрели жестко.

Они тоже были дикарями, но все-таки между ними и киммерийцем лежала пропасть. Они – дети цивилизации, опустившиеся на варварский уровень. Он – варвар в тысячном поколении. Они научились прятаться и подкрадываться, он таким родился. Они были волками, он – тигром.

Бальт восхищался ими, восхищался предводителем и страшно гордился, что его допустили в такую компанию. Гордился и тем, что его весло было так же бесшумно, как у всех. Хотя бы в этом он был равен им – ведь охотничье искусство в Тауране не шло ни в какое сравнение с пограничным.

Вниз по течению от форта река описывала широкую петлю. Быстро скрылись из виду огни сторожевых постов, но лодка прошла еще с милю, с необыкновенной точностью избегая мелей и топляков.

Потом, по сигналу предводителя, повернули к западному берегу. Лодка покинула спасительную тень зарослей и выплыла на стержень, где ее легко можно было заметить. Но свет звезд был неярким, и Бальт надеялся, что никто за рекой не наблюдает.

Когда подошли к зарослям западного берега, Бальт протянул руку и ухватился за какое-то корневище. Не было произнесено ни слова. Все распоряжения были отданы еще до выхода из форта. Конан бесшумно перелез через борт и исчез в зарослях. За ним в полной тишине последовали девять других. Один из следопытов остался в лодке с Бальтом.

У них было свое задание: сидеть и ждать возвращения остальных. Если Конан с товарищами не вернуться с первыми лучами солнца, надлежало подняться вверх по реке и доложить в форте, что дебри снова взяли положенную им дань. Тишина была угнетающей. Ни один звук не доносился из черного леса. Даже барабаны не били. Юноша напрягал глаза, напрасно стараясь разглядеть что-нибудь в этом мраке. От воды тянуло холодом. Где-то поблизости плеснула рыба – так, во всяком случае, ему показалось. Лодка даже вздрогнула от носа до руля. Тот, кто сидел на корме, отпустил руль, и Бальт обернулся, чтобы выяснить, в чем дело.

Напарник не отвечал – уж не задремал ли? Бальт протянул руку и тронул его за плечо. От прикосновения тело следопыта покачнулось и сползло на дно лодки. Дрожащие пальцы Бальта коснулись шеи товарища, и, только крепко сжав зубы, юноша сумел подавить в себе крик. Горло следопыта было перерезано от уха до уха.

В ужасе Бальт поднял голову – и тотчас же мускулистая рука крепко зажала ему шею. Лодка заплесала на воде. В руке Бальта оказался нож – он и сам не заметил, как достал его из-за голенища. Нанес наугад несколько яростных ударов. Лезвие вошло глубоко, раздалось сатанинское рычание, со всех сторон ему ответил жуткий звериный вой и другие руки вцепились в Бальта. Под тяжестью многих тел лодка опрокинулась, и, прежде чем она пошла ко дну, Бальта шарахнули чем-то по голове, он увидел огненную вспышку и погрузился во тьму, в которой даже звезды не горели.

4. Звери Зогара Зага

Когда сознание начало медленно возвращаться к Бальту, он вновь увидел пламя. Свет резал глаза. Вокруг стоял сплошной шум, постепенно распадавшийся на отдельные звуки. Он поднял голову и огляделся. Вокруг на алом фоне пламени костров вырисовывались черные силуэты.

Память вернулась разом. Он был привязан к столбу посреди площадки, окруженной дикими и страшными существами. Позади них пылали костры, разведенные нагими темнокожими женщинами. Дальше стояли глиняные хижины, за ними – частокол с широкими воротами.

Люди, окружившие его, были широкоплечими и узкобедрыми, пламя костра

подчеркивало игру их могучих мускулов. Темные лица были неподвижны, но узкие глаза горели, как у тигров. Взлохмаченные волосы были перехвачены медными обручами. Вооружены они были мечами и топорами. Многие были в крови, с перевязками на руках и ногах – видно, недавно был бой.

Он отвел глаза от своих пленителей и издал крик ужаса: в двух шагах от него возвышалась пирамида из окровавленных человеческих голов. Мертвые стеклянные взоры были обращены к небу. Среди лиц, глядящих в его сторону, Бальт узнал тех, что пошли за Конаном. Была ли и его голова в этой куче? За пирамидой голов лежали тела пяти или шести пиктов – по крайней мере следопыты дорого продали жизнь.

Отвернувшись от ужасного зрелища, он увидел напротив своего другой столб. К нему был привязан лианами еще один из людей Конана. На нем оставили только кожаные штаны. Кровь текла у него изо рта и раны в боку. Он поднял голову, облизал пересохшие губы и пробормотал:

– Так тебя тоже поймали!

– Они подплыли незаметно и перерезали горло моему напарнику, – простонал Бальт. – Но мы ничего не слышали до последнего. О Митра, можно ли передвигаться вообще без звука?

– Это же дьяволы, – сказал следопыт. – Видно, они заметили нас еще на середине реки. Мы попали в засаду. Не успели опомниться, как со всех сторон полетели стрелы. Большинство из нас были убиты сразу. Трое или четверо схватились врукопашную. Но их было слишком много. А вот Конан, пожалуй, скрылся. Я не видел его головы. Лучше бы нас с тобой сразу прикончили! Конана винить не в чем. Мы бы добрались до деревни не замеченными, у них нет постов на берегу в том месте, где мы причалили. Должно быть, мы напоролись на большой отряд, шедший вверх по реке с юга. Готовится какая-то чертовщина – здесь слишком много пиктов. Кроме здешних здесь люди из западных племен, с верховьев и низовьев реки...

Бальт глядел на дикарей. Немного знал он о жизни пиктов, но соображал, что такого количества жителей в деревне быть попросту не может. Потом заметил, что боевая раскраска и украшения из перьев у воинов были разные – значит и вправду сюда собрались разные племена и кланы.

– Какая-то дьявольщина, – бормотал следопыт. – Может, они собрались посмотреть на волшбу Зога? Он будет совершать чудеса с помощью наших трупов. Ну что ж, житель пограничья и не надеется умереть в своей постели. Но неплохо бы сдохнуть вместе со всеми этими...

Волчьи завывания пиктов зазвучали громче, в толпе началось движение – сразу было видно, что приближается важная персона. Обернувшись, он увидел, что столб вкопан перед длинным строением, превосходящим размерами другие хижины и украшенном человеческими черепами вдоль крыши. В дверях кружилась фантастическая фигура.

– Зога, – прорычал следопыт и скривился от боли.

Бальт увидел худошавого человека среднего роста в одежде из страусиных перьев. Из перьев выглядывала отвратительная злобная физиономия. Перья почему-то особенно поразили Бальта. Он знал, что их привозят откуда-то из немыслимого далека на юге. Они зловеще шуршали, когда колдун приплясывал и кривлялся.

Так, танцуя, он вошел на площадку и закружился вокруг связанных пленников. Другой бы на его месте казался смешным – безмозглый дикарь, бессмысленно подпрыгивающий под шорох перьев. Но страшное лицо придавало всему этому совершенно иное значение. Ничего смешного не было в этом сатанинском лице.

И вдруг он застыл, как статуя; перья взметнулись в последний раз и опали. Зога Заг выпрямился и стал казаться куда выше ростом и массивнее. Бальту казалось, что он поднялся над ним и глядит откуда-то сверху, хотя колдун был никак не выше аквилонца.

Волшебник заговорил гортанным и скрипучим голосом, похожим на шипение кобры. Он вытянул голову в сторону раненого следопыта, и тот плюнул ему в лицо.

Дико взыв, Зогар отпрыгнул далеко в сторону, а воины зарычали так, что звезды содрогнулись. Они бросились к пленнику, но колдун остановил их. Потом послал несколько человек к воротам. Они открыли их нараспашку и вернулись. Кольцо воинов разделилось пополам. Бальт увидел, что женщины и голые детишки попрятались по хижинам и выглядывают из дверей и окон. Образовался широкий проход к воротам, за которыми стоял черный лес.

Наступила мертвая тишина. Зогар Заг повернулся к лесу, встал на кончики пальцев и направил в ночь пронзительный, душераздирающий нечеловеческий вопль. Где-то далеко в дебрях ему отозвался низкий рев. Бальт задрожал. Ясно было, что это не человеческий голос. Он вспомнил слова Валанна о том, что Зогар хвастался своим умением вызывать зверей из леса. Лицо следопыта под кровавой маской побледнело.

Деревня затаила дыхание. Зогар Заг стоял неподвижно, только перья слегка колыхались. В воротах что-то появилось.

Вздых пробежал по деревне и люди лихорадочно стали разбегаться и прятаться между хижинами. Тварь, стоящая в воротах, казалась ожившим кошмаром. Шерсть на ней была светлая, отчего в ночи вся фигура представлялась призрачной. Но не было ничего сверхъестественного ни в низко посаженной голове, ни в огромных кривых клыках, поблескивающих при свете костра. Двигался зверь бесшумно, как видение былого. Это был пережиток древних времен, людоед-убийца старинных легенд – саблезубый тигр. Ни один гиборийский охотник вот уже сотни лет не встречал этого чудовища.

Зверь, направлявшийся к привязанным жертвам, был длиннее и тяжелее обычного полосатого тигра, силой же равнялся медведю. Мозга в массивной голове было немного, да он в данном случае и не требовался. Это был самый идеальный хищник из всех снабженных когтями и клыками.

Вот кого призвал Зогар Заг из дебрей. Теперь Бальт не сомневался в чарах. Только чародейное искусство могло совладать с этой примитивной могучей тварью. И внезапно в глубине сознания юноши прозвучало имя древнего бога тьмы и ужаса, которому поклонялись некогда и люди, и звери, и дети которого, по слухам, все еще обитали в разных частях света.

Чудовище прошло мимо тел пиктов и кучи голов, не коснувшись их. Тигр брезговал падалью. Всю жизнь он охотился только на живых существ. Неподвижные глаза его горели голодным огнем. Из раскрытой пасти капала слюна. Колдун отступил и показал рукой на следопыта.

Огромная кошка припала к земле. Бальт вспомнил рассказ о том, что саблезубый тигр, напав на слона, вонзал свои клыки в голову лесного великана так глубоко, что не мог потом вытащить и подыхал с голоду. Колдун пронзительно завизжал и зверь прыгнул.

Удар пришелся в грудь следопыту, столб треснул и рухнул на землю. А потом саблезубый потрусил к воротам, таща за собой кусок мяса, только что бывший человеком. Бальт смотрел на все это и разум его отказывался верить зрению.

В прыжке зверь не только своротил столб, но и оторвал от него окровавленное тело. В мгновение ока страшные когти разорвали несчастного на куски, а огромные зубы вырвали кусок головы, с легкостью пробив кость. Бальта вырвало. Ему случалось выслеживать и медведей, и пантер, но никогда он не видел зверя, способного в секунду превратить человека в кровавые ошметки.

Саблезубый исчез за воротами, его рычание еще раз не решались выйти из-за хижин, а колдун стоял и смотрел в сторону ворот. Они были открыты для тьмы.

Бальт покрылся холодным потом. Какой новый ужас выйдет из леса к нему самому? Он попытался освободиться – тщетно. Ночь обступала его со всех сторон, и даже костры казались адским пламенем. Он чувствовал на себе взгляды пиктов – сотни голодных безжалостных глаз. Они уже не были похожи на людей – демоны из черных джунглей, такие же, каких вызывал колдун в страусиных перьях.

Зогар послал в темноту следующий призыв, совсем не похожий на предыдущий.

Слышалось в нем отвратительное шипение – и кровь заledenела в жилах юноши. Если бы змея могла шипеть громко, как раз такой звук и получился бы.

Ответа на этот раз не последовало – тишину нарушал только отчаянный стук сердца юноши. Потом за воротами раздался шум, сухое шуршание и в проходе появилось отвратительное тело.

И снова это было чудовище из древних легенд. То был гигантский змей. Голову он держал на уровне человеческого роста и была треугольная эта голова размером с лошадиную. Дальше тянулось бледно отсвечивающее тело. Раздвоенный язык извивался, торчали острые зубы.

Бальт ничего не видел и не слышал. Страх парализовал его. Древние называли этого гигантского гада Змей-Призрак за белую окраску. Он вползал по ночам в хижины и губил целые семьи. Жертвы свои он или душил, как удав, или убивал ядом своих зубов. Он также считался вымершим. Но прав был Валанн: ни один белый не знает, что творится в дебрях по ту сторону Черной Реки.

Змей приблизился, держа голову на той же высоте и слегка откинув ее назад – готовился нанести удар. Остекленевшими глазами глядел Бальт на страшную пасть, в которой суждено было ему сгинуть и не чувствовал ничего, кроме легкой тошноты.

Потом что-то сверкнуло, метнулось из темноты между хижинами и огромный змей забилился в конвульсиях. Как во сне увидел Бальт, что шея чудовища насквозь пробита копьем.

Извиваясь в агонии, обезумевший змей врезался в толпу людей и они метнулись назад. Копье не повредило позвоночника, пробило только мышцы. Бешено колотящийся хвост змея поверг на землю дюжину воинов, с зубов брызгал яд, обжигающий кожу. Люди завывали, запричитали и бросились врассыпную, давя и увеча друг друга. Тут змея еще угораздило заползти в костер, и боль придала ему силы – стена хижины рухнула под ударом хвоста и люди с завываниями побежали прочь. Некоторые бежали прямо через костры. Картина была впечатляющая: посередине площади бьется огромное пресмыкающееся, а от него разбегаются люди.

Бальт услышал какое-то движение позади себя и руки его неожиданно оказались свободными. Сильная рука потянула его назад. Пораженный, он узнал Конана и почувствовал, как могучие пальцы схватили его за плечо.

Доспехи киммерийца были в крови, кровь засохла на мече.

– Бежим, пока они не опомнились!

Бальт почувствовал, что в руку ему вкладывают топор. Зогар Заг исчез. Конан тащил Бальта за собой до тех пор, пока тот окончательно не пришел в себя. Тогда киммериец отпустил его и вбежал в дом, украшенный черепами. Бальт за ним. Он увидел страшный каменный жертвенник, слабо освещенный откуда-то изнутри. Пять человеческий голов лежали на этом алтаре – Бальт сразу узнал голову купца Тиберия. За жертвенником стоял идол – получеловек, полужверь. И вдруг, к ужасу Бальта, он стал подниматься, гремя цепью и воздевая руки к небу.

Свистнул смертоносный меч Конана, и киммериец снова потащил Бальта за собой к другому выходу из дома. В нескольких шагах от двери возвышался частокол.

За святилищем было темно. Никто из убегающих пиктов сюда не попал. Возле изгороди Конан остановился и поднял Бальта на руках как младенца. Бальт ухватился за концы бревен и, обдирая пальцы, вскарабкался вверх. Он протянул руку киммерийцу, когда из-за угла хижины выскочил пикт и встал как вкопанный, глядя на человека у изгороди. Удар топора киммерийца был верным, но пикт успел закричать раньше, чем голова его развалилась пополам.

Никакой страх не помеха врожденным инстинктам: только что воющая толпа услышала сигнал тревоги, как сотни голосов ответили на него и воины помчались отбивать нападение, сигнал о котором подал убитый.

Конан высоко подпрыгнул, ухватил Бальта повыше локтя и подтянулся. Бальт стиснул зубы, чтобы выдержать тяжесть тела, но киммериец был уже наверху и беглецы оказались по

ту сторону частокола.

5. Дети Иргала Зага

– В какой стороне река?

– К реке соваться нечего, – буркнул Конан. – Лес от деревни до реки кишит пиктами. Вперед! Направимся туда, где нас не ждут – на запад!

Бальт в последний раз оглянулся и увидел, что из-за частокола торчат черные головы пиктов. Но они подбежали слишком поздно, а беглецы уже скрылись в зарослях.

Бальт понял: дикари еще не сообразили, что пленник бежал. Судя по крикам, воины под предводительством Зогара Зага добивали стрелами раненого змея. Чудовище вышло из повиновения колдуну. Через минуту раздались гневные вопли: бегство было обнаружено.

Конан расхохотался. Он вел Бальта по узкой тропинке с такой быстротой и уверенностью, словно это был проезжий тракт. Бальт ковылял за ним.

– Теперь они бросятся в погоню; Зогар увидел, что тебя нет. Собака! Если бы у меня было второе копьё, я бы прикончил его раньше, чем змея. Держись тропинки. Они сначала побегут к реке, растянут там цепь из воинов на пару миль и станут нас ждать. А мы не уйдем в чащу, пока не подопрет. По тропинке быстрее получится. А теперь, парень, давай-ка беги так, как ты в жизни еще не бегал!

– А быстро они опомнились, – пропыхтел Бальт и прибавил ходу.

– Да, страх у них скоро проходит, – проворчал Конан.

Некоторое время они молчали и продолжали углубляться все дальше и дальше от цивилизованного мира. Но Бальт знал, что Конан всегда все делает правильно. Наконец киммериец сказал:

– Когда будем уже далеко от деревни, сделаем большую петлю к реке. На много миль от Ггавели нет других поселений. А вокруг деревни собрались все пикты. Мы обойдем их. До света они не нападут на след, а уж потом мы оставим тропу и свернем в чащу.

Они продолжали бег. Крики позади затихли. Свистящее дыхание вырвалось сквозь стиснутые зубы Бальта. Заколело в боку, бежать было все труднее. Он то и дело влетал в кусты по краям тропы. Внезапно Конан остановился, обернулся и стал вглядываться в темноту дороги.

Где-то вверху над ветвями неторопливо всходила бледная луна.

– Сворачиваем? – прохрипел Бальт.

– Дай-ка мне топор, – прошептал Конан. – Сзади кто-то есть.

– Тогда лучше уйдем с тропы! – крикнул Бальт.

Конан помотал головой и толкнул спутника в кусты. Луна поднялась выше и осветила дорогу слабым светом.

– Мы же не можем драться с целым племенем! – шепнул Бальт.

– Человек не смог бы нас так быстро выследить и догнать! – проворчал Конан. – Тс-с-с!

Наступила тишина. Внезапно на тропе появился зверь. Бальт содрогнулся при мысли о том, что это может быть саблезубый. Но это был всего лишь леопард. Он зевнул, открывая клыки, и глянул на тропу, после чего не спеша двинулся вперед. Дрожь пробежала по спине аквилонца: леопард, несомненно, выслеживал их.

И выследил. Зверь поднял голову и глаза его вспыхнули, как два огненных шара. Раздалось глухое рычание, и Конан метнул топор.

Всю свою силу вложил киммериец в этот удар. Серебром сверкнуло лезвие в лунном свете – и леопард забился на земле. Топор торчал у него посередине лба.

Конан выскочил из кустов, схватил оружие, леопарда же зашвырнул куда-то между деревьев.

– Теперь бежим, и быстро! – сказал он и свернул в чащу в южном направлении. – За этой кошечкой подойдут воины. Зогар отправил его за нами, как только опомнился Пикты идут следом, но они еще далеко. Он бегал вокруг деревни, пока не взял след, а потом полетел

как молния. Так что они знают, в какую сторону идти. Он подавал им знак рычанием. Ха, больше не подаст, но они увидят кровь на тропе, найдут и падаль в кустах. Могут и наши следы увидеть, так что иди осторожно.

Он без всяких усилий прошел через колючий кустарник и двинулся дальше, не касаясь стволов деревьев и ступая на такие места, где не видно следов. Бальт неуклюже повторял его действия – тяжелая это для него была работа.

Они прошли еще с милю, и Бальт спросил:

– Неужели Зогар Заг ловит леопардов и превращает их в гончих псов?

– Нет, этого леопарда он вызвал из леса.

– Если он может приказывать зверям, так почему же не пошлет их всех в погоню за нами?

Конан некоторое время молчал, потом отозвался сдержанно:

– Он не может приказать любому зверю. Он властен только над теми, кто помнит Иргала Зага.

– Иргал Заг? – с волнением повторил Бальт древнее имя. Он слышал его раза три или четыре в жизни.

– Некогда ему поклонялись все живые существа. Это было давно, когда люди и звери говорили на одном языке. Но люди все забыли, да и звери тоже. Помнят лишь немногие. Люди, помнящие Иргала Зага и звери, что его помнят, считаются братьями и понимают друг друга.

Бальт ничего не сказал: перед его глазами встали ворота, через которые приходили чудовища из дебрей.

– Цивилизованные люди смеются, – сказал Конан. – Но ни один не объяснит, каким это образом Зогар Заг вызывает из чащи удавов, тигров, леопардов и заставляет себе служить. Он даже может сказать мне, что это ложь, если осмелится. Таков обычай цивилизованных людей – они не желают верить в то, что не может объяснить их скороспелая наука.

Народ в Тауране был не такой ученый, как остальные аквилонцы, они помнили древние легенды и верили им. Поэтому Бальт, который видел все сам своими глазами, был уверен, что все сказанное Конаном – правда...

– Где-то в этих местах есть древняя роща, посвященная Иргалу Загу, – сказал Конан. – Я ее не нашел. Но рощу эту помнят многие звери...

– Значит, и другие пойдут по нашему следу?

– Уже пошли, – ответил Конан. – Зогар Заг не доверил бы такое важное дело одному животному.

– Что же нам делать? – взволнованно спросил Бальт. Ему казалось, что еще минута – и со всех сторон в него вонзятся когти и клыки.

– Подожди-ка!

Конан отвернулся, встал на колени и начал вырезать ножом на земле какой-то знак. Бальт глянул через плечо и ничего не понимал. Какой-то странный стон пробежал по ветвям, хотя ветра не было. Конан поднялся и угрюмо поглядел на свою работу.

– Что это? – прошептал Бальт. Рисунок был непонятный и явно древний. Юноша полагал, что он незнаком ему по неграмотности. Но его не смог бы понять и ученейший из мужей Аквилонии.

– Я видел этот знак, вырезанный на камне в пещере, куда миллион лет не ступала человеческая нога, – сказал Конан. – Это было в безлюдных горах за морем Вилайет, за полсвета отсюда. Потом этот же знак начертил в песке у безымянной реки один знахарь из страны Куш. Он мне и растолковал его значение. Этот знак – символ Иргала Зага и тех, кто ему служит. Теперь смотри!

Они отступили в кустарник и стали в молчании ждать. На востоке били барабаны, им отзывались другие, на севере и западе. Бальт задрожал, хотя и знал, что многие мили леса отделяют его от тех, кто бил в эти барабаны.

Он и сам не заметил, как затаил дыхание. Потом листья с легким шорохом разошлись и

на тропу вышла великолепная пантера. Блики лунного света играли на ее блестящей шкуре.

Она наклонила голову и двинулась к ним – почуяла след. Потом вдруг встала и начала обнюхивать начерченный на земле знак. Время шло; пантера пригнула свое длинное тело к земле и стала отбивать поклоны перед знаком. Балът почувствовал, как волосы шевелятся у него на голове. Огромный хищник выказывал страх и почтение знаку.

Пантера поднялась и, касаясь брюхом земли, осторожно отошла и, словно охваченная внезапным страхом, помчалась и скрылась в зарослях.

Балът вытер лоб дрожащей рукой и посмотрел на Конана. Глаза варвара пылали огнем, не виданным у цивилизованных людей. Сейчас он принадлежал к дикому древнему миру, от которого у большинства людей и воспоминаний не осталось.

А потом этот огонь погас и Конан в молчании продолжил путь через дебри.

– Зверей можно не бояться, – сказал он наконец. – Но этот знак увидят и люди и сразу поймут, что мы свернули к югу. Но поймать нас без помощи зверей будет не так-то легко. В лесах к югу от дороги будет полно воинов. Если мы будем двигаться днем, непременно на них нарвемся. Так что лучше найдем подходящее место и дождемся ночи, а тогда повернем к реке. Нужно предупредить Валанна, но мы ему не поможем, если позволим прикончить себя.

– Предупредить? О чем?

– Проклятье! Леса вдоль реки кишат пиктами! Вот почему они нас поймали. Зогар затеял войну, а не обычный набег. Он сумел соединить пятнадцать или шестнадцать кланов. С помощью магии, конечно: за колдуном пойдут охотнее, чем за вождем. Ты видел толпу в деревне, а на берегу прячутся еще сотни. И с каждой минутой прибывают новые. Тут будет не меньше трех тысяч воинов. Я лежал в кустах и слышал их разговор, когда они проходили мимо. Они хотят штурмовать форт. Когда – не знаю, но Зогар долго тянуть не будет. Он их собрал и взвинтил. Если не повести их в бой, они перегрызут глотки друг другу.

Возьмут они форт или нет – неизвестно, но предупредить людей надо. Поселенцам вдоль велитрийской дороги нужно бежать или в форт, или в город. Пока одни пикты будут осаждать форт, другие пойдут дальше, к Громовой Реке, а там столько усадеб...

Они углублялись все дальше и дальше в чащу, пока киммериец не хмыкнул от удовольствия. Деревья стали реже и началась идущая на юг каменная гряда. А на голом камне даже пикт никого не выследит.

– Как же ты спасся? – спросил юноша.

Конан похлопал себя по кольчуге и шлему.

– Если бы пограничники носили такие железки, то меньше черепов было бы в святилищах пиктов. Но они не умеют ходить в них бесшумно. Словом, пикты ждали нас по обе стороны тропы и замерли. А когда пикт замирает, то его не увидит даже лесной зверь, хоть и пройдет в двух шагах. Они заметили нас на реке и заняли позицию. Если бы они устроили засаду после того, как мы высадились, то я бы уж ее учуял. Но они уже ждали, так что даже лист не шелохнулся. Тут и сам дьявол ничего бы не заподозрил. Вдруг я услышал, как натягивается тетива. Тогда я упал и крикнул людям, чтобы тоже падали, но они были слишком медлительны и просто дали себя перебить.

Большинство погибли от стрел сразу – их пускали с двух сторон. Некоторые попали даже друг в друга – я слышал, как они там завывали...

Довольная улыбка тронула его губы. – Те, кто остался в живых, бросились в лес и схватились с врагом. Когда я увидел, что все убиты или схвачены, то пробился в лес и стал прятаться от этих раскрашенных чертей. Я и бежал, и полз, и на брюхе в кустах лежал, а они шли со всех сторон. Сначала я хотел вернуться на берег, но увидел, что они только этого и ждут.

Я бы пробился и даже переплыл реку, но услышал, как в деревне бьют барабаны. Значит, кого-то схватили живьем.

Они были настолько увлечены фокусами Зогара, что я смог перелезть через частокол за святилищем. Тот, кто должен был стеречь это место, паялился на колдуна из-за угла. Пришлось подойти к нему сзади и свернуть шею – бедняга и понять ничего не успел. Его

копьем поражен змей, а его топор у тебя.

– А что за гадину ты убил в святилище? – вспомнил Бальт и вздрогнул, представив это зрелище.

– Один из богов Зогаара. Беспамятное дитя Иргала Зага – вот он его и держал на цепи. Обезьяна-бык. Пикты считают ее символом Лохматого Бога, что живет на луне – бога-гориллы по имени Гуллах.

Место здесь удачное. Тут и дождемся ночи, если нам не станут наступать на пятки.

Перед ними был невысокий холм, заросший деревьями и кустами. Лежа между камнями, они могли наблюдать за лесом, оставаясь невидимыми. Пиктов Бальт уже не опасался, но вот зверей Зогаара побаивался. Он стал сомневаться в магическом знаке, но Конан успокоил его.

Небо между ветвями начало бледнеть. Бальт начал испытывать голод. Барабаны вроде бы умолкли. Мысли юноши вернулись к сцене перед святилищем.

– Зогар Заг был весь в страусиных перьях, – сказал он. – Я видел такие у рыцарей с востока, которые приезжали в гости к нашим баронам. Но ведь в этих лесах страусы не водятся?

– Эти перья из страны Куш, – ответил Конан. – Далеко к западу отсюда лежит берег моря. Время от времени к нему пристают корабли из Зингара и продают тамошним племенам оружие, ткани и вино в обмен на шкуры, медную руду и золотой песок. Торгуют и страусиными перьями – они берут их у стигийцев, а те, в свою очередь, у черных племен страны Куш. Пиктийские колдуны хорошо платят за эти перья. Только опасная это торговля. Пикты так и норовят захватить корабль, поэтому побережье пользуется дурной славой у моряков. Я там бывал с пиратами с островов Бараха, что лежат к югу от Зингара.

Бальт с удивлением посмотрел на спутника.

– Я знаю, что ты не всю жизнь проторчал на границе. Тебе, наверное, пришлось много постранствовать?

– Да, забирался я так далеко, как ни один человек моего народа. Видел все большие города гиборийцев, шемитов, стигийцев и гирканцев. Скитался по неведомым землям к западу от моря Вилайет. Был капитаном наемников, корсаром, мунганом, нищим бродягой и генералом – эх! Не был только королем цивилизованной страны, да и то, может, стану, если не помру.

Мысль эта показалась ему забавной, он улыбнулся. Потом потянулся и вольготно развалился на камне.

– Но и здешняя жизнь неплоха, как и всякая другая. Я не знаю, сколько прожили на границе – неделю, месяц, год. У меня бродяжья натура – в самый раз для пограничья.

Бальт внимательно наблюдал за лесом, каждую минуту ожидая, что из листвы покажется размазанное лицо. Но проходили часы, и ничто не нарушало покоя. Бальт уже решил, что пикты потеряли след и прекратили погоню. Конан оставался озабоченным.

– Мы должны выследить отряды, которые прочесывают чащу. Если они и прекратили погоню, то для того, что появилась лучшая добыча. Значит, они собираются переплыть реку и напасть на форт.

– Значит, мы ушли так далеко на юг, что они потеряли след?

– След потеряли, это ясно, иначе они уже давно были бы тут. При других обстоятельствах они перетряхнули бы весь лес по всем направлениям. И тогда мы бы хоть одного-двух заметили. Значит, точно – переплавляются через реку. Не знаю только, на сколько они ушли вниз по течению. Надеюсь, что мы еще ниже. Что ж, попытаем счастья.

Они начали спускаться с камней. Бальту все время казалось, что его спина – мишень для стрел, могущих вылететь в любую минуту из засады. Но Конан был уверен, что врагов поблизости нет – и оказался прав.

– Сейчас мы на много миль южнее деревни. Пойдем прямо к реке.

И с поспешностью, которая показалась Бальту излишней, они двинулись на восток. Лес словно вымер. Конан полагал, что все пикты собрались в районе Гвавели, если еще не

форсировали реку. Впрочем, они вряд ли сделали бы это днем. Кто-то из следопытов наверняка их заметил и поднял тревогу. Они переправятся выше и ниже форта, там, где стража их не увидит. Потом остальные сядут в челны и направятся туда, где частокол спускается в воду. И нападут на форт со всех сторон. Они и раньше пробовали это сделать, но безуспешно. А сейчас у них достаточно людей для штурма.

Они шли не останавливаясь, хотя Балът с тоской поглядывал на белок, снующих между ветвей – их так легко было достать броском топора! Он вздохнул и потуже затянул пояс. Тишина и мрак, царящие в дебрях, начали его угнетать. Он возвращался мыслями на солнечные луга Таурана, к отцовскому дому с островерхой крышей, к упитанным коровам, щиплющим сочную траву, к своим добрым друзьям – жилистым пахарям и загорелым пастухам.

В обществе варвара он чувствовал себя одиноким. Конан был в лесу настолько своим, насколько он сам чужим. Киммериец мог годами жить в больших городах и быть запанибрата с их владыками, могла в один прекрасный день исполниться безумная его мечта стать королем цивилизованной страны – такие вещи случались. Но он не перестал бы быть варваром. Ему были знакомы лишь самые простые законы жизни. Волк останется волком, если даже случай занесет его в стаю сторожевых псов.

Тени удлинились, когда они вышли на берег реки и огляделись из-за кустов. Видно было примерно на милю туда и сюда. Берег был пуст.

– Здесь опять придется рискнуть. Переплывем реку. То ли они переплавились, то ли нет. Может, их полно на том берегу. Но мы должны рискнуть.

Зазвенела тетива, и Конан пригнулся. Что-то вроде солнечного зайчика мелькнуло между ветвями – это была стрела.

Конан тигриным прыжком преодолел кусты. Балът увидел только блеск стали и услышал глухой вскрик. Потом двинулся вслед за киммерийцем.

Пикт с рассеченной головой лежал на земле и царапал пальцами траву. Шестеро остальных кружились возле Конана. Луки они отбросили за ненадобностью. Узоры на их лицах и телах были незнакомы аквилонцу.

Один из них метнул топор в юношу, подбегавшего с ножом в руке. Балът уклонился и перехватил руку врага с кинжалом. Оба упали и покатились по земле. Пикт был силен как дикий зверь.

Балът напряг все силы, чтобы не выпустить руки дикаря и воспользоваться своим топором, но все попытки кончались неудачей. Пикт отчаянно вырывал руку, не отпуская топора Балта и колотя его коленом в пах. Внезапно он попытался переложить кинжал из одной руки в другую, оперся на колено и Балът, воспользовавшись этим, молодецким ударом топора раскроил ему лоб.

Юноша вскочил на ноги и стал искать спутника, опасаясь, что враги одолели его числом. И только тогда он понял, как страшен и опасен в бою киммериец. Двух врагов Конан уже уложил, распластав мечом почти до пояса. Третий замахнулся коротким мечом, но Конан парировал удар и подскочил к дикарю, решившему поднять лук и пустить его в дело. Прежде чем пикт успел выпрямиться, кровавый клинок рухнул вниз, перерубив его от плеча до груди и застряв в ней. С обеих сторон атаковали киммерийца двое оставшихся, но одного Балът успокоил метким броском топора. Конан бросил застрявший меч и повернулся к врагу с голыми руками. Коренастый пикт, на голову ниже его, замахнулся топором и одновременно ударил ножом. Нож сломался о доспехи киммерийца, топор же застыл в воздухе, когда железные пальцы Конан сомкнулись на запястье врага. Громко хрустнула кость, и Балът увидел, как скорчился от боли пикт. В следующий миг он взлетел над головой киммерийца, все еще вереща и пинаясь. Потом Конан грохнул его об землю с такой силой, что тот подпрыгнул и лег замертво. Было ясно, что у него сломан позвоночник.

– Идем! – Конан вытащил свой меч и поднял топор. – Бери лук, несколько стрел и вперед! Теперь вся надежда на ноги. Они слышали крики и сейчас будут здесь. Если мы поплывем сейчас, нас настигнут стрелами раньше, чем мы выплывем на стержень!

6. Кровавые топоры пограничья

Конан не стал слишком углубляться в лес. Через несколько сотен шагов от реки он изменил направление и направил бег вдоль берега. Позади слышались вопли лесных людей. Балът понял, что пикты добежали до поляны с убитыми. Беглецы все-таки оставили следы, которые мог прочитать любой пикт.

Конан прибавил ходу, Балът старался не отставать, хоть и чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он держался, собрав все силы воли. Кровь стучала у него в ушах так громко, что он не заметил, когда крики за спиной смолкли.

Конан остановился. Балът обхватил ствол дерева и тяжело отпыхивался.

– Они бросили это дело, – сказал Конан.

– Они подкрады...ваются... к нам! – просипел Балът.

– Нет. Когда погоня короткая, как сейчас, они верещат каждую минуту. Нет. Они повернули назад. Я слышал, как кто-то звал их перед тем, как прекратился этот гвалт. Их позвали назад. Для нас это хорошо, для гарнизона форта – скверно. Значит, воинов выводят из леса для штурма. Те, с которыми мы дрались, из какого-то племени в низовьях реки. Несомненно, они шли к Ггавели, чтобы присоединиться к остальным, мы должны переплыть реку во что бы то ни стало.

И, повернув на запад, побежал сквозь чащу, даже не пытаясь скрываться. Балът поспешил за ним и только сейчас почувствовал боль в боку – пикт его укусил. Внезапно Конан остановился и задержал аквилонца. Балът услышал ритмичный плеск и увидел сквозь листву плывущую вверх по реке долбленку. Единственный ее пассажир из всех сил махал веслом, преодолевая течение. Это был крепко сложенный пикт с пером цапли, воткнутым за медный головной обруч.

– Человек из Ггавели, – пробормотал Конан. – Посланец Зогара. Об этом говорит белое перо. Он ездил предлагать мир племенам в низовьям, а теперь торопится принять участие в резне.

Одиноким посланник находился уже против их укрытия, когда у Балта от удивления чуть глаза на лоб не вылезли. Прямо над ухом у него зазвучала гортанная речь пикта. Тут он понял, что это Конан окликает гонца на его родном языке. Пикт вздрогнул, обвел взглядом заросли и что-то ответил; потом направил долбленку к западному берегу. Балът почувствовал, что Конан забирает у него поднятый на поляне лук и одну из стрел.

Пикт подвел лодчонку к берегу, и, всматриваясь в заросли, что-то крикнул. Ответом ему был молниеносный полет стрелы, которая вонзилась ему в грудь по самое оперение. Со сдавленным хрипом пикт перевалился через борт и упал в воду. Мгновенно Конан оказался там же, чтобы схватить уплывавшую долбленку. Балът приковылял за ним и, ничего уже не соображая, залез в лодку. Конан схватил весло и помчал долбленку к противоположному берегу. С завистью глядел на него Балът: видно, этому железному воину незнакома усталость!

– Что ты сказал пикту? – спросил юноша.

– Чтобы он пристал к берегу, потому что за рекой сидит белый следопыт и может подстрелить его.

– Но это же нечестно, – сказал Балът. – Он-то думал, что с ним говорит друг. А здорово у тебя получается по-ихнему!

– Нам была нужна его лодка, – проворчал Конан. – Нужно было приманить его к берегу. Что лучше – обмануть пикта, который бы рад с нас шкуру спустить, или подвести людей за рекой, чья жизнь зависит теперь от нас?

Пару минут Балът размышлял над этой нравственной проблемой, потом пожал плечами и спросил:

– Далеко мы от форта?

Конан показал на ручей, который впадал в Черную Реку на расстоянии полета стрелы

от них.

– Вот Южный Ручей. От его устья до форта десять миль. Это южная граница Конайохары. За ним на много миль тянутся болота. С этой стороны они напасть не могут. Девятью милями выше форта Северный Ручей образует другую границу. За ним тоже болота. Вот почему нападение возможно только со стороны реки. Конайохара похожа на копье в девятнадцать миль шириной, вонзившееся в Пиктийские Дебри.

– Так почему бы нам не подняться вверх по реке на лодке?

– Потому, что пришлось бы бороться с течением и тратить время на повороты. Пешком быстрее. Кроме того, помни, что Ггавели находится южнее форта. Если пикты переправились, мы попадем прямо к ним в лапы.

Уже начало смеркаться, когда они вышли на восточный берег. Конан сразу же двинулся на север быстрым шагом. Ноги у Бальта заныли.

– Валанн предлагал построить два форта возле обоих ручьев. Таким образом река все время была бы под наблюдением. Но правительство не разрешило. Спесивые болваны, сидят на бархатных подушках, а голые девки на коленях подают им вино... Знаю я эту публику. Они ничего не видят за пределами своих хором. Дипломатия, черт побери! Они хотят завоевать пиктов теориями об территориальной экспансии. И такие дельные люди, как Валанн, вынуждены выполнять распоряжения этой банды идиотов! Им так же удастся захватить земли пиктов, как восстановить Венариум! И час придет – они увидят варваров на стенах восточных городов!

Неделю назад Бальт, возможно, только рассмеялся бы над этим. Теперь он молчал, познакоившись с необузданной яростью племен, живших у границы.

Впереди послышался какой-то звук. Конан выхватил меч и медленно опустил его, когда из-за кустов вышел пес – огромный, тощий, покрытый ранами.

– Это собака колониста, который строил дом на берегу реки в двух милях южнее форта, – сказал Конан. – Ясно, что пикты убили его и дом спалили. Мы нашли его труп на пепелище. Пес лежал без памяти рядом с тремя пиктами, которых он загрыз. Они почти пополам его перерубили. Мы отнесли его в форт и перевязали. Он чуть поправился, сразу сбежал в лес... Ну, что, Рубака, все ищешь тех, что убили твоего хозяина?

Пес покачал тяжелой головой и сверкнул зелеными глазами. Он не рывкнул, не зарычал – молчком встал рядом с ними.

Бальт улыбнулся и ласково погладил его по шее. Пес ощерил клыки, потом склонил голову и как-то неуверенно завилял хвостом – он давно отвык от человеческого обращения.

Рубака помчался вперед, и Конан ему не препятствовал. Сумерки сменились полной темнотой. Они проходили милю за милей. Пес бежал все так же молчком. Внезапно он остановился и наострил уши. Через минуту и люди услышали где-то вдали дьявольский вой.

Конан яростно выругался.

– Они напали на форт! Мы опоздали! Вперед!

Он прибавил ходу, рассчитывая на то, что собака вовремя почует засаду. От волнения Бальт забыл о голоде и усталости. Вопли впереди становились все громче. К завыванию прибавились четкие военные команды защитников форта. Когда Бальт совсем уже испугался, что они нарвутся на дикарей, Конан отвернул от реки и привел их на невысокий холм. Отсюда они увидели форт, освещенный факелами, а под его стенами толпу голых раскрашенных людей. На реке было множество лодок. Пикты окружили форт со всех сторон.

Непрерывный поток стрел из леса и с реки обрушивался на частокол. Вой тетив заглушал вопли людей. Вереща и размахивая топорами, сотни две воинов бросились к восточным воротам. Они были в полутора шагах от цели, когда смертоносный залп из луков со стены покрыл землю их телами. Оставшиеся бежали под защиту леса. Те, что в лодках, направились к береговым укреплениям, но и там их обстреляли из метательных машин – камни и бревна полетели с неба, разбивая и топя лодки вместе с их экипажами. И здесь нападавшим пришлось отступить. Победный рев донесся со стен форта. Ответом ему

был звериный вой.

– Попробуем пробиться? – спросил Бальт.

Конан отрицательно помотал головой. Он стоял, опустив голову и заложив руки за спину, печальный и задумчивый.

– Форт не спасти. Пикты впали в боевое безумие и не отступят, пока все не погибнут. Но их слишком много. Даже если бы нам удалось пробиться, это бы ничего не изменило. Мы погибли бы рядом с Валанном, только и всего.

– Что же нам делать, кроме как спасти собственные задницы?

– Нужно оповестить колонистов. Ты понимаешь, почему пикты не поджигают форт стрелами? Они не хотят, чтобы пламя всполошило людей на востоке. Они собираются взять форт и двинуться на восток, пока никто ничего не знает. Может, они даже рассчитывают переправиться через Громовую и с ходу взять Велитриум. Во всяком случае они уничтожат все живое между фортом и Громовой Рекой.

Защитников форта мы не предупредили. Да вижу теперь, что это бы и не помогло. Слишком мало сил и людей. Еще несколько приступов, и пикты будут на стенах. Но мы можем предупредить тех, кто живет по дороге в Велитриум. Вперед!

И они пошли, слыша позади рев, который то усиливался, то затухал. Вопли пиктов сохраняли прежнюю ярость.

Внезапно открылась дорога, ведущая на восток.

– Теперь бегом! – бросил Конан. Бальт стиснул зубы. До Велитриума было двенадцать миль, да добрых пять до Ручья Скальпов, где начинались первые поселения. Аквилонцу казалось, что он бежит и сражается уже целый век.

Рубака бежал впереди, обнюхивая дорогу. Вдруг пес глухо зарычал – это был первый услышанный от него звук.

– Неужели пикты впереди? – Конан опустился на колени и стал рассматривать дорогу. – Знать бы, сколько их. Наверное, только группа. Не дождались взятия форта и побежали вперед, чтобы перерезать людей спящими. Ну, бежим!

Наконец они увидели впереди свет между деревьями и дикий жестокий вой пронзил им уши. Дорога здесь делала поворот, и они срезали путь сквозь кустарник. Через минуту им открылась ужасная картина. На дороге стояла повозка с нехитрым скарбом. Она горела. Волы валялись с перерезанными глотками. Неподалеку лежали изуродованные тела мужчины и женщины. Пятеро пиктов плясали вокруг, потрясая окровавленными топорами.

Красный туман застал на миг глаза юноши. Он вскинул лук, прицелился в пляшущую фигуру, черную на фоне огня, и спустил тетиву. Грабитель подскочил и упал мертвым со стрелой в сердце. А потом двое белых воинов и пес напали на растерявшихся пиктов. Конана воодушевлял дух борьбы и очень древняя расовая ненависть, Бальт же пылал гневом.

Первого пикта, вставшего у него на дороге, он встретил убийственным ударом по раскрашенному лбу, и, отшвырнув падающее тело, бросился на остальных. Но прыжок аквилонца опоздал: Конан уже убил одного из тех, кого присмотрел для себя, второй же был пронзен его мечом раньше, чем юноша успел поднять топор. Обернувшись к последнему пикту, Бальт увидел, что над его телом стоит пес Рубака и кровь капает с его могучих челюстей.

Бальт молча посмотрел на изрубленные тела у повозки. Колонисты были молоды, она – совсем еще девочка. По случайности лицо ее осталось нетронутым и даже в момент мучительной смерти осталось прекрасным. Но зато тело... Бальт с трудом проглотил слюну и все поплыло у него перед глазами. Ему хотелось упасть на землю, рыдать и грызть траву в отчаянии.

– Эта парочка направлялась в форт, когда их встретили пикты, – сказал Конан, вытирая меч. – Парень, наверное, хотел наняться в солдаты или взять участок в верховьях реки. Вот что будет с любым мужчиной, женщиной или ребенком по эту сторону Громовой Реки, если мы не поторопимся в Велитриум.

Колени Бальта подкашивались, когда он пошел за Конаном. Но шаг киммерийца по-

прежнему оставался широким и легким, словно у бежавшей рядом собаки. Рубака уже не рычал и не опускал голову. Дорога была свободна. Шум от реки был уже почти не слышен, но Бальт верил, что форт еще держится. Вдруг Конан с проклятием остановился.

Он показал Бальту на колею, которая сворачивала к северу от дороги. Колея заросла кустами, но сейчас они были сломаны или пригнуты. Чтобы убедиться в этом Бальту понадобилось прикосновение руки, а Конан же, казалось, видит в темноте не хуже кошки. Дальше широкий след повозки сворачивал прямо в лес.

– Поселенцы поехали за солью на солонцы, – проворчал он. – Проклятие! Это на краю болот в девяти милях отсюда. Их отрежут и перебьют. Слушай! Ты один здесь справишься. Беги вперед, поднимай всех и гони в Велитриум. Я пойду за теми, что собирают соль. На дорогу мы уже не вернемся, пойдем прямо по лесу.

И, не сказав больше ни слова, Конан свернул в сторону и пошел по заросшей дороге. Бальт посмотрел ему вслед и двинулся своим путем. Пес остался с ним и бежал рядом. Но не успел Бальт сделать и сотни шагов, послышалось рычание. Он обернулся и увидел, что там, куда свернул Конан, колыхается мертвенно-бледный призрачный свет. Рубака продолжал рычать, шерсть поднялась дыбом у него на загривке. Бальт вспомнил жуткий призрак, что неподалеку отсюда похитил купца Тиберия и заколебался. Тварь, несомненно, преследовала Конана. Но великан-киммериец уже не раз доказал ему, что прекрасно защитит себя сам, а его долг предупредить незащищенных людей, которые оказались на пути кровавого урагана. Вид изрубленных тел у повозки был для него страшнее всяких призраков.

Он поспешно перешел через Ручей Скальпов и оказался возле первой хижины колонистов – длинной, невысокой, сложенной из грубо отесанных бревен.

Недовольный голос спросил, чего ему надо.

– Вставайте! Пикты перешли реку!

Дверь немедленно открыла женщина. В одной руке она держала свечу, в другой – топор. Лицо ее было бледным.

– Входи! – закричала она. – Отобьемся в доме!

– Нет, вам надо уходить в Велитриум. Форт их надолго не задержит. Может, он уже взят. О доме не думай, хватай детей и беги!

– Но мой-то пошел с людьми за солью! – заревела она, ломая руки. Из-за ее спины выглянули растрепанные головенки троих ребятишек, моргавших спросонья.

– За ними пошел Конан, он их выведет. Нам нужно идти, чтобы предупредить других.

Она облегченно вздохнула.

– Хвала Митре! Если за ними пошел киммериец, то они в безопасности. Никто из смертных не защитит их лучше!

Она поспешно подхватила на руки младшего и, гоня перед собой двух других, вышла из хижины. Бальт взял свечу и погасил ее, прислушиваясь. На дороге было тихо.

– Лошадь у вас есть?

– Да, в стойле. Ох, быстрее!

Он отодвинул ее в сторону и сам открыл засов. Потом вывел коня и посадил на него детей, наказав, чтобы держались за гриву и друг за друга. Они смотрели на него серьезно и молчали. Женщина взяла поводья и пошла по дороге. Топор она несла в руке и Бальт был уверен, что в случае чего она будет биться, как пантера.

Он шел сзади и прислушивался. Его преследовала мысль, что форт уже пал и что темнокожая орда несется сейчас по дороге, опьяненная от пролитой крови и жаждущая новой. Они будут нестись, как стая голодных волков.

Наконец, он увидел в темноте силуэт следующей хижины. Женщина хотела крикнуть хозяевам, но Бальт ее удержал. Он подошел к двери и постучал. Ему ответил женский голос. Он объяснил в чем дело и обитатели хижины живо выскочили из нее – старуха, две молодые женщины и четверо детей. Мужчины у них тоже отправились на солонцы. Одна из женщин остолбенела, другая была близка к истерике. Но старуха, уроженка пограничья, живо ее утихомирила, помогла Бальту вывести двух лошадей из сарая за хижинкой и усадила на них

детей. Бальт и ей посоветовал ехать верхом, но она приказала сделать это одной из невесток. – Она ждет ребенка, – пояснила старуха. – А я смогу идти пешком. И драться, если это понадобится.

Когда тронулись, одна из молодых сказала:

– Вечером по дороге ехали двое. Мы им посоветовали переночевать у нас, но они спешили в форт. Что с ними?

– Они встретили пиктов, – кратко ответил Бальт, и женщина зарыдала.

Едва хижина скрылась из виду, где-то вдали послышался высокий протяжный вой.

– Волк! – сказала одна из женщин.

– Раскрашенный волк с топором, – проворчал Бальт. – Идите! Поднимайте всех колонистов по дороге и ведите с собой. Я посмотрю, что у нас за спиной.

Старуха молча повела своих подопечных дальше. Когда они уже пропадали во мраке, Бальт увидел бледные овалы детских лиц, обращенных к нему. Он вспомнил своих родных в Тауране и в голове у него помутилось. Все тело ослабло, он застонал и опустился на дорогу, обхватив рукой шею Рубаки, который немедленно принялся облизывать ему щеки.

Юноша поднял голову и через силу улыбнулся.

– Пойдем, парень, – сказал он вставая. – Нас ждет работа.

Алое зарево вспыхнуло между деревьями. Пикты подожгли первую хижину. Вот бы взбесился Зогар Заг, если бы узнал об этом! Ведь огонь встревожит всех, кто живет вдоль дороги. Когда первые беглецы придут туда, все будут уже наготове. Но тут лицо юноши помрачнело. Женщины двигались медленно, лошади были тяжело нагружены. Быстроногие пикты легко догонят их... Он занял позицию за грудой бревен, сваленных у дороги. Путь на запад освещала горящая хижина, и, когда пикты подошли, он увидел их первым – черные притаившиеся фигуры.

Он натянул тетиву до уха и одна из фигур рухнула на землю. Остальные рассыпались по кустам вдоль дороги. Рубака завыл возле его ног от нетерпения. Еще один силуэт появился на дороге, подбираясь к завалу. Следующая стрела пробила ему бедро, пикт завыл и упал. Одним прыжком Рубака бросился в кусты, послышался шум и пес оказался снова рядом с Бальтом. Его пасть была в крови.

Никто больше не рискнул выйти на дорогу. Бальт опасался, что его обойдут сзади, и, услышав шорох слева от себя, выстрелил наугад. Проклятье – стрела вонзилась в дерево! Но Рубака бесшумно, как призрак, исчез, через минуту раздались хруст и хрипение – и пес уже вытирал окровавленную морду об руку юноши. На шее пса была рана, но шуршать в кустах стало некому.

Люди, притаившиеся по обеим сторонам дороги сообразили, что случилось с их товарищем и решили, что лучше пойти в атаку открыто, чем быть задавленными этим невидимым демоном. Возможно, они поняли, что за бревнами только один стрелок. И все разом выскочили из своих укрытий. Стрелы поразили троих, двое оставшихся остановились. Один повернулся и побежал назад по дороге, но другой полез через бревна с топором. Бальт вскочил, но поскользнулся, и это спасло ему жизнь. Топор отсек только прядь волос с его головы, а пикт полетел вниз, увлеченный силой своего же удара. Прежде чем он поднялся, Рубака разорвал ему горло.

Наступило напряженное ожидание. Бальт размышлял; тот, кто убежал – был ли он последним? Скорее всего, это была небольшая банда, которая не участвовала в штурме форта или была отправлена на разведку перед основными силами. Каждая лишняя минута давала женщинам и детям возможность добраться до Велитриума.

Внезапно рой стрел прогудел над его головой. Дикий вой понесся из кустов. Или уцелевший привел подкрепление, или подошел следующий отряд. Хижина все еще пылала, слабо освещая дорогу. Пикты двинулись к нему, скрываясь за деревьями. Он пустил три последние стрелы и отшвырнул лук. словно бы зная это, они подходили ближе, сохраняя молчание – в тишине слышался лишь топот ног.

Бальт пригнул голову рычащему псу и сказал:

– Все в порядке, парень, мы еще вложим им ума!

И вскочил, подняв топор. Лезвия, острия, клыки – все сплелось в один клубок.

7. Демон в огне

Свернув с дороги, Конан настроился бежать все девять миль. Но не одолел и четырех, как услышал, что впереди люди. По голосам он понял, что это не пикты, и прокричал приветствие.

– Кто идет? – спросил хриплый голос. – Стой, где стоишь, пока мы не поглядим на тебя, не то схлопочешь стрелу.

– В такой темноте ты и в слона не попадешь, – отозвался Конан. – Успокойся, дурень, это я, Конан. Пикты перешли реку.

– Так мы и думали, – сказал предводитель группы, когда они подошли ближе – высокие стройные люди с суровыми лицами и при луках. – Один из наших подранил антилопу и гнал ее почти до Черной Реки, но услышал, что внизу завывли и бегом вернулся в лагерь. Мы бросили соль и повозки, распрягли волов и бросились домой со всех ног. Если пикты осаждают форт, то банды грабителей пойдут по дороге к нашим домам.

– Ваши семьи в безопасности, – сказал Конан. – Мой друг повел их в Велитриум. Если вернемся на дорогу, то можем нарваться на всю орду. Значит, пойдем на юго-восток прямо через лес. Я буду прикрывать.

Через две минуты вся компания тронулась в путь. Конан шагал потише, держась на расстоянии голоса от остальных. Ну и шум же они подняли в лесу! Любой пикт или киммериец мог пройти здесь так, что никто бы и не услышал.

Переходя небольшую поляну, Конан почувствовал, что за ним следят. Он остановился в кустах, слыша удаляющиеся голоса колонистов. Потом кто-то стал звать его с той стороны, откуда они вышли:

– Конан! Конан! Подожди, Конан!

– Балът! – воскликнул удивленный киммериец и сказал негромко: – Я здесь!

– Подожди меня, Конан! – голос звучал громче.

Конан нахмурился и вышел на поляну.

– Какого черта ты здесь делаешь? Клянусь Кромом!

Он осекся и дрожь пробежала по его спине. На той стороне поляны его ждал вовсе не Балът. Странное свечение струилось между деревьев. Свечение двинулось к нему – мерцающий зеленый огонь, увереннодвигающийся к цели.

Свечение остановилось в двух шагах от Конана. Он старался распознать затуманенные светом очертания. Зеленый огонь имел материальную основу, он лишь окутывал какое-то враждебное живое существо, но какое? Тут, к удивлению воина, из светящегося столба зазвучал голос:

– Что же ты стоишь, как баран на бойне, Конан?

Голос был человеческий, но как-то странно вибрировал.

– Баран? – в гневе вскричал Конан. – Неужели ты думаешь, что я испугался поганого болотного демона? Меня позвал друг!

– Я кричал его голосом, – ответил демон. – Те, за которыми ты идешь, принадлежат моему брату – я не могу оставить его нож без их крови. Но ты мой. О глупец, ты пришел сюда с далеких серых холмов Киммерии, чтобы сгинуть в дебрях Конайохары!

– У тебя уже была возможность добраться до меня! – рявкнул Конан. – Почему же ты меня тогда не прикончил?

– Потому что брат мой тогда еще не покрасил черной краской череп и не бросил меня в огонь, что вечно горит на черном жертвеннике Гуллаха, еще не шепнул твоего имени духам тьмы, что навещают горы Мрачного Края. Но пролетел над Мертвыми Горами нетопырь и нарисовал твой образ на шкуре белого тигра, которая висит перед большим домом, где спят Четверо Братьев Ночи. Огромные змеи вьются у их ног, а звезды, словно светлячки,

запутались в их волосах.

– Отчего же боги тьмы обрекли меня на смерть?

Что-то – рука ли, нога ли, коготь ли – метнулось из пламени и быстро начертило на земле знак. Знак вспыхнул и погас, но Конан узнал его.

– Ты осмелился нарисовать символ, который принадлежит только жрецам Иргала Зага. Гром прокатился над Мертвыми Горами и святилище Гуллаха рухнуло от вихря из Залива Духов. Этот вихрь, посланец Четырех Братьев Ночи, примчался и шепнул мне на ухо твое имя. Людям твоим конец. Сам ты уже мертв. Твоя голова повиснет на стене в святилище моего брата. Твое тело пожрут чернокрылые и остроклювые Дети Ихилы.

– Да что это, сто чертей, у тебя за брат? – спросил Конан. Меч уже был в его руке, теперь он потихоньку доставал топор.

– Зогар Заг, дитя Иргала Зага, который все еще навещает свою древнюю рощу. Женщина из Ггавели проспала ночь в этой роще и понесла Зогаара Зага. Я тоже родился от Иргала Зага и огненного существа из дальних земель. Зогар вызвал меня из Страны Туманов. С помощью заклинаний магии и собственной крови он облек меня в плоть этого мира. Мы с ним единое целое, соединенное невидимыми узами. Его мысли – мои мысли. Меня ранит удар, нанесенный ему, он истекает кровью, когда ранят меня. Но я уже и так много сказал. Теперь пусть душа твоя беседует с духами Мрачного Края. Они тебе и поведают о древних богах, которые не сгинули, а только дремлют в бездне и временами пробуждаются.

– Хотел бы я посмотреть, как ты выглядишь, – проворчал Конан и приготовил топор. – Ты оставляешь птичий след, горишь огнем и говоришь человеческим голосом...

– Ты увидишь, – донеслось из пламени. – Ты все узнаешь и унесешь это знание с собой в Мрачный Край.

Пламя вспыхнуло и опало, начало гаснуть. Стал вырисовываться туманный облик. Сначала Конан подумал, что это сам Зогар и есть, закутанный в зеленый огонь, но только он был куда выше ростом – выше самого Конана, и в лице было что-то дьявольское, хотя и были у него такие же раскосые глаза и острые уши, как у колдуна. Вот только глаза были красные, как угли.

Торс существа, длинный и тонкий, был покрыт змеиной чешуей. Руки были человеческими, зато ноги кончались трехпалыми лапами, как у гигантской птицы. По всему телу пробегали дрожащие синие огоньки.

И вдруг эта тварь повисла прямо над ним, хоть и не сделала никакого движения. Длинная рука, вооруженная серповидными когтями, взметнулась и устремилась к его шее. Конан дико закричал, отгоняя наваждение и отскочил в сторону, одновременно метнув топор. Демон уклонился от удара с невероятным проворством и снова окутался огнем.

Когда демон убивал других, его союзником был страх. Но Конан не боялся. Он знал, что каждое существо, облеченное в земную плоть, может быть поражено оружием – как бы страшно это существо не выглядело.

Удар когтистой лапы сорвал с него шлем. Чуть ниже – и голова слетела бы с плеч. Жестокая радость охватила варвара, когда его меч вонзился в подбрюшье чудовища. Конан увернулся от следующего удара и освободил меч. Когти пропахали его грудь, разрывая звенья кольчуги, словно нитки. Но следующая атака киммерийца была подобна прыжку голодного волка. Он оказался между лап чудовища и еще раз с силой вонзил меч ему в брюхо. Он слышал, как длинные лапы разрывают кольчугу на спине, добираясь до тела, чувствовал, как холодный огонь окутывает его самого... Внезапно Конан вырвался из ослабевших лап и его меч совершил смертоносный взмах.

Демон зашатался и упал на бок. Голова его держалась на тонкой полоске шкуры. Искры, бегавшие по его телу, из голубых стали красными и покрыли все тело демона. Конан услышал запах горящего мяса, стряхнул с глаз кровь и пот, повернулся и побежал по лесу. По израненным рукам и ногам текла кровь. Потом он увидел где-то на севере зарево – возможно, горел дом. За спиной начался знакомый вой. Он побежал быстрее.

8. Конец Конайохары

Стычки на берегах Громовой Реки; жестокое сражение под стенами Велитриума; немало потрудились топор и факел и не одна хижина превратилась в пепел, прежде чем отступила размалеванная орда.

Затишье после этой бури было особенным: люди, собираясь, говорили вполголоса, а воины в окровавленных бинтах пили свое пиво по тавернам и вовсе молчком.

В одной из таких таверн сидел Конан-киммериец и прихлебывал из огромной кружки. К нему подошел худощавый следопыт с перевязанной головой и рукой в лубке. Он один остался в живых из гарнизона форта Тускелан.

– Ты ходил с солдатами на развалины форта?

Конан кивнул.

– А я не мог, – сказал следопыт. – Драки не было?

– Пикты отступили за Черную Реку. Что-то их напугало, но только дьявол, их папаша, знает, что это было.

– Говорят, там и хоронить нечего было?

Конан кивнул.

– Один пепел. Пикты свалили все трупы в кучу и сожгли, прежде чем уйти. И своих, и людей Валанна.

– Валанн погиб одним из последних в рукопашной, когда они перелезли через частокол. Они хотели взять его живым, но он не дался – вынудил, чтобы его убили. Нас десятерых взяли в плен – мы слишком ослабели от ран. Девятерых зарезали сразу. Но тут сдох Зогар Заг. Мне удалось улучшить минуту и бежать.

– Зогар Заг умер?! – воскликнул Конан.

– Умер. Я сам видел, как он подышал. Вот почему у стен Велитриума пикты уже не сражались с прежней яростью. Странно все это было. В бою он не пострадал. Танцевал среди убитых, размахивал топором, которым прорубил голову последнему из моих товарищей. Потом завыл и бросился на меня, но вдруг зашатался, выронил топор, скрючился и завопил так, как ни одна зверюга не кричит перед смертью. Он упал между мной и костром, на котором они собирались меня поджарить, из пасти у него пошла пена, он вытянулся и пикты завопили, что он сдох. Пока они причитали, я освободился от веревок и убежал в лес.

Я хорошо рассмотрел его при свете костра. Никакое оружие его не коснулось, а ведь были у него раны в паху, в брюхе, шея чуть не перерублена... Ты что-нибудь понимаешь?

Конан не отозвался, но следопыт, зная, что варвары в этих делах разбираются, продолжал:

– Он колдовством жил и колдовства же сдох. Вот этой-то странной смерти и напугались пикты. Ни один из тех, кто это видел, не пошел под стены Велитриума, все ушли за Черную Реку. На Громовой сражались те, кто ушел раньше. А их было слишком мало, чтобы взять город.

Я ушел по дороге за их главными силами и точно знаю, что больше из форта никто не тронулся. Тогда я пробрался между пиктами в город. Ты к тому времени уже привел своих колонистов, но их жены и дети вошли в ворота прямо перед носом у этих разрисованных дьяволов. Если бы молодой Бальт и старый Рубака не задержали их на какое-то время, конец был бы всем женам и детям в Конайохаре... Я проходил мимо того места, где Бальт и пес приняли бой. Они лежали посреди кучи мертвых пиктов – я насчитал семерых со следами топора или клыков, а на дороге валялись и другие, утыканные стрелами. О боги, что это за схватка была!

– Он был настоящим мужчиной, – сказал Конан. – Я пью за его тень и за тень пса, не знавшего страха.

Он сделал несколько глотков. Особым загадочным движением вылил остатки на пол и разбил кружку.

– Десять пиктов заплатят за его жизнь своей и еще семь – за жизнь пса, что был

храбрей многих воинов.

И следопыт, поглядев в суровые, горящие голубым огнем глаза, понял, что варвар выполнит свой обет.

– Форт не будут отстраивать?

– Нет. Конайохара потеряна для Аквилонии. Границу передвинули. Теперь она проходит по Громовой Реке.

Следопыт вздохнул и поглядел на свою ладонь, грубую, как дерево, от топорща и рукояти меча. Конан потянулся за жбаном вина. Следопыт глядел на него и сравнивал со всеми остальными – и теми, что сидели рядом, и теми, что пали над рекой, и с дикарями, что жили за этой рекой. Конан не видел этого изучающего взгляда.

– Варварство – это естественное состояние человечества, – сказал наконец следопыт, печально глядя на киммерийца. – А вот цивилизация неестественна. Она возникла случайно. И в конце концов победит варварство.

* * *

Книга на этом кончается, но не кончаются приключения Конана из Киммерии. Он сторицей отомстил за друга, наголову разгромив пиктов под Велитриумом – варвар стоял тогда во главе аквилонской армии. В конечном счете эта победа возвела его на трон Аквилонии – правда, его пришлось освободить, слегка придушив жестокого и вероломного короля Нумедида. Так как человек Конан был простой, держава при нем процветала. Но завистливые соседи решили свергнуть его с престола. Им это удалось – впрочем, ненадолго. О том, как Конан спас свое королевство, рассказывается в романе Роберта Говарда «Час дракона».